

ISSN 2309-1584

НАВИРОВСКИЙ
АРХИВ

№2 (12), 2016

ISSN 2309-1584

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

НАЗИРОВСКИЙ АРХИВ

Научный журнал

Основан в 2013 г.

Выходит 4 раза в год

№2 (12), 2016

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПРИАМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА»

Главный редактор:

Б. В. Орехов, кандидат филологических наук (Москва)

Зам. главного редактора:

С. С. Шаулов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

Редакционная коллегия:

В. В. Борисова, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Е. А. Выналек, кандидат филологических наук (Вроцлав)

А. А. Галлямов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

П. Н. Толстогузов, доктор филологических наук, профессор (Биробиджан)

С. М. Шаулов, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

дизайн — Д. Муслимов

Адрес журнала в Интернете:

<http://nevmenandr.net/nazirov/journal.php>

Адрес редакции:

450000 г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. к. 420

e-mail: nevmenandr@gmail.com

Ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 30.6.2016. Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 9,31.

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

© ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2016

© Редакция журнала, 2016

Назировский архив
2016 № 2 (12)

Содержание

Дело об адресате	6
<i>Б. В. Орехов</i>	
Публикации	14
Из дневника 1950–1951 годов	14
<i>Р. Г. Назиров</i>	
Из дневника 1956 года	52
<i>Р. Г. Назиров</i>	
Из дневника 1957 года	69
<i>Р. Г. Назиров</i>	
Исследования	173
Р. Г. Назиров — писатель-литературовед	173
<i>В. В. Борисова</i>	
Библиография	185
Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова	185
Правила для авторов	186

Дело об адресате

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Реконструкция адресата текстов Р. Г. Назирова (как художественных, так и научных, и уж точно — в эго-текстах), как кажется, способна довольно много дать для понимания их структуры в отдельности, а также и для уяснения общих оснований, самой интенции письма в универсуме Назирова. Так, филологические труды учёного почти никогда не обращены к равному по уровню знаний коллеге по цеху. Уже много раз отмечалось¹, что статьи Назирова рассказывают, поучают, просвещают, сообщают массу сопутствующих сведений, то есть более походят на лекции, чем на прототипические экземпляры литературоведческих исследований. Лекции традиционно обращаются к младшим коллегам по цеху. Почти обязательны в статьях Назирова историософские финалы с нравственной, то есть неявно-дидактической доминантой. Можно собрать коллекцию таких пассажей:

«Значит ли это, что мы обязаны вернуться к мифам прошлого? Нет, мы всего лишь должны научиться их уважать»; «Но история — великая обманщица, она симулирует все болезни, которых на деле нет. Такою же великой обманщицей является модная беллетристика наших дней, забывшая о нормах здоровой речи»; «...ибо свободу можно достичь, обеспечить и развить только на путях братства людей, уважения к личности и любви ко всему, что живет, растет и дышит»².

С этой точки зрения, единство с научными текстами составляет и художественная проза Назирова. Здесь тоже проявляет себя нравственно-дидактическая установка³, а адресат по мере взросления биографического автора остаётся в том же возрасте, то есть дистанция между субъектом и адресатом со временем разрастается, обозначая в начале творческого пути диалог равных молодых людей и диалог взрослого учителя и юного воспитанника в зрелые годы Назирова. Трудно сказать, какова первичная направленность этой системы: то ли молодость гипотетического адресата заставляет чувствующего себя старше и муд-

¹ ср. «...форма авторского изложения материала, с её упрощённостью обобщений и логических переходов, с тезисностью и аксиоматичностью, которые более свойственны устной речи (сообщение, доклад, лекция, диспут)» Уляшев О. И. Самообманы цивилизации или самоосмысление культур? // Назировский архив. 2014. № 3. С. 172.

² Назиров Р. Г. Генезис и пути развития мифологических сюжетов // Фольклор народов России. Русский фольклор Башкортостана в его межэтнических отношениях: Межвузовский научный сборник. Уфа, 1995. С. 165; Назиров Р. Г. Фигура умолчания в русской литературе // Поэтика русской и зарубежной литературы: Сборник статей. Уфа, 1998. С. 71; Назиров Р. Г. Петр Верховенский как эстет // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 93.

³ см. Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова // Назировский сборник. Уфа, 2011. С. 25–42.

рее субъекта-Назирова поучать, то ли желание, умение и способность получать от этого удовольствие у Назирова-автора провоцирует его видеть своим адресатом того, кто в том или ином виде ниже автора в его собственной иерархической системе.

Дидактизм назировских текстов⁴, его стремление к императивному внушению важных для него идей («Он был совершенно прав»⁵), в общем, могут служить хорошим параметром атрибуции дубиальных случаев. Если бы исследователи столкнулись с произведением, в авторстве которого не были уверены, одним из сильных аргументов «за» или «против» гипотезы об авторстве Назирова могло бы стать наличие или отсутствие нравственного или историософского дидактизма в спорном тексте.

Учитывая, что научные и художественные жанры охватывают существенную часть письменного наследия Назирова, естественным будет вывод о том, что такой формат адресации, к иерархически нижестоящему объекту, является для уфимского учёного доминирующим. Тем примечательнее, что эго-тексты Назирова по этому параметру радикально отличаются. Можно сказать, что дневниковые записи чуть ли не единственные в своём роде (или, по меньшей мере, единственные в классе так объёмно представленных в наследии Назирова жанров): они обращены к равному по уровню интеллекта и эрудиции читателю, которому Назиров не стремится объяснить, истолковать или передать мировоззренческие установки.

Дневники пишутся Назировым в обычном для подобного формата доверительном модуле, там повествуется о личных событиях, значимых впечатлениях дня, фиксируются этапные происшествия, которые, к слову, могут вовсе не представляться таковыми внешнему читателю, так что тут важна ещё одна характеристика адресата: заинтересованность фигурой субъекта.

Кто же этот равный, близкий, заинтересованный адресат дневников Назирова? Ответ на этот вопрос не может быть простым.

Во-первых, адресат может быть деперсонализован, или, что близко, слабо отрефлектирован. В таких случаях, кажется, адресат оказывается предельно близок к самоидентификации субъекта. Действительно, Назиров нигде прямо не говорит о том, к кому обращается в своих записях, избегает соответствующих синтаксических конструкций, которые вскрыли бы для нас фигуру читателя. В то же время нет и текстуальных подтверждений, что автор обращается к себе. Конечно, не следует забывать, что ряд исследователей (в частности, А. А. Зализняк) считает, что «адресатом дневника является его автор. Дело в том, что адресат и круг предполагаемых читателей-это две разные функции. Человек пишет дневник, имея в виду, что его могут/будут читать такие-то люди-или что его не прочтет никто. Од-

⁴Он проявляет себя и в поздней большой прозе. Об этом см. в нашей статье Орехов Б. В. «Звезда и совесть» как учёная проза // Назировский архив. 2016. № 1. С. 181–190, где мы показываем, что это произведение одновременно учёное и учебное.

⁵Назирова Р. Г. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул. Автореф. дисс. ... докт. фил. наук. Екатеринбург, 1995. Ср. Назирова Р. Г. Очерки по истории лингвистики. Словарь // Назировский архив. 2015. № 1. С. 27; см. об этом: Орехов Б. В. Предисловие к публикации <Назирова Р. Г. Очерки по истории лингвистики. Словарь> // Назировский архив. 2015. № 1. С. 7.

нако *адресатом* своего текста является он сам»⁶. Нам такая формулировка представляется излишне категоричной, а в применении к Назирову неверной. Нужно учитывать, что адресат — это не только участник коммуникации, но и её главная причина. Субъект пишет свой эго-текст не только для адресата, но и из-за адреса, из-за желания общения с ним в форме дневника. Это означает, что изменения в этой коммуникации (начало дневника или его финал) должны быть обусловлены изменением отношений с адресатом.

Во-вторых, на разных этапах создания дневника представление о том, кто заполняет валентность адресата, могла быть разной. В 1950-е годы это массовый читатель будущего: «Если не умру, я опубликую многотомный дневник в 2000-м году. Это будет «Исповедь» человека двадцатого века. А сколько повестей, рассказов и романов (sic!) можно наделать из этого» (АРГН оп. 4, д. 1, л. 2). Упоминание «Исповеди» здесь значимо. «Исповедь» Руссо (без сомнений, главный ориентир галломана Назирова в момент начала дневника) имеет эксплицированного адресата: «Я хочу показать **своим собратям** одного человека во всей правде его природы, — и этим человеком буду я» («Je veux montrer à **mes semblables** un homme dans toute la vérité de la nature; et cet homme, ce sera moi»). В начале 1970-х годов, завершая историю дневника, Назиров проговаривается: «Мама умерла 12 ноября 1970 года. Не буду больше вести дневник. Думаю, никогда». Возможно, именно мать следует считать адресатом дневника, по крайней мере, в поздние годы. Наша гипотеза в следующем: Назиров начинает писать дневник как «писательский» в классификации В. И. Щербакова, то есть в качестве «школы пера, творческого полигона, резервуара для материалов и эскизов литературных работ»⁷. Затем он всё больше становится человеческим документом, формально выраженным актом коммуникации с матерью. Действительно, при той исключительной роли, которую играла в жизни сына Э. И. Волович, Назиров упоминает её в дневнике крайне мало. Справедливо было бы предположить, что такие упоминания и не нужны в том случае, если эго-тексты адресованы именно ей: среди тех важных событий дня, которыми мы хотим поделиться с некоторым человеком, редко бывают такие, которые происходили в присутствии этого человека.

Мы пока не производили соответствующих подсчётов, но «на глазок» можем предположить, что дневниковая активность Назирова растёт именно там и тогда, когда он оказывается удалённым от Э. И. Волович: Бишкаин, Ленинград, время московской аспирантуры. Если эта тенденция подтвердится, можно было бы списать всё на естественную ситуацию, в которой человек попадает в новое для себя пространство, насыщен впечатлениями и хочет их зафиксировать на бумаге. Но не стоит сбрасывать со счетов и психологическую необходимость общения с матерью.

Когда Назиров всё же пишет о ней, то получается текст подобного рода: «Мама свое отработала. Она много сделала за свою жизнь. Очень много. Была ткачихой на Пресне,

⁶Зализняк Анна А. Дневник: к определению жанра // Тезисы докладов конференции «Маргиналии 2008: периферия культуры и границы текста». URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2008/thesis.htm> .

⁷Щербаков В. И. Дневник: проблема морфологии жанра // Начало. М., 2002. Вып. 5. С. 46.

стенографисткой в Магнитке и там, в газете строительства, стала журналисткой. В 1938 г. сидела 2 месяца в тюрьме, а в 1945 году ей дали медаль с профилем Сталина ("За доблестный труд в Великой Отечественной войне"). Сейчас маме 56 лет, но она еще здорова, хорошо выглядит. Хочу, чтобы она прожила подольше» (6 августа 1964). Такую реплику трудно считать естественной в обращении и к себе, и к собственно матери. Перечисляемые события хорошо известны всем предполагаемым участникам коммуникации. Фраза приобретает естественность, если её немного трансформировать, трактуя как косвенный речевой акт. Здесь субъект сообщает адресату, что он знает и помнит обо всех перипетиях жизни мамы, и желает ей долгой жизни, такое пожелание не звучит необычно в обращении к любому адресату.

В любом из этих случаев адресат предполагает принципиальную искренность высказывания, что, без сомнения, повышает ценность документа в содержательном плане.

Дневниковое письмо Назирова гаснет после возвращения в Уфу с защитой диссертации и обретением семьи и детей. Сознательно работа над дневником прекращена со смертью матери. Является ли такое развитие событий следствием того, что Назирову больше не нужно было обращаться к себе через дневник? Или автор постарался избавиться от своей привычки разговаривать с матерью через эго-текст, чтобы избежать неприятного раздвоения после её смерти? Всё-таки разговоры с усопшими — это специфическая практика, не всегда сопутствующая душевному здоровью. Назиров вполне мог осознавать это.

Читала ли Э. И. Волович дневники сына при жизни? Ответить на этот вопрос с уверенностью мы не можем: многое зависит от соблюдения сферы приватности в семье Назировых. По крайней мере, маловероятно, что мать совсем не знала о дневниковых занятиях сына: за годы создания дневника накопилось в материальном выражении внушительная стопка бумаги, которую городскому человеку сложно хранить скрытно в тех квартирных условиях, в которых существовала семья автора дневника в 1950–1960-х годах.

Тематически дневник весьма своеобразен. Назиров помещает в нём то, что считает важным. И личная жизнь (а также интересные современному исследователю читательские впечатления) далеко не всегда вписываются в его представления о значимом. Что значимо в контексте дневника? Прежде всего, внешнеполитическая обстановка: события в Корее, в Алжире, в Ливии и парламентская борьба во Франции — всё то, что происходит далеко от дома и мало влияет на непосредственный быт Назирова и его близких. Дело тут, конечно, не в том, что автору очень хочется поделиться рассказом об этом с собой или своей матерью. Дело в том, что образцовый строитель коммунизма обязан интересоваться этими далёкими и даже недостижимыми происшествиями. Временные бытовые трудности не должны заслонять главного — всему человечеству, в том числе и находящимся на другой стороне Земли городам и странам, в будущем предстоит объединиться в большую коммунистическую семью, и вся современная история является подготовкой к этому венчающему её событию. Все эти многостраничные новостные дайджесты суть прежде всего послания адресату, в которых главным сообщением является то, что субъект стремится соответствовать

и соответствует модельной фигуре советского человека. Ведь дневник — это «документация своей идентичности, подтверждение непрерывности своего «я», текст о самом себе»⁸.

Внутрисоюзные политические события занимают Назирова гораздо меньше. Они присутствуют в дневнике в той мере, в какой они лично пережиты (смерть Сталина) или имеют ощутимое влияние на непосредственную жизнь советского человека (обеспеченность товарами потребителей).

Уже вторым номером вслед за политикой следуют непосредственные бытовые впечатления и зарисовки. С самого начала Назиров видит в них необработанный материал для романического творчества. В самом деле, мы знаем, что первичная самоидентификация Назирова — писатель. Таковым он осознаёт себя, по крайней мере, до середины 1970-х годов, то есть до времени, когда дневник уже не пополняется новыми записями. Сейчас, когда информацию о политических событиях XX века можно легко найти в большом разнообразии источников, самой ценной частью дневника становится именно человеческая составляющая, бытовой фон, личные впечатления: «Я вспомнил, какие бои происходят в Уфе возле Главнивермага, когда там продаются швейные машины. В отношении этого товара спрос намного превышает предложение». В этом смысле, конечно, дневник Назирова не слишком удобен для современного читателя, но для того, кто отыщет среди того, что было важно для автора, то, что интересно читателю, эти поиски окупятся с лихвой.

В этом номере мы публикуем большую подборку дневниковых записей, оцифрованных с помощью волонтеров проекта «Прожито»⁹.

Редакция журнала выражает благодарность тем, кто помогал в оцифровке рукописей:

- Алексей Сеньюхин
- Анатолий Волохов
- Лилия Галяутдинова
- Ленария Галлямова
- Лукас Корсо
- Ирина Купер
- Виктория Каськова
- Татьяна Богданова
- Елена Локтионова

Эта публикация делает текущий номер в некотором смысле тематическим, монономером, почти целиком посвящённым именно дневниковому жанру; некоторое отступление от этого

⁸ Михеев М. Ю. Дневник в России XIX–XX века-эго-текст, или пред-текст. М., 2007. С. 5.

⁹ <http://prozhito.org/>

единства — статья В. В. Борисовой о Назирове-писателе и библиографический отдел. С одной стороны, было бы логично наполнить этой публикацией традиционный для нашего журнала как раз тот самый биографический отдел: в этих текстах достаточно ценных сведений, способных бросить свет на многие обстоятельства биографии нашего главного героя. Но по нашему мнению, дневник Назирова шире его личной жизни, это важный документ эпохи, фиксирующий настроения советского человека. В этих текстах отражены и переломы, неизбежно сопровождающие взросление молодого человека (школьная любовь, драма перехода в высшую школу), и переломы, отметившие всё общество: смерть Сталина, Оттепель, смещение Хрущёва.

До некоторого момента своей жизни Назиров — «обычный» представитель советской цивилизации, и в нём, как на ленте томографа фиксируются всплески активности болезненных тем общества: военные события (конфликт в Корее, интерес к армейскому делу), Сталин и люди, десталинизация, материальные блага и снабжение продуктами. Если попробовать найти этому выражение в дневнике, то лучшим, пусть и достаточно жёстким по отношению к самому Назирову, будет часть постсталинского анекдота: «Были ли отклонения от генеральной линии партии? — Нет (Колебался вместе с линией)». Дневник не успел застать разочарования в советском проекте, которое наступило в поздние годы, и фиксируется биографическими свидетельствами, но и в этом Назиров повторял историю своего родительского общества. Его дневник, продолжающийся около двадцати лет, довольно тонко фиксирует смещения в настроениях людей, а значит, может служить хорошим источником в описании истории культурного и эмоционального фона, сопровождавшего значимые события в российской провинции. Предполагаем, что дневник будет интересен не только тем, для кого важна личная история Р. Г. Назирова, но и культурологам и специалистам в области *soviet studies*.

Учитывая двойственный характер этого материала мы решили объединить публикационный и биографический отделы, и не вводить в композицию номера специальные страницы, посвящённые биографии, о биографии Назирова — весь этот номер.

Публикации

Публикации

Из дневника 1950–1951 годов

Р. Г. Назиров

28 декабря. . . школы Миронова в чёрном платье с роскошным белым жабо на груди. Она ласково нам что-то запрещает; мы притворяемся, что приняли запрет насчет кошечки и спускаем её на насиженное место, а сами дерзаем проникнуть на второй этаж, в коридор. Миронова опять приказывает нам вернуться. Надев маску «Как вам это понравится», — мы возвращаемся на площадку; я вознаграждаю себя тем, что сажаю котёнка на плечо. В этот момент трое девочек выходят на лестницу; одна из них, в красном платье с полосами, Эльвира Берлявская, произносит насмешливым тоном: «Маленький, с кошечкой. . . » Глупенькая! Её насмешка — целительный бальзам для моего сердца. О, сударыня, вы меня отнюдь не презираете! После сорокадвухдневного перерыва она первая со мной заговорила. Но счастья не бывает полного; она ушла в этот вечер рано, и её провожали. Она прошла мимо меня, насмешливо и неопределенно улыбаясь свежими губками, сменив белые туфельки на серые валеночки. Я оделся и вышел следом. Они шли по улице Гоголя, и я их нагонял. Четыре фигуры виднелись впереди: там была и она. Но под каким предлогом догнать? Глупо и невежливо. Я повернул назад.

Вчера она была на вечере у нас. Я внимательно, пристально и в то же время незаметно изучал её. Теперь я прекрасно помню её лицо, четыре раза изучал я её. Она — совершенна и знает это. Отсюда и гордость; девочки завидуют её красоте и ненавидят её надменность. Она демонстративно, подчеркнуто не желала меня видеть. Bravo! Это хорошо. Демонстрация? значит, она желает меня уколоть, уязвить, т.е. внутренне, бессознательно уважает. *Bardzo dobrze!*

Вчера Юра принялся осуществлять интригу. Он начал с ней разговор во время танца, потом продолжил его, сидя рядом с ней у стены, еще раз во время танца. Оказалось, ей передали мои речи в совершенно ис. . . т.д. Юра разъяснил ей, что я рассказал всё благороднейшим образом, вдобавок со слов Нарика Асмерова. Она заявила, что Нарик солгал, что она о нём слышала только плохое (ещё Феликс говорил ей, затем др[угие]. ребята), а про меня, кажется, хорошее: историк, умный мальчик etc. Скоро она ушла; одеваясь, она спросила Юру: «Ты идёшь?» Он хотел ещё потанцевать и упустил случай, о чём сам вскоре страшно жалел. Сегодня, сейчас, когда я пишу эти строчки (уже вечер, он катается на катке стадиона «Динамо»). Она там. Он убеждал меня прийти — ради продолжения интриги — на каток. «Й о к, н е х о ч у». Я не умею бегать на коньках. . . Чорта ли я там буду делать?

Что я умею: говорить, читать, писать. Всё? Осмелюсь добавить: любить, дружить и ненавидеть. Добавьте огромное самомнение — и вот моя нравственная физиономия готова.

29 декабря. Скорее бы новогодние вечера. Я сгораю от нетерпения. Кажется, на каникулы приедет Феликс с. Только почему он не пишет? Сегодня уже пятница, прошло 8 дней, как я ему написал сумасшедшее письмо, которое надо сжечь. Попрошу его сжечь. Чорта ли он не пишет? Меня это беспокоит. У него недостаточно сильный характер, увы, да.

Я пришёл к выводу: Эльвира — нехорошая девочка, но я этого дела не брошу.

Во мне два человека, которые непрерывно враждуют между собой и у которых есть только одна, очень воздушная связь: мечта.

1951 год

2 января 1951 н.э. 2-й день 2-й половины 20-го века. В Риме закончился santo anno (ю б и л е й).

«Спи, мой бэби, кудрявый, чёрный бэби...» — Вот что всплывает в моей голове, когда я берусь за перо, чтобы описать бурные новогодние праздники.

Начну сначала, как говорят французы. 30 декабря прошлого года мы уже не учились,
...

5 апреля. Учусь. Весна сильно влияет на настроение. Подумываю о воспитании воли.

Сильно тоскую по Эльвирке. Я в нее по-настоящему влюблен, хотя она порядочная дрянь. Я чувствую в ней алмаз, покрытый толстым слоем навоза. У нее серединка хорошая. Она мне кажется умной: инстинкт редко меня обманывает, чувствую в ней душу. Я должен уважать чужие принципы. Ведь я не знаю её характера. Быть может, она не так уж и плоха?

Не скоро её увижу, но действовать начну скоро. На ближайшем вечере я познакомлюсь с Ж. Гетнер, хорошенькой полячкой, и тогда из всех «цариц» останется со мной незнакома лишь Elvirette Berlavka. Ô, ma deesse! Je vous aime pour la vie, l'amour me tuera! Ah, ça ira, ça ira... Ça ira! Дело пойдёт. Да, когда из львиц, 45-й я лишь её одну не буду знать, тогда естественно будет искать с ней сближения. Но не стоит делать этого. Я просто окружу её знакомствами. Нужно познакомиться с Эммой Мельниковой (Эльвирка сидит с Эммой).

Муза, Женька Гетнер, Галя Козьминых, «звезда гарема» — Валя Ищенко — почувствует, наконец, Эльвирка, что я ею пренебрегаю? Неужели моя особа совсем ею незамечена? Не может быть! Последнее время, я усиленно бросался ей в глаза, учился танцевать. Сыграю на ее любопытстве — «что-де за новый тип». Новые люди всех их интересуют — и Галю даже я заинтересовал. Галя уже пробовала на мне свои чары, только не ей меня воспламенять. Я ведь не Саша Панкин, к[ото]рого она довела до белого накала, он был в нее мощно втрескан.

Скорее бы вечер!

6 апреля. Письмо от Феликса.

«Ромек, здравствуй!»

Второй день, как я халтурю, что-то с рукой творится дрянное. Помнишь, Ромка, я тебе писал, что на тренировке как-то вывихнул себе руку. Лечим ее лечим, да что-то

эскулапы, паскуды иху туды (фи! какая непристойная ругань!), мне не так смастрячили: рука страшно болит. В школу пока запрещено ходить под страхом смерти

И вот, сейчас, когда “скромные” юноши, подобные тебе, все свои силы отдают науке, я, топ cher, пишу тебе письмо. На дворе просто чудо, а не погода. Весна, весна, пора любви! Ах!

Мы уже открыли окна и балкон, и я восседаю у открытого балкона. Ветерочек эдакий, солнышко, птишечки! Идиллия!

Ромка! Начинаю письмо опять с просьбы. Но сейчас у меня просьба к тебе довольно таки важнецкая. Итак, излагаю суть дела. Помнишь, я выиграл на пари в Галькой К. фотокарточку. Я ее оставил у Эльки Будаевой. Мне просто захотелось иметь эту фотокарточку. Не делай удивленное лицо, и не думай, что я на старости лет влюбился в Гальку. Далеко нет: Галька далека от моего идеала. Дело, конечно, сложное, но вполне законное: фотокарточка принадлежит мне. Но самое главное, Ромка, то, чтобы никто, совершенно никто не знал, что Галькина фотокарточка контрабандой будет переправлена мне. Кроме тебя, Эльки, меня — никто. Я тебе не предлагаю план этого “задания”: все зависит от обстоятельств. Но приступай за выполнение этой интриги, как получишь от меня письмо. Делай, Ромка, мудро, чтоб ни один бес не подкопался.

Знаешь, Ромач, я пришел к выводу, что Галька далеко не так уж и плоха. И знаешь, почему? Она еще никого из ребят не подпускала к себе близко, несмотря на то, что “даст прикурить” с 7-го класса. Ее до искушения не так легко довести. Кремень-девчурка. А вообще, бес ее знает, может она баба.

О Майке Захариной, топ cher, у Шарика ни хрена не выйдет: эта зеленоглазая — бестия, а не девчонка. Притом, раньше она была агашкой Кимки Садыкова.

Ромка, у меня к тебе “мудрейший” совет: брось ходить в 3-ю на вечера. В этом монастыре нет ни одной порядочной девчонки, кроме Захариной и Ритки Григорьевой. Да, Ромка, Ритку Григорьеву знаешь? По-моему она неплохая девушка. Я, правда официально с ней не знаком, но немного её знаю. Кажется, она меня тоже знает. Если с ней не знаком, то обязательно познакомься. И напиши, конечно, о ней. Между прочим, в 3-ей школе раньше было две Ритки Григорьевы.

Ромка, у меня с Эльвиркой есть небольшие счеты. Поможет аллах, я ей летом кое-что припомню. Я сейчас жалею, что сразу порвал с нею. Не надо было мне так спешить. Придётся восстанавливать по-тихоньку с ней связь. Трудно при моём теперешнем положении. . . Не так давно, Роман, получил письмо от Нэльки. Рассыпалась в извинениях за то, что долго подвергала меня мукам ревности. Письмецо довольно-таки нежненькое. Может быть, даже она мне писала искренне, но я ей не поверил. Ответил довольно сухо. Наверное, не ответит.

Кончаю писать. Передавай от меня привет по своему усмотрению.

Твой Феликс.

P. S : Про Рэнку расскажу тебе, когда приеду в Уфу.

До свидания.

3 апреля 1951 года.

Скоро конец учебе!

Весна! Кровь играет в кровеносных сосудах (начало нового романа)».

9 апреля. Понедельник. Позавчера ответил Феликсу. Сегодня звонил Гале Козьминых, передал ей привет от Фельки.

Но - главное.

Вилорик Замятин болен, я навестил его и позвонил с его телефона Эльвире. Она взяла трубку сразу: мой голос от волнения сделался густым, басовитым

— «Вам привет от Феликса Чернухи.» — «Спасибо, передавайте ему тоже» — «Хорошо». И я замолчал, лихорадочно думая, о чём бы заговорить. Недостаток опыта меня губит: она с бряком положила трубку.

Как давно я с ней не говорил! Хочется положить конец всему этому, познакомиться с ней, сблизиться. . .

Как?

Время идет. Счастье уползает.

12 апреля. Четверг. В воскресенье вечер у сорокопяток. Вчера я долго (четыре часа) гулял и разговаривал с Гебой. Близость с ним очень много мне даёт.

Подруга Эльвиры — Ляля Еникеева. Запомним. Геба рассказал мне, что последний «amant» Эльвиры Б. — Сашка Руденко из Авиаинститута. Сильно увлеченный ею, он дождался того, что она в конце концов сказала ему: «Что ты мне мешаешься?» Да, урок влюблённым: никогда не открывайте девушке всё, что творится в вашем сердце. Девушка никогда не любит так, как юноша.

У Э. Б. есть два альбома: один из них она не показывает даже девчонкам — в нём за одной открыткой скрывается фотография: на песочке пляжа лежит Эльвира в узеньком лифчике и легоатлетич. трусиках, оставляющих открытым почти все тело. На голом животе Эльвиры — голова ее первого аманта. Ей было тогда 15 лет, она училась в 8 классе. Это было её первое опьянение любовью. Чорт её знает, а вдруг она женщина?

Теперь она стала гораздо осторожнее и благоразумнее, но я не могу себя заставить её уважать. Отныне я вижу в ней только самку.

Я ещё расследую её поглубже, а там, может быть, и брошу. . .

Макартур смещён президентом США: очевидно, за то, что не одолел Корею.

Химические бомбы, бомбы замедленного действия, напалм, эпидемии — проводник американской цивилизации в Корею.

15 апреля. Воскресенье. Письмо от Феликса.

«10 апреля, вторник, Ульяновск, 1951 год.

Воплоит, Роман!

К сожалению, моему завидному домашнему положению пришёл конец. Сегодня я выбрал время, что написать тебе немного. Не думай, что я занимаюсь повторением. К счастью, нет, нам просто много дают учить.

Представь себе, Ромка, я тоже тоскую. Ничего не поделаешь: весна. Я каждую весну мандражирую, эту — особенно. Скорее лето бы пришло. Несколько слов о фото. Самое главное. Галька не должна никаким образом знать, что фото пересылается мне. Мне хочется летом при помощи этой фотокарточки провернуть какую-нибудь интригу. Правда, в голове сейчас ничего определённого нет, но к лету, может быть с тобой вместе чего-нибудь придумаем. Ага! Давай, Ромка, пошуруй мозгами: авось.

Пишу о Рите Григорьевой и о третьей школе. Ты пишешь, что ты нелогичен. Опровержение: быть знакомым с одной девчонкой из женского монастыря — это еще не значит ходить в 3-ю на вечера. Такие девчата, как Майка и Ритка Г., редкие исключения в 3-й школе. Теперь о твоём “милом” Юрии Пацке. Я к нему питаю какую-то антипатию. Иногда он бывает хорош, иногда я просто не могу на него спокойно смотреть. Мой совет: не впутывай Юрку в это дело: меньше шансов на победу, т.к. Эльвирка, по-моему, таких ребят, как Юрка, не особенно уважает.

Ромка, в том письме ты меня не так понял: если я немного написал о Гальке, то это еще не значит, что я уже её поклонник. Мне просто до смерти надоело искать настоящую подругу. Поэтому я бросаю искать хорошую девчонку, по-моему, её вообще нет. Помнишь, я тебе писал, что становлюсь женоненавистником. Это, конечно, неверно. Просто Рэнка мне на несколько месяцев отбила охоту заниматься амурами.

Ромка, знаешь кто-то-какая Гренада. В прошлом году Стась Коростелин буквально жить без нее не мог. Жалко, что одним красивым лицом стало меньше.

Да! Об Эльвирке Не знаю, как с ней связаться! Дело, конечно не очень лёгкое. Писать ей письмо? Не очень оригинальный путь к установлению мира. Не знаю с чего начинать. Посоветуй сам. Ты к ней сейчас ближе, поэтому тебе легче, найти путь к восстановлению мира.

То, что ты стал в тысячу раз развратнее, чем в прошлом году, было мне давно известно. Посмотрим, что станет с тобой к концу 10-го класса. Уйди, пока не поздно, из этого мира пороков и разврата. Позабудь о всех этих Гальках, Эльках, Женьках. Да! О Женечке (кстати, она моя “кузина”).

В новый год я поспорил с Валькой о том, что моя кузина не будет дружить с Игорем Кузнецовым. Пари — 300 грамм белой. Боюсь, что Валька потеряет свои 300 грамм (он мне итак уже проспорил 100 грамм). Напиши Ромка, немножко о Женечке. Ромка, Гюго был прав: пожалуй, нет неложных ласк. Я, например, еще не встречал, хотя тешу себя надеждой, что, может быть, встречу неложные ласки.

А насчет того, что девчата оживляют нашу жизнь, ты, как всегда, прав.

Кончаю, топ шер. Пиши всё, что интересно и доставай у Эльки фотокарточку.

Твой Ферт/есть/люди/иже/како/слово.

Гон! Закрываю конверт.

Передай привет!»

Сегодня, кажется вечер в 45-й школе. Ничего определённого. Схожу. Хорошо бы лично передать ей привет от Фельки, непосредственно, без телефона. Давно я её не видел.

17 апреля. Вечера в воскресенье не было. Видел Эльвиру мельком, вчера после уроков. Хлопочу с делом о фотокарточке, проникал в девчачий «beau _ mond». Письмо от Фельки (срочно-экстренно, всё по тому же делу).

«Здравствуй, Ромка!

Отвечаю немедленно.

Любым способом достань фотокарточку, даже если об это узнает Галька.

Валёк Егоров — большой подлец. Поэтому ни слова об этом. Пошли его со всеми распросами к чертовой матери.

Вовке о фото можешь сказать.

Но остальным ни гу-гу.

Жду ответ с фотокарточкой, конечно.

Твой Феликс.

Р. С. Эльвирка, конечно, знала, что передавал привет именно ты: у неё чудная память на голоса».

Вечером. Дело сделал, письмо уже летит к Фельке, а в нем карточка Гали. Отлично! Галька по закону кокетства выразила мне недовольство, но поздно: карточка уже в пути. Женька невероятно дерёт передо мной нос, за что весьма поплатится. Эльку Будаеву я постепенно и неотвратимо втягиваю под своё влияние. Fr é s bien! Живём!

Три красивейшие девочки 45-й школы: Эльвира, Галя, Женя. Одна уже в сфере моей досягаемости. Женьку нужно взнуздать. Геба говорит, что она меня побаивается (я слишком много о ней знаю).

Вечер (на спортивную тему) в субботу после уроков. Бевик умер 14 апреля. Жаль, что не дожил до верёвки. Очень жаль

19 апреля. Четверг. В Корею фронт 5–15 км от 38° с.ш. К северу от 38 параллели. Корейцы и китайцы дерутся, неплохо. У них всё прибавляется машин, орудий, крупнокалиберных миномётов, особенно авиации. Авиация Кореи действует успешно: недавно потопили эсминец. «Голос Америки» рассказывал, что в Корею сбили маленький русский реактивный истребитель («п ч ё л к а»), чрезвычайно быстроходный; когда стали разбирать его с целью изучения, он взорвался. Упоминали советскую «Л ё т а ю щ у ю к р е п о с т ь» «Ту-4» (Туполев), признали, что по некоторым качествам превосходит «В-29».

Любопытный факт. Наш камчатский краб в виду его дороговизны экспортировался в Штаты до самого последнего времени. Недавно янки закрыли и это: ввоз этих консервов в США запрещен, якобы из-за низкого качества. Большой запас готовой продукции выпущен на внутренний рынок, без всякого изменения «тары»: маленькие коробочки, круглые,

из желтой жести, Packed by floating canneries of fish industry of the USSR for vsesojuznoje objedinenije «Export — khleb» Moscow.

По поводу изгнания камчатского краба «Правда» поместила фельетон Заславского.

Вечером. Сегодня, незадолго до школы, идучи к Вилорю Замятину, нашему больному комсоргу, несу ему исторический роман Крашевского почитать, иду по солнечной стороне улицы Гоголя, где она всегда ходит. Фортуна ко мне благосклонный взгляд «обратила». Я узнал Эльвиру издали; как только увидел её белый воротничок, у меня сердце ёкнуло. Подхожу — так и есть! Я впился ей в лицо внимательным, острым, равнодушным и презрительным взглядом, губы мои были плотно сжаты, ни один мускул лица не дрогнул, я не оглянулся, не замедлил шаги. Я был весь гордость и презрение — а сердце остановилось, мысль замерла, горло сжалось, я так любил её лицо в этот миг. Когда я отошёл достаточно далеко, у меня вдруг стало жарко в груди, я перевёл дух и успокоился. . .

Как она хороша! У меня улучшается настроение, повышается оптимистическая вера в человека, я готов простить ей все её прегрешения (если она — девочка).

Чорт возьми! Ведь она человек, т.е. в ней очень много хорошего. Может быть, она стоит всё же любви? Ах боже, ты мой, сердце просит. Я уверен, что когда увижу всю тщету любовных усилий, разум осилит чувство. Но девчонки уважают и ценят людей, в которых силён ум, к[ото]рые вечно хранят свое достоинство и не роняют его ряды девочки. Я удержусь на лезвии ножа. Девочек пока не брошу. Они очень оживляют мою жизнь.

21 апреля. Сегодня в 8 ч. вечера — спортивный вечер в 45-й школе. Нужно познакомиться с Женькой и заговорить с Эльвиркой. Необходимо предупредить Гебу.

23 апреля. Вечер был, но я там не был, себя, дурня, проклиная. Эльвирка там была. Чорт меня возьми! Дурак я некрещённый. Вчера получил письмо от Феликса, вскрыл его в пол-первого, придя домой после вечерней прогулки с Гебой.

«Salut, Ромка!

Да благословит тебя Боже за деяния твои! Хвала тебе!

Пишу тебе, si ñ or, в четверг, апреле 19-го дня, 1951 года, etc. За фотокарточку, конечно, приношу, o si ñ or, благодарность.

Знаешь, мне кажется, что лучше было бы потребовать от Гальки за выигранную американку другое: поцелуй. Как ты думаешь? Это, пожалуй, было бы почище фотокарточки. В следующий раз такую возможность не упущу. “Все смешалось в доме Облонских”. В Уфе — тоже. Но я, тои вопне атие, не верю, как хочешь, но не верю, что такой парень, как Витька Торопыга, мог поливать за Женькой. Раньше он, например, на неё просто-напросто чихал. У меня даже в голове не укладывается, что Женька смогла пришить к своей юбке Витьку.

И если он правда в женькиных лапках, то он - большой подлец: его друг, Колька Костин, не мог жить без этой пашенки. У Кольки есть брат, тоже Колька, и этот брат, Колька, сказал, что за своего кузена, то есть за Кольку, когда-нибудь спустит Витьку с лестницы. Чем скорее это случится, тем лучше для Витьки: не будет подводить друга.

Ромка, насчет того, что ни у кого с Галькой не выходило. Ты, топ шег, впал в непростительную ошибку. С Галькой дружил Юрка Кувыкин, и только по его собственной вине они поссорились.

Роман, послушай из уст моих мудрейших побед. Если ты не бросаешь поливать за Эльвиркой, то действуй как можно энергичней, а то много прогадаешь. Я с ней был мямля, поэтому у меня с ней путного ни хрена не вышло. Не следуй моему примеру. Играй, Роман, ва-банк, или кранты.

Да, Ромка, не знаю, что хорошо Багаев нашёл хорошего в Галька. Девчурка она — ничего, но ему по-моему она не подходит. Впрочем, о вкусах не спорят.

Да, хочу тебя спросить тебя об одной вещи. На фотокарточке вторую часть автограф написала Галька, бо Элька Будаева?

Недавно встретил Рэнку. Увидел её в кино: думал, что она меня не увидела, но, когда выходил из кино, она меня догнала с одной девчонкой. Пришлось идти провожать сначала одну девчонку, а потом Рэнку. С Рэнкой мы немного «душевно» побалакали и пришли к выводу, что нам встречаться совершенно излишнее, чему я весьма обрадован, т.к. не встречал ещё хуже девчонки, чем Рэнка.

Учусь по-немногу, к экзаменам начну готовиться 1-го мая. Готовимся к Ленинским дням, работы пока по горло. Завтра прёмся в дом Ленина на лекцию. Читаю, сейчас, между прочим, по-страшному.

Так-то, Ромач, живём.

Кончаю, топ шег; распоряжайся приветами, как хочешь.

До свидания.

Твой Феликс.»

Эльвирка, повидимому, по уши влюблена в Гёбу, он довольно крепко в Галю. Витка Торопчик — амант Женьки Гетнер. «Всё смешалось в доме Облонских» и в уфимском «beau monde».

Характерные детали: Эльвира писалась еврейкой, теперь превратилась в украинку. Вот сволота! Женька прежде писалась «русская», теперь «полька». Вот за это я готов поцеловать край её платья. Женичка — восходящая звезда.

Окружение Эльвирки — Кириллова, Еникеева, Мельникова.

25 апреля. Среда. Вовка Мурзин уехал в Ленинград, что до последнего момента скрывал от меня. Танька рыдала на вокзале, расставаясь с Вовиком, схватила 2 по химии, чему Эльвирка была очень рада.

Скоро я познакомлюсь с Эльвиркой. Решительно не представляю, о чём буду с ней говорить. Я всё ещё влюблен в эту дрянь.

26 апреля. Сегодня утром соседка говорит: «Я сегодня такой клопомор изготовила — это не клопомор, я концентрат атомной энергии!» Какая непочтительность.

29 апреля. Воскресенье. До сих пор ничего не предпринял в девчачьем отношении.

Весна. Прорезается травка, деревья густо опушились первой молодой листвой; листья мелкие и словно маслянистые. Погода изменчивая: за три часа можно увидеть и свинцовые тучи, и голубое, как китайская глазурь, небо. Сейчас покрапывало. Боюсь, что погода испортит первомайскую демонстрацию.

Жду письма от Феликса. Завтра.

Весна крепко влияет на меня. Я сильно скучаю по «дряни».

Сейчас я сблизился с Гебой. Я помогаю ему в его амурах, он - мне. В первомайских праздниках погуляем, после демонстрации. Кончится к часам двум, пойдём с ним по городу. Мы с ним всегда очень интересно разговариваем. Он мне нравится. Нравилось ли я ему, не знаю.

Хочется увидеть Эльвирку, говорить с ней. А Музу я забыл. Видно, Эльвирка не девочка, раз так может «завинтить мозги».

В Корее плохо: кровавые бои, наступления американцев. Генерал Риджуэй назначен Макартуром.

У нас собирали металлолом: это живо напомнило годы войны, когда 11-ая школа получила благодарность правительства за наибольшее количество собранного металлолома. Рассказывают, что в Москве на каждом высоком доме радарная установка: башенка, часовой и один механик. В нашем классе учится Алик Шарипов: его отец реактивный бомбардировщик — послан «в Китай» — т.е. в Корею.

Да, мы живем в беспокойное и тревожное время. Атмосфера насыщена электричеством. Ситуация решится через Азию. Азия горит, Азия поднимется. Панчен Лама — в Пекин, премьер Чжоу дал ему банкет, где Панчен объявил о неделимости Китая и Тибета.

Красный Китай! Красный (скоро) Тибет! В Иране отчаянно бастуют нефтяные рабочие. В Израиле американцы строят военные базы.

Индонезия будет свободна. Вьетнам почти свободен. Глухая борьба в Бирме и Малайе, Индия и Пакистан — широкое поле для будущих могучих революций. Арабские страны отстали, но они еще воспрянут.

Япония — очень реакционная страна: микадо Бусидо, самураи, дзайбацу, чумные крысы, тифозные вши, микробы, пушки, гейши, камикадзе, невежественный народ, послушная армия («полицейский резерв»). Страшно подумать, какие беды Япония ещё может принести человечеству.

Но ведь и Россия была жандармом Европы: польская и венгерская кровь долго дымилась на земле Петефи, Мицкевича, Словацкого.

Мы плохо знаем Японию. В ней сильные коммунисты, может оказаться почва для революции.

Азия — надежда человечества.

1 мая. 1951 г. Прекрасный день! Один из дней, когда случаются моменты полного исчезновения личного чувства. Когда под гром марша мы идём в строю мимо правительственных трибун, я чувствую себя способным на многое для дела, которому придумано много пыш-

ноименований и которое можно определить одним извечным словом, введенным в обиход Французской буржуазной революции XVIII в.: Humanité, человечество.

Праздник большой. . .

Боялись, что будет плохая погода, — нет, хороша, солнышко светит, но не знаю, какого дьявола такое сероватое небо, — голубое, но местами пепельный оттенок. Дует ветерок, треплет мою «чупрыну», играет волосами женщин, полощет юбки. Девушки нарядны, все взгляды — ждут и ищут: май! Человечество жаждет любви. Я ж тоскую.

На демонстрации мои друзья сфотографировали для меня Эльвирку, я же не видел её. Назначил свидание Гебе в 2.30 у школы: он не пришёл. Порою хандра берёт, учусь с ней бороться; ипохондрия — признак вырождения. Будем или веселы, или бодры! Оставим меланхолию гниющим людям Запада.

Видел Музу, Гальку Токареву, Фери. Видел Женю Гетнер с Витькой Торопчиным. Он так в неё влюблён, что запрещает ей ходить в кино без него или — тем паче! — с другими ребятами. Крепко Женюшка пришила Витю. Рослая, красивая девчонка, очень хорошо сложенная и стройная (*très bien faite*).

Фелька не пишет, *milles diabolos! Anathemo sit!* Я его (*quis ego!* — кажется так?)!..

Сегодня третий день пасхи. Всюду пьяные. Ребята, встретившись, шутят:

— «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!».

Сегодня вечером пойду гулять в город.

2 мая. Вчера прогулялся по ул. Ленина и др. с Музой, Ферой, Г. Токаревой и ещё какой-то девочкой. Ходил и разговаривал; ходил с ребятами, к[ото]рые обещали меня напоить, но обманули: денег у них не было. Атмосфера города была густо насыщена испарениями *spiritus vini*.

Я же выпил вчера только две рюмочки кахетинского: всю водку выпили без меня. *Parbleu!* Я возмущен. . .

Сердце болит, но я твёрд духом! Сегодня попытаюсь к Гебе. Ещё мгновение, и я начну действовать отчаянно.

3 мая. Вчера шлялся долго и плодотворно.

Сначала Нина Юльевна угостила меня бокальчиком крепкой желтоватой старки (грамм 60, 43 градуса). Я пошёл к Гебе, но у него были гости, я ушёл через полчаса к Вилорику, поиграл в шахматы с ним, с Вовкой, с Юркой Кувькиным, пошёл на Ленина, где должен был встретить Гебу. Пошлялся, встретил Лёву Митюгова, к[ото]рый мне сообщил, что Геба в кинe, т.к. не дождался меня. До конца сеанса было около двух часов, я принялся убивать время с Митюговым и его товарищем, красивым, обаятельным, слегка грассирующим юношей. Усердно убивая время, мы шлялись и беседовали, причем я два раза колко прошёлсe насчет Эльвирки. Позже обнаружилось, что этот красивый мальчик — Шурка Руденко, отставной *amant* принцессы Берлявской. Впрочем, он еще не бросил мысли о ней; по-моему, он только притворялся, что ушел совсем от неё.

Я, Митюгов и пришившийся к нам взамен Шурки долговязый студент- однокурсник продолжали убивать время. Наконец, оно было убито. С 9 часов я шлялся с Гебой. Он попал в критическое положение: давно не видел Ритку Меркушеву (целительная повязка на его простреленном сердце), Галька с Элькой от него отвернулось демонстративно (они шли вчера с неизвестными ребятами), он не встретил Жанну Смотряцкую (девочка из 9 «в» 45 СЖШ), к[ото]рая тоже должна немного облегчить его страдания (он серьёзно уязвлен дрянью Галькой). У меня дела: поговорить с Галькой, познакомиться с Жанной (чтобы познакомить его).

Вчера была и Эльвирка, шлявшаяся в компании двух девчонок (одна из них знаменитая Эмка Полканова) и высокого чернокудрого парня (какой- то Ромка, по прозвищу Поль Робсон). Мы прошлись позади них, потом отстали, они ушли на ул. Сталина. Пошлявшись, и мы с Гебой ушли. Он живет на ул. Сталина, в большом трёхэтажном доме; у дома палисадник, в нём скамейка. Мы сидели на ней и беседовали. Напротив, через улицу, высится завод электротехнического оборудования, к[ото]рый к каждому празднику роскошно иллюминируется (много ламп и вдоволь опытных электриков). В этот раз иллюминация была такова, что мы сидели в сплошном электрическом зареве. Вдруг со стороны Зенцова появились, идя по дороге, трое: то были Эмка, Эльвирка и Поль Робсон. Они прошли медленно и прекрасно нас видели. Геба поздоровался с Эмкой. Уже отойдя далеко, Эльвирка не выдержала и обернулась.

Я принял решение заговорить с ней (наглый способ знакомства).

Поздно вечером. Свершил благое дело, поговорил с Галькой. Пусть на сердце Гебы прольется капля целительного бальзама. Правда, роль моего незавидная, но я делаю хорошее дело: в субботу или воскресенье Галька с ним поговорит. Он притворится, что ничего не знает. Зато я упустил случай познакомиться . . .

4 мая. Вечером. Сегодня я проявил всю свою слабость, всё своё безволие. У меня была замечательная возможность: я шел с Гебой по Сталина — вышел специально встретить Эльвирку. И мы встретили её: время было рассчитано точно. Они с Гебой поздоровались, я же настолько потерял самообладание, что не догадался даже пойти за ней, не то что заговорить.

Сто чертей! Я проклинал себя всё это время, что сидел в школе, я томился до тошноты. В груди всё высыхает, хочется видеть её и слышать. . . Жуткое ощущение. Я удержу себя в норме при ней, но наедине со своей душой я страшно тоскую.

Фелька не пишет. Я в гневе и в изумлении. В следующий раз (если будет немного людей) непременно заговорю с Эльвиркой. Это вопрос самолюбия. Я перестану уважать себя, если не сделаю этого.

7 мая. Эльвирку ещё не встретил. Письма от Фельки не было. В 45-й 10-го вечер.

Дело было у нас с Гебой. Галька взаправду пришла в воскресенье (вчера, то-есть) на Ленина. Но от Гебы отвернулась, когда мы приближались, он из гордости не поздоровался первый, она «не замечала». Геба дал мне билеты, купленные им специально для этого, по-

сле усердного стояния в очереди. Я подошел к Гале и пригласил в кино. Она отказалась наотрез. Она сволочь, бездушная кокетка, ледяная статуя! Сколько сладкого фимиама воскурил я ей, сколько уступок мы сделали её гордости! Вот дрянь! Холодно и равнодушно отказалась, чуть ли не рассмеялась в лицо. Ну, что ж! Она об этом пожалеет. Геба уже принял решение чихнуть на неё. Я тоже запишу за ней эту задолженность. Дура, как она глупо и скоро отказалась от явно выраженной . . . любви (?) Гебы. Это чуть ли не первое его поражение — и сильное! Он был сильно увлечён ею.

Я никак не могу поймать Эльвирку. На вечере поговорю с ней.

Несмотря ни на что, я всё же в неё влюблён.

11 мая. В Корее дело дрянь. Янки применили бактериологическую войну.

Феликс не пишет. Беда!

Настал наш май. После праздника побыла хорошая погода, потом хлынули дожди, начало становиться всё холоднее, вчера утром мы увидели снег на земле и крышах. Снег медленно плавился в течение дня. Вечером его не было, была лишь грязь. Мутные желтоватые облака разорвались клубами, в окна нашего класса брызнули тусклые лучи догорающего солнца. Ночью в небе проступили звезды, облака растаяли. Сегодня утром в наше окно глянула ослепительная заря. Сейчас утром в небе проступили звёзды, облака растаяли. Сейчас сияет солнце с лазурного небосклона, Уфа вся занята одним важным делом: сохнет. Греется после трёх-четырёх дней слякоти.

Вчера Геба показал мне в Москве купленный подарок для Гальки на день рождения. Подарок остался у него: Галька не пригласила его на день рождения. Шкатулка, расписанная в 1950 г. Зерцаловым (изображение Медвежьей охоты), цена 128 рублей — дешевка! Шкатулка получила диплом 1-ой степени от экспортной комиссии. Вот прелесть — произведение искусства! Ещё раз Галька идиотка.

Два раза за последние дни я ходил по Гоголя, Эльвиру не встретил. Кошки-мышки? Она, кажись, избегает. Чих с ней! Никуда не денется. Лишь бы не умерла, не уехала и не стала женщиной раньше времени.

12 мая. Вчера я звонил Эльвире, с телефона Гебы. Так долго набирался смелости, что Геба за меня набрал коммутатор и всобачил мне трубку. Я говорил с ней довольно долго и в середине разговора назвал себя. Она притворилась, что не поверила — иначе нужно было бы ей благородно брякнуть трубку. Я говорю: «Назиров». Она отвечала что-то и потом: «Нет, я его голос знаю». Она была «уверена», что это Алик Касимов; по крайней мере, меня уверяла в этом (но я ей не поверил). Болтали о том, о сём; Геба смешил меня, я хохотал в трубку и извинялся перед ней. Говорю, что меня тут сме[шат] . . . мои пальцы и велела передать Гебе трубку. Когда он подтвердил, что это «Ромка», она всем голосом выразила разочарование: «Ну-у-у. . .»

14 мая. Понед[ельник]. Я счастлив.

Вчера, в воскресенье, гуляли с Гебой, в надежде встретить Галю или Эльвиру. Галя была, кажется, у Эльки — занимались повторением (скоро экзамены). Но расскажу по порядку.

Мы вышли в восьмом часу, чтобы попасть на концерт 45-й школы в парке имени Матросова. Конечно, два рубля за вход платить — мы не дураки. «Перелезем через забор?» — «Конечно!» Сказано — сделано.

Теперь о заборе. Когда-то это была простая честная деревянная изгородь из брусьев и досок; как удобно было проделывать в ней дыры! Но в прошлом году из гуманных соображений (чтобы детки не лазили через заборы — это связано с прыжками и ушибами) власти парка обнесли его выкрашенной в черный цвет металлической изгородью, имеющей довольно зверский вид. Мы полезли; стоя наверху, я хотел было прыгнуть, да побоялся порвать брюки, стал спускаться осторожно, поставил ногу на металлическое острее (не обратил внимания на точку опоры), перенёс тяжесть тела на эту ногу — и трр! — страшный скрип: железный наконечник входит (сквозь подошву ботинка) в мою ногу. Снял я ботинок, приложил подорожника, надел снова — и хоть бы хны! Немного тепло в ботинке от крови, ходить приходится прихрамывая. Обошли парк, посидели, поглядели на бильярд, резанулись в шашки, послушали пение мелких сорокопятак, Геба сыграл в «volleyball», но никого из наших девятиклассниц не было. Жаль! Поискали среди танцующих, пошли вон из парка. Прошлись по Ленина, встретили Нэльку с Женькой (inseparables), уже уходили в сторону дома, как вдруг надумали «звякнуть»! «Феноменальная» идея! («феноменально» — его любимое словечко.) Вернулись к центральному почтамту, прошли под знаменитым местом свиданий — под городскими часами (правда, теперь оно уже уходит в историю уфимских бульваров), забрякались в будочку телефона-автомата. Сначала набрали № 2–86–57 (Галина Константиновна): звонил я, мамаша Гальки пятнадцатилетним голосом (à rgoros, её детский голос не раз вводил в заблуждение галькиных amogosos) ответила, что Галя ушла, кажется, в парк. Затем набрал Геба коммутатор № 2–99–44 и попросил квартиру Берлявских. Разговаривал я, Гера по своему обычаю шкодничал рядом. Я начал с места в карьер: «Эльвира, на улице Ленина очень хорошая погода». Откуда смелость бралась — всю робость я оставил позади телефонной трубки. Когда нужно звонить, я бледнею и волнуясь, а когда мембрана около уха — появляется боевое настроение. Сначала я не назвался, потом она, наверное, услышала бормотанье Гебы, посмеивавшегося рядом: мои телефонные разговоры всегда веселят его. Поняв, в чём дело (а может быть — и по голосу), она вдруг сказала: «Здравствуйте. . . Рома». — «Здравствуйте, Эльвира». Спросила, не от Геры ли я звоню. . . — нет, не так: откуда я звоню, я говорю — с автомата, она: «От Геры?» Я (гордо): «Я никогда не вру». — «Ого». («Она это запомнит», — шепчет Гера).

Мило поговорили, она пообещала выйти в парк, наступила пауза, она их терпеть не может, сказала: «Ну, ладно», (Не прощаться же) и повесила трубку. Мы отправились к парку походкой завсегдатаев парижского Бульвара, беспечно фланирующих с розой в петлице фрака и день-деньской гранящих мостовую. Дошли до парка, перелезли вновь, начали обход. Уже темнеет, зажглись огни, освещены киоски с напитками, на главной аллее (avenue), в сумерках чернеет на белом постаменте мраморный Александр Матросов. . . хлопают вы-

стрелы в тире, шумит толпа гуляющих, уж не стучат бильярдные шары по крайней мере они уже не в центре [...]

Побродили. Гера пытался показать мне скамейку, на к[ото]рой они прошлым летом сидели с Анькой Мещёрской, хотя скамейки переставляют каждый год. Дорожки посыпаны свежим песком, музыка слышна чуть не на весь парк, у киосков теснятся «жаждущие» — закуска тает, запасы белой исчезают, торговля бойкая, продавщицы не перемывают стаканов, некогда! Уже слышна кое-где хрипая брань: затеваются драки. Тёмная небо в чернильных облаках; зеваки сгрудились у качелей: лодки летят со скрипом, поднимаясь иногда перпендикулярно земле; юбки и брюки развеваются в воздухе: смешки и колкие замечания. Опять танцплощадка — никого нет. Сто чертей! Ни Гальки, ни Эльвирки. Вышли на Ленину. Я сразу же начал ругать Эльвирку, но Геба вдруг толкает меня: легка на помине — «Вот они.» Эльвира была с незнакомой девочкой (позже познакомила нас с ней: Тамара NN). Мы прошли Эльвирой в общей сложности 10 кварталов (3 квартала от парка до улицы Сталина, потом 2 обратно до Пушкина, 2 вновь к Сталина и по Сталина до дома Эльвиры), много разговаривали: мое настроение как-то сразу уравнилось, появилась какая-то непринужденность, я почти нарочно коснулся несколько раз её бедра; ничуть на меня не действовала её близость — вернее, действовала, но особо: большая душевная лёгкость, ощущение счастья, сохранившееся до сих пор. Полгода я сгорал, теперь моя серединка хорошо прокалилась, я дошёл до отчаяния и стал смел до нахальства. Я говорил много, владел разговором. Тамара не проронила ни слова, Эльвира помалкивала. Она было очень хороша. Я глядел ей в глаза и заставил её отвести взгляд. Инстинктивно я стал нападать. Она говорит: «Динамовские весы сегодня показали, что я вешу 30 килограммов». Я: «Да, крупная ошибка». Она мгновенно затихла: это был неожиданный удар. Я еще разок потом напал на неё. Гера потом сказал, что он «в ужасе» следил за нашей пикировкой. Она обломала об меня все стрелы своего остроумия, но я только посмеялся добрым смехом. Я был слишком счастлив. Однако, на прощанье она ещё раз кольнула меня. Обменявшись впечатлениями с Герой, я увидел, что, пожалуй, немного перехватил. Решил на вечере во вторник загладить.

Сегодня утром палец на ноге тупо болел, начал разбухать (кажись, лимфатическое воспаление). Я перепаратился, объявил маме, что в школу не пойду, попросил прислать Геру, вымыл ногу. Гера пришёл. Мы поиграли в шахматы, перебрали кое-какие вещички, записи. Мама пришла после 12 часов, мы ушли с Герой — он убедил меня пойти к врачу. Мы ухитрились растянуть путь по Гоголя (2 квартала, где Эльвира ходит в школу) на несколько минут, в конце концов я встретил прелесть — Эльвиру. «Здравствуйте». — «Здравствуй». Мы очень мило улыбнулись друг другу, поговорили, как старые знакомые, минутки полторы — и она поспешила дальше в школу. Чудно!

Завтра, в 8, долгожданный математический вечер в 45-й школе. Эльвира! Я с тобой поговорю.

Я никогда не видел её красивее, чем 10 ноября прошлого года и сегодня. 14 мая 1951 года — я запомню этот день и отмечу его белым камешком.

«Смелость города берёт». «Только смелым покоряются моря».

«На войне ли, на дуэли,

У красавиц ли в сердцах -

— Только тот достигнет цели,

Кто не знает слова “страх”».

18 мая. Пятница. День заурядненький. Уже не учимся. 21-го экзамен по основам дарвинизма.

Ещё раз встретился с Эльвирой (договорился по телефону, она заставила себя ждать). Предложил культпоход в кино (она, я, Алик Касимов, ещё какая-нибудь девочка). Поговорили на о-кэй. На др[угой]. день (17 мая) я звонил ей, но у них снят телефон. Набрался наглости, поднялся к с а м о й на её третий этаж: её не было, вышла её «mamachen» и сообщила, что Эльвирочки нет . . . , что собирались в кино, договориться . . . тётушка ответила, что - «добре».

Сегодня я несколько раз прошёл под окнами Эльвирки, но не зашёл. Настроение средненькое. Не знаю, отчего днём у меня несколько раз кружилась голова.

Увлечение Эльвиркой усиливается. На вечере я был близко — близко от неё, стоял рядом и глядел в упор, они это и любят, и не любят. Я заметил на её хорошеньком носике мельчайшие капельки — просто искорки пота. А ведь она не бесплотное существо! Я довольно интенсивно начинаю замечать. У неё полные, округлые, но довольно красивые ноги. Стройность её далеко уступает Женьке Гетнер.

Сейчас я подсчитаю свои встречи с ней: 17 встреч. Из них 4 после знакомства.

Но я держу себя в руках. Нужно будет — извлеку её из сердца без всяких инструментов.

Пока он смотрит на меня благосклонно, но кто знает, что она думает. Ладно, Эльвира, я не умру всё же без тебя! — Однако, мне хочется попасть на её рождение этим летом.

В Корею мнутся. Старательно истребляют корейцев, рассеивают бактерии, скидывают напалмовые бомбы, жгут, взрывают, бомбардируют, обстреливают. Говорят (американцы), что в Корею во время боя из четырех солдат 1 не применяет оружия. Американцы называют войну в Корею «десятипроцентной войной» и считают, что она спасла Америку от кризиса.

Ничего особенного не происходит. Особенное происходило. Во Франции провели один из реакционнейших в её истории избирательных законов. Коммунистам не бывать во французском парламенте. Кажется, генерал де-Голль идёт к власти. Во Франции назревает фашистская диктатура. Но компартия Франции очень сильна, вожди её — Морис Торез, Жак Дюкло, Марсель Кашен (ему уже за 80) и другие. Люди стальные. К ним примыкают сочувствующие (как, например, Фредерик Жолио). Если будет борьба, то ещё посмотрим.

В Марокко недавно французский генерал Жуэн наводил порядок, диктовал декреты, брал султана за горло

В Корею положение как будто немного улучшатся.

В Боливии недавно были президентские выборы. Кандидат демократических партий (кажется, коммунист) собрал больше половины голосов (хотя голосовало 120.000 человек из 4 млн., выборы в условиях террора), но не дошёл до конституционного абсолютного. Напряжённая обстановка разрядилась в пронунсьяменто. Власть захватила Военная хунта во главе с каким-то генералом. В карикатурно-трагической истории America Latina стало одним диктатором больше. В кинотеатрах половины мира демонстрируются «Летающие крепости» над полями Кореи, чёрные огромные клубы разрывов и изрытую бомбами землю. В Корею уже направляют Японцев, в форме войск Ю-Эс-Эй (USA). Бактериологическое оружие. Напалм — новинка корейской войны. Толстые прибыли в Штатах.

Маленькая историческая справка.

1900-й год. Буры подстреливают из своих кустов английских солдат красных мундирах. Китайские крестьяне бунтуют против европейских поработителей.

1901-й год. Буры отчаянно отстреливаются. В Париже сыночки банкиров пьют шато-лафит и кричат: «Vivent les boers!» В Петербурге тоже поднимают бокалы: «Да здравствуют буры!» В Китае рубят головы и грабят.

1902 год. В этом году с бурами покончено. Жубер, Пауль Крюгер и Кронье в плену. Войны кончились. «Трансваль, Трансваль, страна моя...»

1904 год. «День Марии». В Порт-Артуре взрываются торпеды. Русско- японская война.

В 1905 году царя побили бамбуковой палкой по голове. Мир с микадо. Льётся кровь на снегу Петербурга «Пли!.. Пли!..» «- Нагаечка, нагаечка, нагаечка моя, помнишь ли, нагаечка, девятое января!»

С 1907 г. по 1910 г. в Иране длится революция, шах и реакцию борются фидаями и побеждают их.

1910 г.- революция в Мексике. «Abajo Porfirio Diaz!»

1911 год. Революция в Китае. Начинается война Италии с султаном. Макаронщики захватывают Триполитанию и Киренаику.

... Китае. На Балканах начинается война с турками.

1913 г. — Турок победили, но балканские союзники подрались из-за добычи, брат восстал на брата, отовсюду напали соседи на Болгарию — она разбита и ограблена за месяц.

1914 г. — Только лишь мир вздохнул свободно, как вдруг сербский националист Гавриил Принцип на ходу автомобиля всобачил семь пуль из револьвера во Франца-Фердинанда. Более, чем достаточно! Швейк не успел допить свою кружку пива, как ему велели воевать. Гром гремит! Первая мировая война. Над полями Европы парят германские цеппелины, плывут аэропланы, летают снаряды... Прусский офицер глядит сквозь стёклышко монокля на предсмертные судороги поверженного романца. «Deutschland, Deutschland uber alles!» Кайзер и его шесть сыновей, цезарь Франц-Иосиф, болгарский царь, султан турецкий. Ков... ный итальянский король выжидает с чисто шакальской мудростью...

1915 г. — Весна. Сенегальские стрелки в окопах близ Ира греются на солнышке и вспоминают родную Африку. Странное облако наплывает по ветру. Да, почин принадлежит вели-

кой цивилизации германцев — удушливые вещества первый раз в мире! Иприт (горчичный газ). Люди усердно истребляют друг друга. Кричат ораторы, националисты, «социалисты», пасторы, газеты, штабные стратеги, призывая истреблять «врагов».

1916 г. — «Верденская мясорубка». Обе стороны потеряли вместе 700.000 человек. Круш, Виккерс, Базиль, Захаров, Шнейдер потирают руки. Знаменитый брусиловский прорыв.

Около 5 месяцев летом и осенью англичане дрались с немцами на Сомме. Обе стороны вместе потеряли ≈1.200.000 человек, обменялись целыми горами снарядов.

Англичане ввели еще одну замечательную новинку, они благодетельствовали человечество танками.

1917 г. В России буржуазная революция. Николай Кровавый отрёкся. Медь труб изрыгает марсельезу, всюду красные банты и громкие речи, Временное правительство и Керенский. Октябрь, залпы «Авроры», штурм Зимнего, Ленин в Смольном. «Это есть наш последний и решительный бой!..»

1918 г. Американцы в Европе. Германия разбита. Интервенция в России.

1919 г. . . . ся. Версальский мир.

1920 г. — Война красной России с белой Польшей.

1921 и 1922 г. — Изгнание японцев из Приморья.

Наконец, наступает мир. Мир нервный, капиталистический, версальский — непрочный. С 1922 г. в Италии у власти фашисты, дуче Бенито Муссолини, поэт Габриэль д'Аннунцио, право сильного, страсть к захватам. Французские буржуа грозят железным кулаком капиталистам побеждённой Германии. Скрипят зубами немецкие реваншисты. В Китае вспыхивает гражданская война, и с 1925 г. эта великая и несчастная держава не знает спокойствия. Пять ужасных лет мирового кризиса. В 1931 г. японцы вторгаются в Манчжурию и, в 1932 г. отторгнув ее от Китая, превращают в Маньчжоу. Непрочный капиталистически мир агонизирует. В 1933 г. Nazionalsozialismus захватывает Германию в свои руки. Фриц Тиссен и Альфред Круш выпускают на политическую арену свою креатуру: сумасшедшего ефрейтора Роберта Шикльгрубера. Коричневые рубашки, завывания о древних германцах, дикий бред об арийской расе, еврейские погромы, запах костров, на которых горят книги, безбрежный океан мутной демагогии, изливаемой министром пропаганды, желтым уродцем доктором Геббельсом; бледный лик с наполеоновской чолкой и кляксой на верхней губе — Heil Hitler! Бешеная гонка вооружений, средневековый мрак над Германией, золотой поток, текущий в сейфы Круша. Пушки, самолет, дирижабли, танки, крейсера, подводные лодки. . . Старая песня: «Deutschland, Deutschland uber alles!»

1935 г. — дуче напал на Абиссинию. Смуглые воины в львиных шкурах стреляют из ружей в самолеты. Пули — плохая защита от иприта. Абиссиния под властью фашизма.

1936 г. — начало фашистского мятежа в Испании.

1937 г. — начало войны Китая и Японии.

1938 г. — Воюют в Китае и в Испании. Русские лётчики тайно сражаются в небесах испанской республики. Борьба республиканцев, добровольцев всего мира, Интернациональной

бригады. Знамя с портретом Чапаева ведёт революционеров в первый бой против фашизма. Немецкие фашисты захватывают Австрию и поработают Чехословакию.

1939 г. — В Испании по трупам приходит к власти «каудильо» — «генералиссимус» Франциско Франко. В Португалии «союз креста и сабли» — Салазар (впрочем, когда он там утвердился?). Гитлер нападает на Польшу, затем в 6–7 недель разбивает Францию; французская буржуазия позорно капитулирует.

1940 г. — В воздухе пахнет грозой. Весь мир покупает оружие. Хищники капитализма щёлкают зубами и рычат.

1941 г. — Буря. «22 июня ровно в четыре часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война». Я был тогда в Харькове. Я сидел и рисовал, дело было уже днём. Вдруг входит соседка, в одной руке у неё ножик, в другой — недочищенная рыба. — «Война началась. . . » — «Вы что? Какая война?» — «Война с Германией». — «Неправда!» — «Молотов говорил по радио. . . »

7 декабря 1941 г. в военном порту Пирл-Харбор на [Гавайи] грохочут взрывы торпед, белые столбы вздымают среди тонущих американских броненосцев. Любимый способ Японии начинать войны.

1942 г. — Кровь, огонь; на русских снегах горит отблеск пожара.

1943 г. — Сталинград. Победа. «Пусть ярость благородная, вскипает, как волна; идет война народная, священная война».

1944 г. — Муссолини и его свиту поймали близ Венеции итальянские партизаны. Всех их осудили и повесили. Дуче, его любовницу, свиту. Бенито Муссолини кончил свою гнусную жизнь самым гнусным образом: его повесили за ногу, как собаку.

1945 г. — Победа! Победа! Германский фашизм сопротивлялся отчаянно, засыпал Англию самолетами — снарядами, изобрёл фаустпатроны, множество других видов вооружения. На зверства захватчиков русские ответили изобретением «катюши», возрождением реактивной артиллерии. Красная Армия, применяя новую сталинскую стратегию, стратегию глубоких прорывов и огромных охватов, врубалась всё глубже в оборону немцев. Берлин засыпали бомбами и снарядами. Над рейхстагом взвился красный флаг. Берлин сдался. Германия капитулировала.

В своем бункере Гитлер и Ева Браун приняли яд, Геббельс отравился. Гиммлер отравился. 2 сентября 1945 г. на американском линкоре Миссури был подписан акт о капитуляции Японии.

1946 г. — Длится борьба в Китае между компартией и гоминданом. Индонезийцы борются за независимость. Восстал Вьетнам.

1947 г. — Воюют в Китае, на Больших Зондских, в Малайе, во Французском Индокитае.

1948 г. — Воюют в Китае, Индонезии, Малайе, Вьетнаме.

1949 г. — Китайский народ победил. Гоминдан разгромлен, Чан Кай-ши бежал. Вьетнамцы борются успешно. Индонезия залита кровью, голландцы дают ей бумажную независимость

1950 г. — Успехи народной армии Вьетнама. Китайцы добивают предателей. Партизанская война на Филиппинах («хукбонг»). Начинается страшная война в Корее.

1951 г. — Корейская война продолжается. . . .

Итак, в XX -ом веке у человечества было лишь около 10 лет весьма сомнительного мира.

Недурненький итог!

А как же дальше?

25 мая. Написал экзаменационную по алгебре. Надеюсь на пятёрку. Сегодня Геба напечатал карточки. Эльвира вышла какая-то сердитая: глядела на солнце. Я взял 4 карточки: Эльвира, Женя, Муза и Муза с девочками.

28 мая. Только что от Эльвиретты. Добрый час, а то и полтора разговаривал с ней. Вот уж действительно в эти моменты я был счастлив. Недурненько поговорили. У меня от волнения голос смущался, я говорил низким рокочущим баском. Я сидел, она стояла, опираясь на стул, прямая и высокая, искусно выделяя положением рук свою красивую грудь. Когда я вставал, я был гораздо выше неё. Недурно говорили, мне нравится этот разговор. Она поддерживала его изо всех сил. Мы с ней, конечно на «ты.»

Я пошёл к ней под предлогом того, что Гера велел передать ей «Консуэло». Предлог не хуже всякого другого. Если бы её не было дома, я и не заикнулся бы в книге.

Юриqй Пацков влюблён в Майю Захарьину, я сам об этом догадался. Нельзя безнаказанно дважды обнимать девушку на сцене — непременно втрескаешься. А они еще делали вид, что целуются (в шутке Чехова «Предложение»). Бедняга Юрия! Всосала Юрию зеленоглазая бестия.

Карточку Музы и Гали Шукиной пришлось отдать Нарьке. Что ж! Муза уходит — ведь сердцу не прикажешь.

Скоро ли Феликс приедет? Изругать его всё же нужно.

Как хороша Эльвиретта! Её мать — симпатичная мегера лет сорока трех на вид, толстая, высокая, жирная. Типичная еврейка. . . . украинка! Хотя — я ж не знаю её папашу. Но - там увидим. Я ещё встречу её в пятницу вечером — обещала выйти. Буду с Гебой фланировать в пятницу.

29 мая. Сдал геометрию на 5. По алгебре 4 (и годовая будет 4). Чих с ним! По алгебре четвёрки получили Веницкий, Москович, Панкин и др. хорошие ученики — у всех из-за одной фразы при решении геометрич[еской]. прогрессии. Но у них годовые пятёрки. Отблагодарил сегодня Геру за «Консуэло». Это было великое благодеяние с его стороны.

2 июня. 31-го сдал географию на 5, сегодня написал сочинение. Вчера вечером вышла неприятная история с Эльвиркой. Я сказал ей что-то своим вежливым и насмешливым тоном. Она обозлилась и шепнула шедшей с ней подружке несколько слов. Я разобрал только слово «противный» — это сразу испортило мне настроение. Потом Эльвирка резким поворотом ушла от нас (я был с Гебой). Мне захотелось плюнуть ей вслед. Она переменчива, как бриз: днём дует в одну сторону, ночью в другую. Придется применить политику кнута

и пряника. Я её засмею, если она попытается состязаться в остроловии. Она еще пожалеет, что грубо со мной обошлась.

Сегодня надо бы встретить её. Посмотрим, не изменит ли она ещё раз своё настроение. Если нет, ей будет худо. Она ещё покусает губки.

Мне осталось ещё три довольно трудных экзамена. Фелька приезжает после 12 июня (последний день экзаменов).

Вова Мурзин приехал.

6 июня. Ровно год, как веду дневник. Вчера сдал устную литературу. Послезавтра будет немецкий. Что касается Эльвиретты, я вошёл в норму и держу себя в руках. Ещё немного попробую, посмотрю, как она будет — хвостом вилять или зубы показывать. Плунуть я смогу.

Трагические истории у меня набрались за год.

Наша школа стоит на углу улиц Ленина и Октябрьской. Мимо нас везут покойников на кладбище. Нередко погребальные мелодии нарушают ход нашего урока: мы вскакиваем и бросаемся к окнам.

Я помню, осенью мимо наших окон как-то прошла траурная процессия, поразившая нас обилием молодёжи: юноши, девушки, явно учащиеся. Хоронили Казаринова, единственного сына интеллигентных родителей. Этот ученик 10 класса (да, вспомнил: это было ещё в 8-м классе, когда я не вёл дневник), чистил, кажется, или проверял заряженное ружье и сумел попасть себе прямо в сердце. У него ещё хватило сил выбежать на кухню и сказать бабушке, что он нечаянно застрелился. Спасти его не смогли. . .

В нашем дворе в апреле произошло убийство крупного инженера — геолога башкирской нефти. Он вышел из квартиры, чтобы поехать, как всегда в Черниковск. На двери он нашёл пакет, адресованный ему, тяжелый; в это время он ждал посылки с минералами. Инженер (его фамилия Менч) внёс пакет в дом, положил на стол, стал разворачивать — и в руках его взорвалась граната. Говорят, труп был страшно изуродован и ободран взрывом. Дочь его, стоявшая за дверью, была ранена в нескольких местах осколками. Эта взрослая женщина совершенно поседела.

Менча тоже провели мимо нашей школы. Шли служащие, инженеры «Башнефти», было множество венков. Весь город говорил об этом событии.

Убийца Менча — его подчиненный по службе, участник Отечественной войны. Убийство совершил из личной мести. Он татарин по фамилии Вильданов.

В субботу — показательный процесс (9 июня). Третий трагический случай.

В первый день экзаменов мы столпились в одном из классов, ожидая экзамена по дарвинизма. Ребята, стоявшие у окна, возвестили об уличной катастрофе. Вот его история.

Одна молодая женщина, сейчас (вернее, ещё недавно) врач из второй больницы, когда-то любила капитана дальнего плавания. Капитан утонул, женщина приехала в Уфу на последнем месяце беременности. Сын родился: от отца ни строчки. Ни слуху, . . . куда должен

был приехать капитан. Они встретились, пообедали в отеле, поговорили. У него была уже семья, двое детей, он не мог жить с нею. . .

Сын был очень похож на капитана. Этой весной ему было четырнадцать лет. Однажды он прогуливался по улице Ленина, в кармане у него был билет в кино. До начала сеанса было много времени. Он решил прокатиться на трамвае. Он вскочил в вагон через переднюю площадку, вагоновожатая вытолкнула его, он упал на рельсы; встречный трамвай проехал по соседней линии и переехал мальчика. Я помню стоящий вагон, огромную толпу, запрудившую улицу и пестревшую на солнце яркими женскими платками, гудки остановленных автомобилей.

Когда мать узнала, она лишилась сознания. Потом пять дней не давала его хоронить. Когда «насмотрелось», разлагающееся тело предали земле.

В Уфе открывают Башкирский филиал академии наук. Его президентом будет Трофимук, дюзькин отец, имеющий ученую степень доктора. Моя сводная сестра Рая Гайнуллина будет младшим научным сотрудником филиала (она кончает аспирантуру сельхозинститута).

Вова Мурзин не прошёл в своё училище из-за зрения. Бедняга! Куда же он теперь?

Дневник за первый год этим вечером кончаю. Дальше будет новая пачка.

Что произошло за «отчетный» период? Я кончил девятый класс, очень сильно продвинулся во французском языке и истории. Очень повзрослел я: успел много пережить, набраться ума-разума, нашёл друга (или мне это только кажется?) . . . Что-то у меня с Эльвиреттой получится?

Эх, Эльвиретта, Виретта!

Надо бы всё-таки с ней помириться. Кончаю запись и дневниковый год. Basta ! Assez é crire ! La paix vaincra la guerre!

15 июня. Продолжение моего аннала.

Лето началось солнечное и жаркое. . .

Кончил 9-й класс. Сдал все экзамены кроме алгебры на пять.

Вчера был вечер 9-х кл. кл. в школе № 45. Музы не было: она уехала в лагерь для старшеклассников, санаторного типа. Была Галя Козьминых, две Эльвиры, Валя Ищенко, Женичка, Жанна Смотрицкая (она немного интересовала Гебу), Фая, Алла, Эра. Я танцевал танго с Дамирой Саитовой и немного с Аллой.

У меня с Галькой и Женькой (они вдруг резко сдружились — Галка охладела к Эльке) острые отношения. Однажды, я на улице, увидев их, уставился в сторону — явно нарочно, с насмешливой улыбкой. Они злобно захихикали, Женька, нарочно обернувшись, чтобы я услышал, отчетливо просмеялась: «Ах, идиот» . . . Вчера на вечере Галка много танцевала с Женькой — две высокие девочки в белых платьях, но у Гальки темная голова, косы увязаны на шее корзинкой, у Женьки русые волосы, две косы — не заплетённые, а закрученные в трубочки, одна коса спереди, а другая сзади, и всё время косы сбивались на грудь; Галка шире и массивнее, Женя стройнее, уже в плечах *et caetera*; наконец, Галка в тём-

ных чулках, Женька голоногая в носочках. Когда они окончили танец близко от меня, я сказал соседу (без всякой связи с разговором): «Бывают же на свете такие идиотки». Галина Константиновна уставилась на меня, я отразил её взор. Ха-ха! весело. . .

Три самые красивые: Женя, Галя, Эльвира, но кто из них самая красивая — уж не Женя ли? Пока я верен Эльвиретте.

Я с ней всё же поговорил на вечере, причём она сама подошла ко мне, т.е. не . . . перед Сашей и говорила с ним без конца, явно ожидая, что я заговорю; рядом с ней была её Ляля Еникеева. Я глядел в упор на милые сердцу черты и молчал. Виретта первая заговорила со мной. Это после того, как я с ней ругнулся, не здоровался с ней на avenue de promenade (два раза не заметил, ибо был занят разговором, третий раз она демонстративно дёрнула головой в сторону), не поздоровался, встретив её 13-го сего месяца на ул. Гоголя (куда, между прочим, пришёл специально для неё; но она шла с учительницей, к[ото]рую я принял за мамашу, шла не с той стороны, с какой я ждал, я увидел её внезапно и растерялся). Она заговорила, чорт возьми! Мы побеседовали с ней немножко и «без злобы»: теперь я с ней здороваюсь!

Женька и Галька смеялись над тем, как я танцую, я им крикнул: «Меня не проймёшь!» — но они увидели только шевелящиеся губы и ничего не услышали из-за грома радиолы.

Когда в 1-м часу вечер кончился, я проследил, куда пошла Виретта (в толпе подруг) и сделал обходной манёвр. Встретив их на ул. Сталина, я повернул обратно и решил их обогнать. Я шёл, как никогда в жизни, спортивным шагом, работая руками, вперёд нога прямая, назад расслабляется — я летел. Я далеко обогнал группу и опять повернул. Шли четверо. . . Milles diabolos! Caraño! Галька, Женька, Виретта, и, кажись, Ляля. Я не захотел унижаться перед Г. К. и Е. Г.; сначала я собирался ещё поговорить с Эльвиреттой, но присутствие мерзавок разбило мои планы. Я прошёл мимо. «Ты почему, Рома, идёшь обратно?» — спросила Галя.- «Да, так. . . гуляю».

Интересно, почему Виретта так либерально ко мне относится? Мне кажется, она заключила с кем-нибудь пари, что сделает меня своим поклонником и рабом. Не бывать тому! «Левой. . . Левой. . . Левой». Как говорится, Коммуне не бывать под Антантой.

Вовке Мурзину я прямо сказал: «Кажется, тебе не слишком приятно меня видеть?» Он ответил: «Может быть. . .» Дурак! Никто не любил его так, как я.

Фельки нет. Сегодня схожу к Игорю Беркутову, его двоюродному брату, чтобы разузнать.

«Триумф Марата» — дело решённое и обдуманное. Я им покажу, что я за члк.

В августе Виретта едет в Москву. Уж не навсегда ли? Было бы страшно.

18 июня. Понедельник. Феликс не едет.

Мною овладело чувство горечи и обиды. Виретта. . . но о ней позже.

Вчера я ездил с ребятами на Дёму, купался под дождём, отдыхал. Ревматизм даёт себя знать: после купания болит нога.

Вернулись с Дёмы в 8-м часу. В 11-м часу Алик Глезер, Юрий Веницкий и я вышли на ул. Ленина. Вскоре мы увидели шедших навстречу Виретту, Фимку Бугая и Лялю. Бугай кончил 10-й класс вместе с Гебой, он кончил первый курс вуза, Виретте очень лестно с ним прогуляться — уж я не знаю. Мы все трое поздоровались с ней — я даже Фимку не заметил. Она, словно стыдясь знакомства с нами, пробормотала только: «Господи»... — Нам ни ответа, ни привета.

Причины две: влияние насмешек Женьки и Гали надо мной и присутствие Фимы. Но это одна причина: её слабый характер.

Бывает конец и собачьему терпению. Довольно она меня терзала. Теперь я не сделаю ни малейшего движения, чтобы с ней сблизиться. Если она первая... [досто]инство я не позволю втаптывать в грязь.

Е. Г. и Г. К. пожалеют о своей подлости.

Нужно срочно дописывать новеллу.

19 июня. Прочёл социальный и философский роман Вильяма Годвина «Калед Вильямс». Тяжёлые и опасные приключения невинно осужденного, оклеветанного человека. Замечательная идея о взаимосвязи личного счастья и самоуважения. Вполне созвучно идее «Триумфа Марата».

Сначала, приняв решение порвать с Эльвиркой, я очень страдал. Теперь чувствую себя лучше. Моим ближайшим ориентиром в жизни становится новелла!

20 июня. Мы сейчас оказываем помощь Хиндустану хлебом. 16 июня в Бомбей прибыло советское судно «Кубань» (8.600 т пшеницы). По просьбе Ирана 6 наших самолетов истребляют иранскую саранчу. В Корее дерутся гораздо севернее 38° с.ш. Подбили американский эсминец «Томпсон». Это 8-ое судно, о к[ото]ром морское министерство США сообщило как о повреждённом или потопленном в войне в Корее. Фронт в Корее стабилизировался. Ни вперёд, ни назад.

17 июня были парламентские выборы во Франции. Голосовали по мажоритарной системе. Де-Голль продирается к власти, вся буржуазия его поддерживает. Крестьян, как всегда, обманывают буржуазные партии. Что-то будет? Сейчас включу радио... Музыка. Ну что же, подождём. Вот:

Списки коммунистов (респ. и антифаш.) собрали 5 млн. голосов. Много больше фашистской банды RPF. Избрано около 100 коммунистов, мошеннические проделки буржуазного правительства украли у народа несколько десятков мандатов. Незаконно проташенные списки реакции дают Национальному собранию профашистское большинство.

Вечером. (≈ 9 часов, даже больше). Я только что сработал. Был у Гебы, условился идти завтра в кино, потом пошёл в свой инкабинет, почитал там Луи Блана. В 8 часов я отправился nach Hause. Прохожу мимо 45-й школы. Во дворе Нарик натягивает волейбольную сетку. Ну, я зашёл на минутку. Через минуту — две вошли Виретта и Ляля: у меня создалось впечатление, что они шли за мною по пятам. Нарька поздоровался с Виреттой, я отвернул-

ся. Они заняли места на площадке. Проходя мимо неё, я чётко сплюнул. Это был первый удар.

Второй раз я зашёл на площадку под предлогом того, что там был Алик Глезер. Я громко осведомился у него насчет Юрки Веницкого. Уговаривал Альку Глезера съездить в воскресенье в лагерь для старших классов, где отдыхают Муза, Галя Щукина, Фера, Женька, Галька, из наших ребят Алик Касимов и Шурка Охотников. На Эльвирку не глядел. Она глядела на меня. Вернувшись от Панкина (его не было дома), я зашёл во двор опять, увидел его и устремился к нему с тем же предложением о поездке. Виретта время от времени резким рывком головы бросала на меня быстрые, как в баскетболе, взгляды: это её манера — глянет и отвернётся — полсекунды. В первый раз она поймала на себе мой взгляд, но я больше не глядел на неё, а она глядела. Потом я ещё раз плюнул и убрался во-свояси. Проходя мимо железной решётки, огораживающей двор, я видел, как она сошла с площадки, взяла книгу, лежавшую на скамейке, и, кажется, собиралась уйти совершенно внезапно: я глянул краем глаза, «нуль внимания и фунт презрения». Она, вероятно, хотела дать мне возможность поговорить с ней, но я не использовал. Чувствую, что она уже раскаивается в том, что так меня третировала.

Что, девочка? Не всё тебе покорно?

Посмотрим, что будет дальше.

А всё же она прелесть, и надо приложить большие усилия воли, чтобы не послать к чорту все свои ожесточенные решения и не сдаться на милость победителя.

Но этого не будет. Je maintiendrai. «На этом я стою и не могу иначе».

«Кубань» — уже третье наше судно с пшеницей. Первый был пароход «Краснодар», прибывший в Бомбей с пшеницей 2 июня. В Индии голод. В Дели 2 июня правительство официально заявило, что Индия отвергла «дар» Канады — низкосортную пшеницу, т.к. «такой пшеницей обычно кормят скот, и нежелательно, чтобы её употребляли люди».

23 июня. Суббота. Вчера исполнилось 10 лет со дня начала великой войны советского народа. Печальный и грозный юбилей. Суеверные старухи боятся июня, вздыхают: «Только бы июнь прожить, а там и целый год войны не будет!»

На другом боку шарика сейчас ночь. В Америке спят, танцуют уан-стэп, ту-степ, буги-буш, фокстрот, делают патроны, ружейные замки, дистанционные трубки, линзы для дальнобойных пушек. Что там подделывает Гарри из штата Миссури? Где проводят досуг Морганов? Неважно! Что бы они не делали, какие бы планы не изобретали, всё это рассыплется прахом, всё развалится, как развалился план «Аттила», введённый в действие 10 лет и 1 день назад.

«Вальдорф-Асторию» превратил в клуб. «Эмпайр стэйт билдинг» модно переоборудовать в книгохранилище. . .

26 июня. В воскресенье я ездил в лагерь для старших классов, проведать ребят. Видел Музу, Феру, Галю Щукину. Проведать своих девчат приезжала Женя Гетнер. Столько хороших девочек! Женичка, я чувствую, непрочь со мной познакомиться: оглядывается, за-

держивается рядом, чего-то ждёт... Но у меня как-то не было настроения начинать с ней мирные переговоры: ещё свежа кровосочащающаяся рана в моей сердцевине.

А я всё-таки сумел сохранить своё достоинство и не капитулировал перед габаритной девочкой из высокого дома.

А наша пшеница в Калькутту попала!

... В Корею льется кровь...

Через 2 часа. Я дочитал «Джимми Хиггинс» (московское издание 1933 года). Я вне себя от изумления. Эти страницы пропитаны болью и гневом, они кричат об интернациональной рабочей солидарности, о симпатиях к Советскому Союзу, о борьбе за мир — какая злободневная книга! А сейчас её семидесятитрехлетний автор служит доллару. Этот почтенный седовласый джентльмен в золотых очках совершил самое гнусное предательство — предательство идейное. Эптон Синклер, к[ото]рого Ленин назвал «социалистом чувства», стал простым полицейским ренегатом, как шпион Вейс из его книги «Римские каникулы». Отвратительнее всего, что Синклер отрёкся от всех своих ранних революционных книг. А у него были крупные произведения: «Джунгли», «Король-уголь», «Нефть», «Малая сталь», «Автомобильный король», «Джимми Хиггинс», «No pasaran» (повесть о борьбе испанских республиканцев), «Бостон», «Маунтен-сити», «Столица». Было много слабых страниц в «Бостоне», было много идеализма, ошибок, заблуждений, были социалисты — сынки миллионеров; было много совершенного нереального в «Маунтен-сити», была слабая книга «Пьяный парад», но Синклер всё же был прогрессивным писателем. А теперь этот престарелый Иуда со всею своей нечистой душой, потрохами и эмоциями вписан в графу расходов Большой Книги Уолл-Стрита. Он купил покойную старость, мягкие кресла, тёплую постель и манную кашу, комфорт и тихую смерть ценой великой подлости. Так пусть же наслаждается жизнью, если сможет! Все честные люди мира презирают его.

Его тенденции к предательству незаметно пробивались уже в его антифашистской эпопее второй мировой войны, в его прославленной пенталогии: «Крушение мира», «Между двух миров», «Зубы дракона», «Широкие ворота», «Агент президента». Не знаю, написана ли последняя книга. Первые две были переведены на русский язык. Главный герой — сын оружейного фабриканта из Ньюкасла (Коннектикут), незаконный отпрыск целой династии пуритан, Ланни Бэдд. Этот обаятельный, молодой человек — тип «счастливого американца», удачника, баловня судьбы. Ланни Бэдд родился и вырос во Франции, жил в немецкой Силезии и в Англии, любил англичанку, получил образование в Новой Англии и т.д. и т.п. Этот гуманный и культурный человек — чистейший космополит, который из вежливости считает Америку своей родиной, ненавидит фашизм, но в общем не суется в политику, а сидит в золочённой башне из слоновой кости и отгораживается искусством от всего мира. Иногда он выходит из неё в качестве типичного «социального чувства» занимается социальной филантропией. По своим убеждениям — он, «розовый»...

Какое падение! От Джимми Хиггинса до Ланни Бэдда — кривая идёт вниз. Синклер всегда влагает в своих героев собственные мысли и рассуждения. Через Ланни Бэдда,

к[ото]рый уже не думает о борьбе с капитализмом, Эптон Синклер идёт к оправданию назревающего предательства.

28 июня.

Интереснейшие дела творятся «na bia ł em ś wiecie». Корея, великая и многострадальная. . .

Жёлтые «красные» за последнее время усиливают удары.

У них много нового.

Китайцы в синих ватниках и меховых шапках дерутся рядом с корейскими братьями. Через Маньчжурию, из-за Ялу, широким потоком идёт китайская помощь: оборудование, боеприпасы, амуниция. На ящиках китайские иероглифы, оружие сделано по китайскому образцу. Но это — не китайская продукция. Это идёт из более прохладных краев, из городов Д[ального]. В[остока].

За последнее время усилилась борьба с бомбардировками, участились случаи гибели бомбардировщиков. Каждые сутки приходят известия о гибели то 8, то 10 самолетов США. В сообщениях с недавнего времени стали фигурировать «стрелки-истребители самолётов».

В чём же дело? — Оказывается, недавно у корейцев появились необыкновенные зенитные орудия, у которых убойная дальность полета снаряда превышает потолок любого американского самолета. Этих орудий очень немного, они строго засекречены, их поручают отдельным выдающимся личностям; в случае окружения или плена стрелкам достаточно привести в действие небольшой механизм, чтобы взлететь на воздух вместе с орудием. — У корейцев есть огнемёты, бьющие на 200–300 метров конденсированным бензином (кажется, это и есть то, что янки называют напалмом); в их пламени может расплавляться металл. Говорят, что это горючее применялось в смеси с термитом в гранатах нашей «катушки». — Корейцы вооружились совершенно небывалой береговой артиллерией. При блокаде одного корейского порта (кажется, Вонсана) из полукольца американских кораблей, стоявших в 70 км от порта, вышли 2 крейсера и приблизились километров на 45 к порту. Тотчас заговорила береговая артиллерия: сразу же, без всякой пристрелки, она нанесла прямое попадание. Крейсера затонули. . . -Корейцы проводят замечательные ночные бомбардировки. Ночью 21 июня северокорейцы разбомбили железнодорожную станцию Сеула-Енсан. Енсан запылал, начали рваться склады. Не так давно ночью налетели на очень сильно защищенный аэродром в Сувоне; ни радары, ни звукоуловители не помогли — десяток американских самолетов сгорело на земле.

Сталинские слова о неизбежной победе освободительной войны корейского народа сбываются. Когда Малик произнёс свою речь о мирном урегулировании корейской проблемы, её через сутки узнали сражающиеся в Корее. Мощные громкоговорители по ночам передают на английском языке полезные для американцев и англичан вещи. Точно таким образом, янки (джиай) и англичане (томми) услышали речь Малика. Мгновенно по всем фронтам вспыхнули огромные стихийные митинги бледнолицых солдат: «На что нам нужна Корея? Это паршивая война! За что мы проливаем кровь? Заключить мир! Домой, к бабам! ест

...» И через полсутки перепуганный президент Трумэн, воочию увидевший призрак коммунизма, выступил с заявлением, выразившим согласие на предложения Малика.

Rot front! Сталин ваньсуй! La paix vaincra la guerre! Avanti, popolos! Bandera rossa!

А прогос: Вчера я ездил опять в лагерь. Женьки и Гальки там нет. Кажется, они отдыхают в Алкино. Женичку мы с Гебой сегодня встретили на улице Карла Маркса. Сегодня в 9 ч. начинается концерт Сергея Гурзо в Оперном. Мы уже взяли билеты. Виретта, наверное, будет там.

29 июня. Виретты не было. Видел С. Гурзо — симпатичный молодой человек лет 25, в сером костюме, хорошие манеры, держится просто. Было процентов на 70 женщин и девчат. В общем концерт халтуроватенький, Гурзо в нём занял максимум 1/3 программы.

В Москву приехал (через Румынию) Назым Хикмет. Его встречали Николай Тихонов, Конст[антин]. Симонов, Самуил Маршак и прочие. А прогос: в нынешних турках очень мало от жёлтой расы: её уже пересилила индо-европейская струя, расовая примесь греков, славян, арабов и др. Назым Хикмет — человек совершенно европейского типа. Между прочим, я тоже мало похож на монголоида, хотя по американским понятиям я метис, цветной, во мне 50

30 июня. Гип-гип. Ура. Трумэн одобрил инструкцию для мирных переговоров Риджуэю. Риджуэй выступил по радио и предложил вести переговоры на датском госпитальном судне в Вонсане. Условия: прекращение огня и разведение по обе стороны 38-й параллели. Интересно, что у них выйдет.

1 июля. Опять ездил в лагерь, в третий раз. Хорошо провёл время, искупался в Уфимке, девочки были на «о-кэй» (из 3-й школы): Бася (2-й разряд по волейболу и баскетболу), к ней неравнодушен Валя Труевцев, Люся Дружинина и Тамара, очень хорошенькая. Весь день я проверял, не «фальшивая» ли коса у Люси и дёргал её за сию косу, весьма довольно длинную, русую и толстую. Девочка сия отменно недурна, особенно в купальнике. Посмотрели в клубе фильм «Волочаевские дни» (1937 г.), и Геба (это я его вытащил) много играл в бильярд и волейбол.

Ещё в прошлое посещение я открыл в лагере прелестную девушку, очень похожую на Э. Б., но как-то стройнее и словно моложе. Эта девушка в соломенной шляпе, в белом платье. У неё только в отличие от Виретты тёмные глаза. Нос такой же конфигурации, но крупнее. В общем, не так красива, как Ретта, но симпатичнее и милевиднее.

2 июля. Да, забыл записать. Вчера вечером, вернувшись из лагеря, встретил на Лени-на Виретту, прошёл нос к носу, неопределенно улыбаясь, и не поздоровался. С Гебой она обменялась приветствиями.

4 июля. Среда. Американские монополии испугались бунта в своих войсках (в Корее уже были солдатские мятежи). Начинаются переговоры, договариваются о месте и времени встречи (собираются на 38-й параллели в районе Кэсона). Вероятно, американские империалисты просто хотят обмануть общественное мнение мира, сорвать переговоры, свалив ответственность на корейцев и китайцев. Посмотрим, что получится...

В понедельник я видел Ретту. Взаимно чихали друг на друга. Ладно! Так держать! All right!

6 июля. Виретта закручивает с одним приезжим парнем, выпускником военно-морского училища. Дай ей бог блаженства!

В Чикаго закончился очень интересный и большой конгресс мира. Приговор над 11-ю лидерами компартии приведён в исполнение. Жертвам гнусного процесса на Фоли-сквер приказали явиться в суд. Семеро явились; на них надели кандалы и отправили в тюрьму. В федеральной тюрьме в Нью-Йорке после утреннего заседания 2 июля сидит Юджин Деннис и его шесть друзей. Один из них — Джек Стакхель — страдает тяжелым сердечным заболеванием; прокурор Сейпол цинично заявил, что тюрьма — сильнейшее лечебное средство против болезни сердца.

Четверо руководителей компартии (Гэс Холл, Джильберт Грин, Генри Уинстон и Роберт Томпсон) не явились в суд. Их местопребывание неизвестно. Министр юстиции Макграт пообещал тем, кто будет помогать четырём нелегальным вождям, суд, 1.000 долларов штрафа и 6 месяцев тюрьмы. Со 2 июля агенты ФБР ринулись на розыски. Кажется, что строки газетных сообщений перепечатаны со страниц «Железной пяты» (так сильна и верна была фантазия Джека Лондона).

7 июля. Мне захотелось поговорить о романтике. Говорят, что романтика умерла. Как это неверно! Умер романтизм, но вечно живёт романтика. По-моему, социалистический реализм тем и отличается от критического реализма, что он воодушевлён романтикой.

Я лично сделал для себя приятным изучение гуманитарных наук именно путём романтизации. Изучая историю древнего Египта, я с восторгом читал величавые описания дворцов, пустынь, пирамид, храмов, разливов Нила, битв и восстаний. Я прочёл «Фараон» Болеслава Пруса, «Каменотёс Нугри» Милия Езерского, «В стране пирамид», позже научное исследование о древнем Египте. Не скрою, вначале меня интересовала внешняя, показная, картинная сторона египетской древности: сфинксы, боевые колесницы, колоссальные статуи, лабиринт, пирамиды, ручные львы, лотосы и папирусы, железо дороже золота, золото красного цвета, тайны жрецов, саркофаги с мумиями — как это всё красиво и увлекательно! Но позже я перечёл и пережил иное: смертельный труд египтян, тысячи умирающих в кровавом поту рабов; великие пирамиды построены на костях египтян; ремесленники, трудолюбивые, необыкновенно умелые, замечательно искусные; оросительные сооружения, каналы, крестьяне за сошкой, писцы, собирающие налоги с помощью негров с дубьем — и над всем этим новая романтика, «багровый жасмин» народных восстаний и войн.

Одной из первых книг моего детства был «Всадник без головы». Я в те времена представлял себе романтическую Америку только как Америку бизонов, скальпов, гуронов, команчей, делавэров, засад, кровавых стычек, девственных лесов и прерий, индейский хитростей и отважных колонизаторов. Как я злился, узнавая, что леса вырублены, прерии распаханы стальными плугами, индейцы перебиты, а мустангеры превратились в пастухов-ковбоев.

Но Брет-Гарт и Джек Лондон принесли мне другую романтику, я увидел воочию золотую лихорадку, убийства из-за самородка, ледяные ночи Юкона, прелесть Джой Гастелль, бешеные гонки на собаках, долгие переезды дилижанса, где на козлах у Юбы Билля рядом с кнутом лежал винчестер, счастье Ревущего стана, изгоев Покер-Флэта... Я и сейчас люблю этих всех добрых, простых и мужественных американцев. Я всё ещё мечтаю достать и прочесть «Габриэль Конрой».

Но только недавно ко мне пришла истинная романтика американской истории.

Это Гервей Бирч, скромный и незаметный герой, это битвы, в которых Вашингтон, Лафайет, Костюшко и Сен-Симон идут под одними знамёнами, это священник Нат Тарнер и его двадцать чёрных братьев, это, наконец, Джон Браун! Да, да, славный, прекрасный старик. John Brown из Канзаса! Как я люблю его!

Это он первый из американских переселенцев-колонистов прибил к дереву дощечку с примерно такой надписью: «Я, Джон Браун, владею этой землей. Захватчиков пристрелю на месте». Этот могучий, как вековой дуб, человек, окружённый молодыми дубками-сыновьями, хотел освободить негров, хотел принести счастье в тёмную хижину дяди Тома. Я навсегда запомнил кровь Харперс-Ферри, Джона Брауна на эшафоте. Славно умер гордый железный старик. Потерявший всех своих сыновей в борьбе за освобождение негров, он не дрогнул перед казнью, не дал завязать глаз и сам ступил в люк, чтобы умереть в петле.

Потом был прямой и честный Эйби Ликольн — один из самых красивых людей в истории США, были битвы, сваленные телеграфные столбы, поставленные на колени плантаторы. Шерман, сдвинувший клочковатые брови, грозный гимн («Спит Джон Браун в могиле сырой, но память о нём ведёт нас в бой»), Улисс Грант, колумбиады балтиморского Пушечного клуба, Импи Барбикен, Мостон с крючком вместо руки и каучуковой заплаткой на черепке, огромные пушки северян, бой «Мерримака» с «Монитором», рабочие полки, статьи Маркса и Чернышевского в Европе. Вот это романтика!

Была романтика Луи Буссенара, отважные миллионерши, серебряные и нефтяные короли, ковбои с оправленными в серебро револьверами, знаменитый Pennyless, путешествующий по прериям без гроша в кармане, нефтяные «озёра» и «колодцы» (бог ты мой!).

Был О'Генри, описавший молчание великого города, его мрачную и безрадостную жизнь, погоню за деньгами, отчаянную борьбу за существование маленьких людей.

Но самая свежая и яркая романтика — это теперешняя Америка, с титанической борьбой пролетариата, с забастовками и пикетами. Рычит Медина, линчуют клановцы, на Фолисквер судят билль о правах, штрейкбрехеры стреляют из револьверов в пикеты, полисмэны в синих мундирах поднимают свои резиновые дубинки, герои-коммунисты идут в наручниках в тюрьму, и по всей стране шпики Эдгара Гувера отслеживают четырёх вождей, ушедших в подполье. В Корее митингуют солдаты: домой, домой! В Чикаго с трибуны конгресса американцы требуют мира, и белый голубь расправляет крылья на чёрной ладони Поля Робсона. Борьба, наслаждение, романтика! После грандиозных послевоенных стачек

фашисты провели закон Тафта-Хартли, начался полицейский террор, всё живое душат и гонят. . . Но погодите — дождусь я ещё революции в Чикаго и Нью-Йорке.

Вот она, романтика наших дней. Она в борьбе рабочего класса и крестьян всего мира.

9 июля. Вчера в пятый раз был в лагере. Муза, Галя Щукина, Люська Дружинина. . . В городе вечером Юра Кувькин поставил мне 100 грамм, так что это было вроде праздника. Я долго гулял, хорошо поговорил с Сашей Руденко.

Моряка Виретты зовут Игорь Садовников.

Интересные сведения: в Казани на 25-м заводе делают советские «Летающие крепости», — многомоторные бомбардировщики, как из официально называют. У нас в Уфе делают авиационные моторы (26-й завод).

Из-за плохой погоды празднование дня авиации было перенесено на вчерашнее воскресенье. В лагере я немного послушал репортаж с Тушинского аэродрома. Истребители конструкции Микояна, высший пилотаж на высших курсах, реактивные самолеты, которые оставляют тонкий свист и рёв разрезанного воздуха далеко позади себя, обгоняют звук.

Феликс приезжает в конце июля.

10 июля. 8 июля в районе Кэсона на тридцать восьмой параллели начались предварительные переговоры, с 'est à dire переговоры о переговорах. В 8.22 по местному времени к северо-западу от Кэсона приземлился вертолёт (в израненной бомбами Корее, где нет ни одной целой автомагистрали, ни посадочной площадки, вертолёт — лучшее средство передвижения), в котором прилетели американские офицеры и переводчик. На окраине Кэсона американцы встретились с тремя офицерами связи, посланными генералом Ким Ир-сеном и генералом Пын Дэ-хуэем (командующий китайскими добровольцами). После полудня переговоры успешно завершились.

Сегодня начинаются переговоры о прекращении огня в Корее. Продолжаются бои местного значения.

Скорее бы кончилась эта страшная война!

У нас начался ремонт, в доме страшный разгром — «как Мамай воевал». Не знаю, смогу ли завтра съездить в лагерь.

16 июля. Ремонт кончен, блестят выкрашенные маслом панели, блестит пол, новая печь радует взгляд. Ещё не всё приведено в порядок, но я уже получил возможность выходить из дома. За всю прошлую неделю ни разу не вырвался в лагерь, съездил только вчера в воскресенье. После лагеря (à propos, я уехал из лагеря, когда приехала Женька) я помог маме в возрождении нашей доремонтной жизни, и часика через три после своего возвращения я отправился гулять.

Славно провёл я вчера время.

Нарика я дома не застал: он пошёл в кино с Аликом Глезером. У Юрки Виницкого и Вилорьки никого не оказалось дома. Я вышел на улицу и рванул к Ефиму Бугаю, знакомому студенту. Я взял у него хорошую книгу «Повесть о двух городах» Диккенса. Мы завернули старую заслуженную книгу в газетину и вышли на Ленина. Шлялись, мотались туды и сю-

ды. Около половины одиннадцатого на Ленина появились двое девочек. Одна была в красной блузке, белой юбке, на полуобнажённой руке часики, красивая голова на гордой шее, чёрные босоножки на сильных ногах спортсменки; другая была меньше ростом, тоньше, в белом. Первая девушка была Эльвира Берлявская, вторая — её наперсница Ляля Еникеева.

Мы прошли мимо. Фима поздоровался. Затем он вдруг решил присоединиться к этой паре. Я последовал за ним и полчаса бродил молча с ним рядом, всем своим видом выражая оскорбительное равнодушие к Виретте. Постепенно я начал вставлять отдельные словечки в их беседу. С нами был небольшого роста юноша, студент с белёсыми волосами, ровесник Фимы, талантливый пианист Шамиль Хабибуллин. Он без памяти влюблён в Виретту. Я её любил так же безрассудно, когда не знал, что она из себя представляет. Сейчас я знаю ей цену и владею собой. Нужно любить людей такими, как они есть, исправляю в них дурное и предоставляю им исправлять дурное в себе самом. Эта взаимная обработка производится просто — общезитием. Плодами общезития является и работа человека над самим собой. В результате всякой совместной жизни человек непрерывно совершенствуется. Но я отвлёкся. Повторяю: нужно любить людей каковы они суть.

Я не охладел к Виретте, хотя в ней много дурного. Но я слишком много думал о ней и решил, что нужно подчинить сердце разуму.

Итак, мы гуляли впятером, и я начал понемногу принимать участие в разговоре. Проводили Лялю (она живёт на расстоянии полутора кварталов от меня). Пошли обратно к улице Ленина; справа от Эльвиры Шамиль, слева мы. Шамиль выразил каким-то образом (я уже не помню) неуважение к моей личности. Я обрушился на него потоком насмешек, я резко отбрил его, и он после этого почти не разговаривал: такой сокрушительный ответ я дал его ничем не вызванной дерзости.

Ну, ладно. Я вступил на арену. Мне было немного жалко Шамиля, и я несколько раз предложил Фиме отшиться, и оставить их вдвоём. Мне было ясно, что Шамиль — неопасный соперник: он слишком любит Виретту. Но Фимка не хотел совершать благородный поступок. Потом мы подошли к воротам парка Матросова: Фимке захотелось пить. Шамиль отошёл в сторону, он был зол, удручён, его терзала ревность к нам (мы монополизировали разговор с Реттой). Ретга, уже несколько раз заговаривавшая со мной, вдруг прямо (как будто между нами ничего не было) обратилась ко мне: «Что это у тебя за книга?» Взяла её, развернула, завернула, мы говорили о книге и о многом другом. Красота, кто понимает! Из очереди вынырнул, вытирая губы, Фима: уж не помню к чему, он сказал, что я всё время его уговаривал оставить Эльвиру вдвоём с Шамилем. Она улыбнулась и поглядела на меня. Я притворился смущённым и упрекнул Фимку в болтливости. О, это было замечательно! Наконец-то она поняла, что я человек сильный и независимый. Девушки ценят людей, которые не теряют из-за них голову.

Пошли дальше. Я разговаривал с Виреттой, по временам надолго умолкал: дескать, я не так уж нуждаюсь в вашей беседе, словом, держался независимо. Шамиль молчал, как убитый. На углу ул. Ленина и ул. Сталина решили пойти к Виретте. Мы отправились в их

двор, зашли в садик, сели на скамью под молодыми деревцами и сидели не меньше часа. Разговаривали до бесконечности. Шамиль сорвал стебелёк с белыми цветами, преподнёс его, заикаясь, Эльвире, что-то сказал о символе невинности. Фима оказался умнее всех, он решил воткнуть его в волосы Эльвиретты, но я решил не отставать, отнял цветок, доказывая ему что он вкалывает неверно, сам начал прикреплять; наконец, он забрал и воткнул его над виском. До какой наглости я дошёл! Удивляюсь сам себе: год назад я не заметил бы Виретту, полгола назад я на неё молился, теперь не без удовольствия прикасаюсь к её локтю или голове.

Шамиль был мрачен и скоро ушёл. Мы с Фимой ушли во втором часу. Прекрасно! Я не только примирился с «Эльзевирой» (глупая шутка, это девочка отнюдь не карманного издания), не только держусь, как ни в чём не бывало, я зашёл в отношениях с ней дальше, чем когда бы то ни было.

Alles in Ordnung! All right! Fout est très bien! Ça ira, aristos à la lanterne!

На-днях в Шербур заходил в гости знаменитый линкор «Миссури», недавно засыпавший смертью поля Кореи.

Переговоры в Корею продолжаются, несмотря на затруднения, чинимые американцами. Вокруг нейтральной зоны (район Кэсона) рвутся бомбы и снаряды, свищут пули, льется кровь. В Кэсоне идут переговоры, являющиеся лучом надежды для одной стороны и лживой маской — для другой. Янки хотят сорвать переговоры. Не знаю, что у них выйдет. Мир смотрит на Кэсон. Кэсон в тумане.

19 июля. Вчера было закрытие первой смены комсомольского лагеря. Я поехал ещё утром. После полдника должен был состояться концерт на открытой эстраде, но разразилась летняя славная гроза, собравшаяся публика ринулась в клуб. В клубе посидели, потом потанцевали. После ужина была художественная самодеятельность, потом опять были танцы. Получился настоящий вечер, только танцы под баян, но ничего. Был вальс, чардаш, полька, танго, фокс. Я, к сожалению, танцую лишь два последних. Процветала «почта амура». Мне послали сначала записульку: «Почему все мальчишки из 11-й школы такие серьезные, даже не улыбнётесь». Я потанцевал, попотел в духотище, пока меня не осенила блестящая по глупости идея. Я послал Гальке Шукиной (№ 38) следующую эпистолу: «Галька! Двое наших ребят в тебя врезались, а я - нет. Твой незнакомый». Не знаю, как она узнала, что я писал. Ответ был достоин моей записки: «Рома! Не теряй голову... учись, учись танцевать, получается». Впрочем, я также не без труда ответил бы на свою ужасную записку.

Алевтина Володарская — прелестная блондинка с тёмными глазами; это небольшая девочка (перешла в девятый класс) похожа на маленькую женщину; у неё совершенно взрослые манеры, походка, всё поведение и поступки. Но я сравнивал эту хорошенькую миниатюрную теннисистку с Галей Шукиной — рослой, жгучей брюнеткой. У Гали сочные полные губы, красивые и чувственные, которые часто приоткрываются в ослепительной белозубой улыбке; тогда её чёрные, живые, большие глаза слегка жмурятся; маленький шрам на пере-

носице придаёт ей, её улыбке особенно томный, лукавый, любовный вид. В лагере она очень поправилась, тело её развилось, сформировалась, а между тем она 1935 года рождения. Я сравниваю эту бронзовокожую креолку с прохладной белокурой девочкой из 3-й школы. Первая — вся открытая, живёт, как пламя на ветру, порыв и чувство. Вторая — симпатична, красива, её тёмные глаза хранят какие-то девичьи тайны, но с ней всё будущее видно, как на ладони: она войдёт в жизнь, опираясь на твёрдую руку друга и спокойно минует её бурные водовороты. Первая девушка бросится в омут жизни вниз головой и поплывёт среди разбушевавшихся стихий, руководясь лишь своим горячим сердцем. Быть может, она утонет, но нет! Ей помогут — хотя бы против её воли. И её жизнь будет полна мук и наслаждений, труда и борьбы. С такою девушкой хорошо было бы руку об руку броситься в омут жизни, но нужно уметь плавать. Глаза Аллы таинственно манят: «О-о, со мной будет хорошо. . . » Глаза Галины сулят, зовут: «Со мной будет хорошо!» И обе правы. Только одна будет согревать, другая — воспламенять. . . некоторая разница. С Аллочкой можно свить тёплое гнёздышко, с Галькой — вместе сгореть. У неё темперамент революционерки, героини. Славная девчонка! Впрочем, это, пожалуй, не для меня.

Сегодня или завтра приезжает Герка из Златоуста, скоро Фелик, с Виреттой я помирился, с Галькой практически знаком, с Аллочкой на грани знакомства, с Женичкой на грани знакомства, с Г. К.- в розругах, да к тому же она в Гурзуфе. Прочёл «Повесть о двух городах» Диккенса. Тяжёловато её читать. . . Мутная, злобная, совершенно неверная, слепо реакционная книга. Большая ошибка Диккенса. Книгу я брал у Фимки Бугая. Я теперь и с ним знаком очень коротко.

Сегодня возьму «Король-уголь» у Вити Торопчика, что-нибудь у Фимы etc. Живу!

Я могу сказать с полным правом: «Скорее я умру, ни разу не изведав в жизни женской ласки, но ни для какой красы не унижу своё человеческое достоинство». С этой заповедью я ничего не боюсь.

19 июня. [19/20 июля?] Богатый день. Я пошёл к Фиме, чтобы отдать ему «Повесть о двух городах». У него я отбирал себе книжечки, когда вошла Виретта. Какая она красивая! Во мне пробуждается былое чувство к ней. Милая, милая девочка, никто не понимает её так, как я, никто не чувствует так её поэзию. Она несколько похожа на меня своей печальной любовью к себе. . . Не нужно Так любить себя.

В третьем часу мы трое уже плыли по сияющей живой равнине реки, переплавляясь через Белую. Эльвиретта сидела на корме, я взглядами пел ей изумительные по красоте гимны, природа яростно жила, солнце сверкало над голубой рекой; с одной стороны была зелёная кромка левого берега, с другой — невысокие известковые горы, на них здания Уфы. Мы искупались на Дёме. . . Я сейчас так печально и любовно настроен, что не могу описать реально то, что было, но нет — взглянем правде в глаза! Виретта после купания километра три шла без платья, в трусах и лифчике, стараясь быть на виду, на высоте берега. У неё красивые ноги, белые, довольно стройные, с небольшими ступнями, с пышными бедрами. У неё полностью сформировавшееся тело, мягкие гибкие руки с маленькими кистями, на которых

хочется перецеловать каждый палец; темно- каштановые волосы, угольные брови, светло- голубые глаза, прелестный носик, чуть-чуть вздёрнутый, очень славный небольшой рот, чудный овал лица. Она забросила косы («корзинка») на голову, накинула на плечи жёлтую кофту и сзади была чуть похожа на мальчика. Потом она скинула кофту, чи это не кофта — нечто жёлтое и шёлковое.

Мне славно было с Ретгой; Фимку она похлёстывала прутиком, хлопнула два раза меня, я был счастлив (и дураки же люди!) Девушка-мечта... была бы. Она, действительно, несколько толста. Тугой бюстгальтер так врезывается в пышное тело, что по сторонам от него оно выступает рельефом. Просто жалко, что она так... жирновата. Славная, милая девчонка, но несколько захапанная. Она привыкла к тому, что юноши смотрят на неё с жадным восхищением, она привыкла к тому, чтобы её трогали руками. Фимка опять втыкал ей в голову цветочек, я закалывал ей булавкой порванное подмышкой платье и опять прикасался к её нежному телу. На обратном пути в лодке я сидел на одной скамье с нею, скамья была коротка, мы были близки друг к другу.

20 июля. Продолжаю рассказ.

Когда мы поднимались в гору после возвращения, Виретта изнемогла — она слишком тяжелая, ей было жарко. Мы вышли на улицу Карла Маркса. Эльвиретта, когда мы расходились, попросила Фимку притащить ей «сегодня» Лёвку Митюгова (à rgoros, Гога уже уехал в Севастополь). Впрочем, он у неё вечером не был, он был в кино.

Во мне не прекращается чувство нежности к Виретте. Я дал ей почувствовать свою независимость, чорт возьми!

На Дёме она попросила принести ей воды. Я ей ответил, что у берега вода грязная, а чтобы зайти на середину, нужно опять мокнуть, а я только что высох — словом, я коротко, вежливо и решительно отказался: нельзя ей потакать во всём.

Вечером я узнал, что Геба приехал ещё «вчера» (т.е. теперь позавчера, в среду 18-го). Я узнал, что он взял билет на 9-часовой сеанс; а в 9 часов сеанс начинается только в кино имени Матросова. К концу сеанса я был у кинотеатра; здесь я встретил одного студента, кончавшего школу (нашу № 11) вместе с Гебой. Мы сразу узнали друг друга. В этот момент подошли трое: Фимка, Виретта и приехавший из Москвы студент Матвеев (из Института международных отношений), тоже бывший геркин однокашник, юноша в золотых очках. Он тоже хорошо знал меня. — «А, старый знакомый!» — сказал он, пожимая мне руку. Он сообщил, что голос у меня сильно изменился, а сам я - нет. Виретта молча наблюдала эту сцену.

Вдруг Прытин (так звали первого студента) сообщил мне, что зрительный зал пуст; 9-ти часовой сеанс давно кончился. Я помянул врага, вышел вон и направился на улицу Ленина; я прошёл по ней два раза, два раза встретив Женьку в толпе девчат. Женька вызывающе смеялась при моем появлении.

Наконец, я увидел Витьку и Гебу (у Витьки Торопчина я вчера взял «Король уголь»). Они остановились на углу ул. Ленина и ул. Сталина; я подошёл, треснул Гебу по спине,

он обернулся и от испуга и злобы двинул два раза меня в солнечное сплетение. Герка и Витя распрощались, мы с Гебой пошли домой. Он рассказал, что на фильм «Судьба балерины» он опоздал: играл в волейбол на стадионе «Динамо». Около пяти часов он просидел вчера (т.е. в четверг, 19) у Женьки, много с ней разговаривали, Женька с ним кокетничала. Он говорил в защиту Витьки, пока Женька не пригрозила швырнуть в него двумя огромными подушками. Зашла речь обо мне; Женька сказала, что это просто шпион, что он (т.е. я) всегда на вечерах глаз с неё не сводит, словно гипнотизирует. Она едет в лагерь для старших на 2-ю смену, пригласила Герку приезжать. «Только Ромку не бери с собой».

Я ей это припомню.

Между прочим, я уже собирался простить её.

21 июля. Читаю «Король уголь». Типичный синклеровский сюжет: молодой интеллигент, человек высшего класса, спускается в низы. Хол Уорнер становится шахтёром, участвует в борьбе горняков. Идеи классовой ненависти, борьбы, рабочей солидарности, идеи социализма. Реализм его местами достигает огромных высот: в книге, как в жизни, герой может пасть в любую минуту. Сердце замирает, когда Хол, набросив чужое пальто и котелок, бежит по улице тёмной ночью, а вслед ему летят пули слуг Компании. Радость охватывает, когда рабочие начинают мятеж: Изумительный диалог, есть фразы, которые кажутся невыдуманными. Например, Питер Харриган, «король-уголь», главарь, атаман «Всеобщей топливной компании», властелин штата, говорит: «Я большой любитель дивиденда». Надзиратель Алек Стон говорит после взрыва шахты № 1, о шахте № 2, который грозит удушье: «Чорт с ними, с людьми, сначала спасайте мулов!» Из шахты № 1 через 4 дня после взрыва извлекают мёртвых, раненых, живых. Шахтёрка, мать 11 детей, рвется в сарай с трупами, слуга Компании Пит Хэнем выбивает её ударом в грудь. «Я хочу взять мужа!» — кричит она. «Что ты от него хочешь? Он обратился в мелкие куски!» — «Я хочу взять эти куски!» — «Зачем они тебе? Есть ты их, что ли, будешь?»

И этот человек стал врагом Советского Союза? Да что же там было? — Испугался борьбы, потому что у его социализма не было прочной основы. Социалист чувства — ну, вот он и пришёл к своему финишу.

Читаю дальше.

Сто тысяч чертей! Сто секстиллионов чёрных чертей!

О, подлость, о, гнусность! Измена! Нас предали!

Книга обрывается на 188 странице. Нет конца. Последние строки — разговор в Норт-Вале Эдуарда С. Уорнера младшего, шахтовладельца, и его младшего брата Хола Уорнера, шахтёра на конях Харригана. Самый острый момент: Эдуард тащит брата к автолюбителю, Хол колеблется.

«Хол понял, что он должен доказать свою решимость итти до конца».

24 июля. Часа не прошло, как я вернулся из лагеря, куда ездил с Гебой и Витей. День был богат для меня. Я сидел около часика (или меньше?) на террасе с Витькой, Женькой и Гебой. Женька понемногу заговаривала со мной, и незаметно мы стали обращаться

друг к другу. Я не выразил ей пламенной привязки: не за что ей. Речь зашла о книге Голсуорси «Сказание о Форсайтах», как назвал её Витя. Женька его поправила: «Сага». Мы ей указали, что это всё равно. Она протянула с видом сомнения: «Не знаю». Я ответил: «Все порядочные люди это знают». Ребята хохочут, Женька зарумянилась и говорит: «Буду знать».

... Однако, пора бай-бай. Я не выспался сегодня. Допишу потом.

25 июля. Мама сегодня уезжает на три дня в командировку. . .

Да, я вчера немного испортил Женичке настроение. А прогос, в воскресенье (22-го) я был в лагере и по небрежности и глупости вырезал на одной скамейке заветный вензель: «Э» да «Б». Женька увидела меня за этой работой и позже, когда меня не было, осмотрела скамью; теперь она знает мою симпатию. Pereaat!

Её осведомленность обнаружилась в разговоре. Но всё же моё подчёркнуто насмешливое и неприязненное отношение поразило её (а за что ей было ожидать лучшего?) На мою реплику о порядочных людях она ответила: «Буду знать. . . Теперь очередь за мной». Но ничего сильного она сказать не могла. Когда мы сидели на террасе, шёл дождь (под предлогом его мы и вошли в дачу). Я, чувствуя, что несколько снизил их настроение, сказал по поводу какого-то её замечания: «Что ж, я могу уйти. Прикажите — и я уберусь». — «Не требуется», — ответила она, а я добавил: «Мне немного здесь нужно.» Витька говорит, что она, в конце концов, чуть не расплакалась.

Быть может, в следующий раз отнестись к ней мягче? Но вряд ли она пойдет на смягчение отношений.

Довольно о Женьке!

В доме отдыха проживает Эльвира. Я вчера долго был с ней, в обществе её подруги Люси, её воздыхателя — нефтяного студента и Гебы. Геба сфотографировал нас четверых: я сидел бок-о-бок с Виреттой; потом девочек вдвоём. Мне обеспечены снимочки. В общей сложности я провел с Реттой часа три; она угостила нас смородиной; мы играли в вопросы и ответы, в города. Ретта пыталась поймать меня на глупом вопросе: «Чем прославились братья Зразы?» Ой, смешная девчонка! Ретта недурна, очень недурна, но я к ней охлаждаю: ум её — не очень бездонен, не слишком гениален. Я хочу чего-нибудь другого. Женька?

Со временем, mes amis! Со временем.

Феликс, может быть, уже приехал.

С Галей Щукиной и Женичкой я уже знаком. Как быстро я изменился! Прошло восемь месяцев с половиною с того дня, когда я влюбился в Виретту. Теперь я уж не тот! Я стал твёрже, во мне прибавилось упорство, воля к борьбе, любовь к жизни. Много светлых часов, много черных минут испытала моя душа, но огонь и холод закаляют булат. Немножко больше характера дали мне эти восемь минут жизни: жизнь все время работает над человеческим характером, но есть периоды, в которые эта работа усиливается. Хорошо! Я живу.

— Но ведь в Коре лётся кровь.

Моссадык показал свое истинное лицо. Он национализировал АИНК в интересах американских монополий. Сейчас Гарриман вершит судьбы иранской нефти; когда же иранцы требуют, чтобы Гарриман убирался вон, «а ж а н ы» стреляют в народ. Кровь иранцев оросила одежду премьера. Его имя заклеят потомки и впишут коричневыми буквами в скрижали истории.

В Америке ничего не произошло. Будничная, привычная, одинокая борьба передовых людей. . . .

28 июля. Вчера был безумный день (но не Женитьба Фигаро). Почти весь день я валялся дома, читал, почти не ел, в столовку не ходил. Вечерком сосед Александр Алексеевич принёс в кармане бутылочку водки. У него склероз мозговых сосудов, к тому же он вчера «обедал» в ресторане, и я получил львиную долю чикושки- грамм двести. Алкоголь совершенно не затуманивает моего сознания, я с любопытством наблюдал его действие на организм: легкое опьянение, слабость в соединении с живостью, беспричинное веселье, жизнерадостность. . . Тьфу, черт! На какого дьявола я пишу об этом?

Я в 9-м часу пошёл к Алику Глезеру: он в Оперном. Я к Нарикю: он в Оперном (вчера) Лисицман пел в «Фаусте»). Я пошёл на ул. Ленина, с неё — Гебе. Геба на стадион — я к нему на стадион. Перед этим я успел зайти к Беркутовым. Спрашиваю: «Феликс скоро придет?» — «Феликс?» — «Да». — «Он уже дня 3–4 в городе». Меня как обухом погладило! Как только Геба доиграл свою встречу в волейбол, надел брюки и куртку, мы пошли к Беркутовым. Фельки не было. Тот же самый дядя сказал, что Фелька в театре, ясно, что в Оперном. Пришли мы с Гебой на ул. Ленина, постояли, поговорили — он с знакомыми девчонками, я со Стасиком Суцевским. Я проводил Герулю до дома, мы посидели с ним на скамеечке, потом я пошёл к Оперному. Ещё не было 12 часов, кончалось последнее действие. Я решил подождать. Вдруг грянули рукоплескания, начали выходить люди. Я думал конец, но позже оказалось, что это антракт и люди выходили подышать свежим воздухом. Я простодушно решил, что *comœdia finita est*, и пошёл напролом. Контролёрша: «Ваш билет?» — «Какой билет? — говорю с возмущением (вот формалисты!). -Ведь уже кончилось. У меня тут товарищ! e tc». Она что-то сказала насчёт того, что всё-таки так нельзя, но я не слушал и шёл дальше. Люди прогуливались в фойе, и только тут я понял, до какой наглости я дошёл. Поручковался с нашими ребятами, спрашиваю: «Фелька здесь?» — «Здесь, в партере сидит». Вхожу в зал, вижу Вовку М. с Танюшей Ш.; Вовка начинает веселить Таню на мой счет, но все же указывает мне, где увидеть, где найти. . . Поднимаюсь по залу, и вот желанная минута — жму руку Феликса.

Он не изменился, только стал здоровее: занятия легкой атлетикой, плавание, бег etc. Мы досидели с ним конец «Фауста» и проговорили всю «Вальпургиеву ночь». Я рассказывал ему о своих делах, он о своих. Вовка ему уже чего-то наговорил обо мне. Плюю на Вовку: что он мне может сделать? Мой дух сильнее его. Фелька рассказал немного о своей Рэнальде, она оказалась, действительно, «шлюхой»: несмотря на то, что они целовались, она ему сказала: «Другие ребята смелее». За ней увивались рои трутней, всякие-разные летчики,

и Феликс предоставил ей потерять девственность с кем-нибудь другим. Про Женьку Феликс сказал, что она «дурочка,» ею. он ни крошки не интересуется. А прогос, по другую сторону от Феликса сидела Нэлька Юсупова и еще какая-то девочка. Нэлька совершенно внезапно обратилась ко мне: «Рома, какая из двух тебе больше нравится?» Здравствуйте, я ваша теть! Раньше не здоровались, а теперь!

Я указал на ту фотокарточку Лисициана, которую она держала в руке.

После спектакля Феликс пошёл их провожать, мы уговорились, что он придёт ко мне сегодня в 3 часа. Кончать школу он всё же собирается в Ульяновске: чорт знает, почему, какие-то материальные условия — вот не думал, что у Чернухи могут препятствия материального характера! Жаль! Может быть, это еще удастся изменить?

Феликс обещал мне помочь. У меня идея: сходить в кино с Феликсом и Виреттой.

Из дневника 1956 года

Р. Г. Назиров

[Вложена вырезанная из газеты статья «Белград и Вашингтон просчитались» автор Лев Ошанин]

[Вложена вырезанная из газеты Правда от 17 сентября 1949 г. статья «Судебный процесс венгерского государственного преступника Райка и его сообщников»]

16 июля. Понедельник. Сегодня я читал югославскую газету «БОРБА» (петак, 30 марта 1956). Один заголовок на полосе сразу бросился мне в глаза:

ВРХОВНИ СУД МАЂАРСКЕ

рехабилитовао Ласла Рајка

који је осуђен на основу лажних оптужба у монструозном процесу и стрељан 1949 године.

«Титовский шпион»-писали о нём в советских газетах. Значит, ещё один невинный. В наших газетах я не заметил этой посмертной реабилитации, может быть, об этом не писали. Для наглядности я прилагаю одну старую вырезку, вернее, две вырезки о деле Ласло Райка.

В «Борбе» я впервые прочёл слово «сталинизм». Не слышал раньше этого термина.

В «Борбе» или в «Политике» была напечатана корреспонденция о печатном выступлении советского «сликара» (художника) Александра Герасимова. Я как-то проморгал это выступление (март 1956 года). Говорится, что А. Герасимов, известный как портретист Сталина и др[угих] советских вождей, выступил с критикой «культы личности» в живописи». По сути дела он критиковал самого себя: лакировка действительности, парадность, восхваления, это всё относится к нему в первую очередь. Герасимов признал, что наши официальные художественные круги неправильно оценивали импрессионизм, что к наследию импрессионизма нельзя относиться целиком отрицательно. В то же время Герасимов назвал ошибочным существующее мнение, что социалистический реализм может использовать технические достижения импрессионизма.

22 июля. Воскресенье. Работаю, как каторжный, за свои полставки. В одно из дежурств списал статью одного американца из журнала «Молодёж мира». Статья называется «Джаз». Прилагаю ее к дневнику.

Сегодня я узнал, что означает строка в песне «Колыма»:

«Я помню тот Ванинский порт...»

Порт Ванина — пункт пересылки заключенных в 10 километрах от Совгавани.

Кстати, я неправильно записал в дневнике одну историю. Валентин Бережков не причём. Оказывается, зять Хрущёва-это Аджубей. Он ухаживал, будучи студентом, за кра-

савицей Скобцовой, которая впоследствии играла Дездемону в цветном фильме «Отелло». Скобцева и Аджубей составляли красивую пару, им прочили счастье. Но ловкий мальчик всех обманул, он женился на дочери Хрущёва. Она некрасива, зато она дочь.

23 июля. Понедельник. Оказывается, Н. Заболоцкий вовсе не молодой поэт, а один из старейших. Не знаю, что и когда он писал, но всплыл он неожиданно. Мне его стихи безумно нравятся, особенно «Утро» и «Журавли». Его стихи очень лиричны, нежны и музыкальны, им свойственно тончайшее чувство природы. Николай Заболоцкий.

К нам едет делегация Итальянской компартии проверять детали «культы личности». Сам Тольятти не пожелал приехать.

Нашу позицию в вопросе о культе личности не разделяют самые крупные и самые активные коммунистические партии: Китайская и Итальянская. В Союзе коммунистов Югославии то же самое положение, и Тито, по-моему, тоже Сталин в миниатюре. Всё это сходится с моей мыслью, что сталинизм, или культ личности, или вождизм, или как угодно это назвать-не случайное явление, а порождение объективной закономерности, неизбежное явление, необходимый период в истории каждой коммунистической партии: более или менее ярко. Вообще вождизм есть характерный признак переломных эпох, великих кризисов и больших социальных потрясений.

Переход от рабовладельческой демократии к Империи выдвинул в Риме такую величественную фигуру, как Юлия Цезаря.

Эра абсолютизма, означавшая межевой столб двух великих мировых систем-феодальной и капиталистической, дала Людовика XIV, которому, как и Цезарю, воздавались чуть ли не божеские почести.

После Революции и Террора возвысилась личность Наполеона, и термин «цезаризм» приобрёл синоним «бонапартизм».

Переходная эпоха от русского убудочного военно-феодального империализма (царский режим) к коммунизму породила, после трех революций и основополагающей деятельности Ленина, явление с т а л и н и з м а. Переход, о котором я говорю, представляет собой гигантский скачок, период бурных потрясений. Выражаясь языком геологов, у нас в СССР вулканическая деятельность еще не закончилась. Тут не могло обойтись без заминок в развитии и возвратных движений. Развитие идёт не по прямой, а по спирали.

Они там на Западе применяют к нам термин «тоталитаризм». Тоталитарным государством у нас называют «буржуазное государство с фашистским режимом». В словаре написано: «Характеризуется сосредоточением государственной власти в руках клики фашистских главарей, полной ликвидацией демократических свобод, режимом кровавого террора против революционных и прогрессивных организаций и деятелей, бесправием трудящихся, агрессивной внешней политикой». На Западе говорят: «красная экспансия», «советский тоталитаризм», «советский империализм» и т.д. Один американский журнал писал в этом году, что при «советском тоталитаризме» литература обречена на гибель, что вся советская литература состоит «из мрачных, меланхолических шолоховых и хитрых эринбургов».

Интересно сказал о нашей поэзии Владимир Луговской в статье по поводу 60-летнего юбилея Павла Антокольского («Литературная газета»):

«В 30-х годах появилась у нас в поэзии какая-то условная народность, основным эталоном которой явилось творчество талантливого поэта-песенника В. Лебедева-Кумача. И эта условная народность затмила в тридцатые годы даже замечательное творчество Твардовского и других поэтов, хороших и разных. Что мы на этом выиграли? Внимание к песне. Это было очень хорошо! Что мы проиграли? Мы растеряли творческие поиски, мы нивелировали стих, мы вызвали растерянность среди поэтической молодёжи, мы стали бояться всякого новаторства, перестали работать над русским стихом. А влияние ложноклассических од, восхваляющих культ личности во всех его видах, нанесло в то время ещё больший удар по многоцветной и прекрасной советской поэзии. Ничего, она привыкла к ударам! Но лучше было бы меньше ударов и больше творческого дружества. Дружество! Дружество поэтов России, дружество поэтов великого Советского Союза, братский разговор о стихе, «О Шиллере, о славе, о любви», а не мрачная проработка друг друга. Почему же мы оставили в забвении этот братский большой разговор, к которому призвал Маяковский?»

24 июля. Вторник. Смещён со своего поста Матиас Ракоши, венгерский вождь. Би-Би-Си передало, что Сталин перед войной обменял Ракоши, сидевшего в тюрьме, на старые венгерские знамёна, захваченные русскими в первой мировой войне. Уход Ракоши и посмертная реабилитация Райка-всё это события одного порядка, отзвуки XX съезда.

Один товарищ вёл со мной разговор об атомной бомбе. Вспоминали Хиросиму: он говорит, там погибло 200.000 человек. Пожалуй, преувеличивает. На большом расстоянии пострадали люди, одетые в полосатые кимоно: под этой лёгкой одеждой тело исполосовали ожоги соответственно расцветке ткани, где были чёрные полосы-тело выгорело, где белые не пострадало.

У нас в Казахстане был произведён знаменитый марш пехоты через территорию атомного взрыва. Шли в специальных противорадиоактивных костюмах, очень тяжёлых и неудобных, удваивавших страдания от жары. Переход прошёл удачно. Командовал им генерал-лейтенант или генерал-майор Чиж, и сразу после завершения марша Жуков подарил ему в награду именные часы и автомобиль «Победу».

Эдик Пугачев рассказывал мне, как он в 1933 г. работал торговым экспедитором. Он был маленьким начальником в своём торге: ему подчинялись два грузовика и несколько грузчиков. Ведал он определённой группой товаров: пиво, водка, квас, морс, сироп и т.п. До этого он удивлялся, как торговки ухитряются жить на 300 рублей жалованья, да ещё хорошо жить. Но тут он понял, в чём гвоздь. У этих баб поговорка: «Качок-пяточок». Имеется в виду пиво в бочках, которое качается ручным насосом и которое можно недоливать за счёт густой пены. «Плоха та продавщица, которая не сделает 100 рублей на бочке пива», — говорили они. И делали. Поэтому они не терпели, когда им приходилось продавать

бутылочное пиво. Экспедитору с каждой бочки они, как законную награду, выкладывали 5 рублей. Кроме того, когда везли ящики с бутылками, с каждой машины допускается списывание на бой двух бутылок. Шофёр никогда их не разобьёт, этих двух бутылок, они идут экспедитору, будь то коньяк, шампанское, пиво или квас. Таким образом, экспедитор может жить в своё удовольствие, «сыт, пьян и нос в табаке», как говорит Эдик.

Рассказывал он немного из быта трудовых лагерей. Уголовники ненавидят политических. Всех, кто по 58-й, называют «фашистами», будь то власовцы или старые большевики всё равно. Уголовники народ тёмный, всё их образование – «три класса и двести пятьдесят карманов». Презирают и терпеть не могут в лагерях тех людей, которые попали за изнасилование или вообще за преступление, связанное с женщинами. О таких говорят, что он «изза. . . Б Е З Д Н Ы. . . страдает» и называют (приблизительно). . . , «Б Е З Д Н О страдателями». Первым делом всегда вымещают злобу на «фашистах», а потом на «п. . . острадателях». Но всё это уходит в прошлое, жизнь лагерей сейчас сильно изменяется.

26 июля. Из Москвы приехала Галина Константиновна Козьминых. Я встретил её на улице, когда бежал из редакции в типографию. Мы немного поговорили. Она передала мне привет от Феликса. Значит, мои сведения устарели, и они всё же помирились. Он сейчас на практике в Бодайбо.

У Алика Касимова родился сын.

Уже 19 дней, нет, сегодня уже 20, я работаю в «Ленинце» литсотрудником за полставки-425 рублей. Ко мне относятся хорошо, но слегка эксплуатируют: за это время я уже дежурил четыре раза, т.е. один раз вне очереди. Говорят, что я очень похудел, но это не важно.

Плохо у мамы. Она всё чаще болеет, работает, не жалея себя, а с редактором Давыдовым у нее сложились очень плохие отношения. Самое страшное, что я ничем не могу помочь и ей, чувствую себя бессильным. Не могу же я набить морду её редактору! Ведь тогда её выгонят с работы. Это самая страшная сила-материальная сторона вопроса, деньги, средства существования. . . Сегодня она опять разругалась с ним на планёрке и вышла в слезах ещё до завершения планёрки. У неё очень плохо, и я не знаю, что делать. Если бы у меня был шанс, я бросил бы институт, а её заставил бы перейти на пенсию. Но где найти работу? Физическим трудом я много не заработаю.

31 июля. Вторник. Так, будем подумать. Сегодня вторник. В июле был 31 день. Ну, да, сегодня 31 июля.

Я заболел в пятницу, к концу рабочего дня. Три дня я пролежал в постели. Температура доходила до 39,5°, так что было очень тяжело и неприятно. Сегодня с утра температура нормальная, то есть 36,3°. Я решил встать с постели. Рука нетвёрдо держит перо. Ничего себе поболел: грипп и катаральная ангина. Съел я много таблеток норсульфазола и стрептоцида. Сейчас я ещё очень слаб. Но хорошо то, что я уже четвёртые сутки не курю. Пожалуй, можно и бросить курить.

У мамы с редактором оказалось не так уж плохо, она преувеличила. Он устроил с ней деловой tête-à-tête, благородное объяснение. Не стоило воспринимать так трагически.

22-го, в воскресенье, сестра уехала в Харьков. Приехала туда 24-го вечером, мы получили телеграмму и письмо.

Сегодня в 12 часов дня тётя Хуршида должна была явиться на бюро обкома. Разбор её заявления о восстановлении в партии. Не знаю, как кончилось дело.

Уже не помню, записывал ли я в этих тетрадях о получении мною в Уфимском горзагсе свидетельства о смерти на отца. Согласно этому свидетельству он умер 29 октября 1941 года. Графы «причина смерти» и «место смерти» не заполнены. Прожил он, следовательно, 42 года.

Вот пока все события. Тётку восстановили в три минуты.

Приходил ко мне Юра Дерфель, поиграли в карты, он почитал мои рассказы, ему понравился рассказ «Мой товарищ Игорь». Этот рассказ мне самому нравится. Но напечатать его нигде нельзя. Юра принёс мне почитать томик стихов-«Избранное» Алексея Недогонова, издано «Московским писателем» в 1955 г. Недогонов когда-то получил посмертно Сталинскую премию за поэму «Флаг над сельсоветом». По-моему, Недогонов-жертва сталинизма в литературе. Стиль у него испорчен. Поэма мне не понравилась. Стихи Гудзенко, Шубина, Наровчатова лучше, но в «Лирике» Недогонова встречаются хорошие вещи, сильно, впрочем, сбивающиеся на Симонова, Светлова и других предвоенных корифеев.

7 августа. Вторник. Слухи, рассказы, передачи Би-Би-Си. «ОЛЕГ КОШЕВОЙ ПЕРЕЕЗЖАЕТ ИЗ БОННА В ЛОНДОН». Это меня страшно поразило. Неужели это правда? Говорят, что Любовь Шевцова в Париже. Олег Кошевой жив, невозможно поверить. Говорят, их могилы, их тела не найдены в Краснодаре. Считалось, что они расстреляны отдельно от остальных. Теперь они говорят, что Люба и Олег живы, что они были увезены в Германию. Не знаю, что думать, правда или ложь. Ведь у нас говорят, что мать Олега опознала его труп, совершенно седого. Не знаю.

Но вот уже совершенно точно, достоверно, говорят многие наши ребята: родители Стаховича собрали документы, неопровержимые свидетельства и добились в Москве, в центре, реабилитации своего сына. Уже год назад на памятнике в Краснодаре высекли в добавление имя Стаховича. **ОН НЕ БЫЛ ПРЕДАТЕЛЕМ.** Фадеев его оклеветал, вольно или невольное. Он выставил его предателем перед всем миром. Это ещё одна из предположительных причин его самоубийства.

Так закачалась и готовится рухнуть ещё одна великая легенда сталинской эпохи. Вот она, красота легенд! Вот она, ложная романтика!

Башкирию постигло страшное бедствие: нет чая. Огромные очереди выстроились в магазинах, где хоть немного ещё сохранилось чая. Русские привыкли к чаю, это национальный напиток, но башкиры и татары без чая не могут жить-я помню в прошлом году в колхозе старуха-хозяйка болела без чая. В чём же дело? Рабочие Уфимской чаеразвесочной фабрики рассказывают, что все транспорты чая арестованы. Чай-то ведь у нас только грузинский.

В чае обнаружен мельчайший стеклянный порошок. Ведётся кропотливая проверка при помощи микроскопов. Акт гигантского вредительства, диверсия в национальном масштабе.

Слово СССР теперь расшифровывается так: Смерть Сталину Спасла Россию.

Весь мир полон словом Суэц. Би-Би-Си только и кричит: Suez Canal! Гамаль Абдель Насер, национализируя компанию Суэцкого канала, выступил сначала, в упоении успеха, очень гордо и воодушевлённо, но второе его выступление было значительно мягче. Англия, Франция и США выступают против национализации компании. Военные суда западных держав вошли в Средиземное море. Пахнет порохом. Теперь уже никто не делает секрета, что оружие Египет купил не у Чехословакии, а у СССР.

В США идёт предвыборная кампания.

В Москве, говорят, очень много сталинистов, бонапартистов типа Алика Глезера. Красивая, модная поза-фрондёрское отношение к правительству.

Светлана просит правительство выдать труп Сталина для погребения. Никакого Пантеона, конечно, не будет.

12 августа. Воскресенье. Сегодня я ездил на кладбище в старую Уфу. Хоронили старушку, «бабу Олю», которая 50 лет жила в семье Глезеров. Нет, вернее, сначала она была нянькой алькиной матери, потом нянькой Алика и Татьяны. Она фактически была членом семьи. Последние годы тяжёлая болезнь накрепко уложила её в постель: она могла только с чужой помощью поворачиваться с боку на бок и приподниматься, изредка садилась. Так прожила она три или четыре года. Последние дни была без сознания. Хоронили её без музыки. На могиле поставили крест: она была русская.

В последние дни я открыл через форточку Америку: оказывается, сталинистов у нас гораздо больше, чем я предполагал. С антипатией относятся к функционирующему правительству и молодые люди, и люди зрелого возраста. Примеров множество. Обычно это проявляется в нетрезвом виде: «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». В нормальном состоянии говорить боятся, так как не верят в демократизм и смягчение режима, ожидают новой вспышки террористических мер, рассматривают внутренние реформы в МВД, в юстиции и т.д. как временные меры.

Однажды ночью я встретил на улице пьяного рабочего, который рассуждал сам с собой и ожесточённо заявлял в пространство: «Мы за Сталина, за Родину ползком доползли до Берлина!» А в эту пятницу, в 11-ом часу вечера, на центральной улице Ленина, около ресторана «Башкирия» стояли четверо пьяных, тоже среднего возраста, и, загораживая тротуар, прислонясь кто к столбу, кто к деревянному забору стройки, пели довольно стройным хором давно забытую песню:

*«От края до края, по гордым вершинам,
Где горный орёл совершает полёт,
О Ста-а-алине-е мудром, родном и любимом,
Великую песню слагает народ».*

Если не ошибаюсь, эту песню написал Лебедев-Кумач. Я помню, как перед самой войной, еще в детском саду, мы разучивали и пели своими тонкими голосами эту знаменитую «Песню о Сталине». Сейчас она выглядит как манифестация.

Авторитет правительства невелик. Во-первых, не стало могущественного средства-страха смерти. Во-вторых, исчез гипноз, обаяние большой личности, какой он всё же несомненно был. В-третьих, нет уже той оглушляющей и лживой пропаганды. В-четвёртых, откровенное выявление и обсуждение недостатков всей нашей системы дало повод для агитации недовольных. В-пятых, авторитет правительства умаляет фатальный вопрос: «А ГДЕ ВЫ БЫЛИ?» В самом деле, пять лет назад члены сегодняшнего правительства молча служили покойному Цезарю и открывали рот только для дифирамбов. После XX съезда партии В-В-С целый день передавала без всяких комментариев два текста: речь Микояна на XIX съезде и речь Микояна на XX съезде. Контраст был поразительный. Хрущёв на XIX съезде тоже кое-что сказал такое, что не вяжется с его прогремевшим специальным докладом. Об этом с презрением говорит широкая публика, и ответ скептической усмешки освещает суждения от Ванд К.

Мыслящие люди уважают Ванд К за их активность, но авторы анекдотов высмеивают двух туристов. Необдуманные шутки Хрущёва не способствуют росту его популярности. Право же, когда он только что сменил Маленкова, он был гораздо популярнее.

Всем видно, что Хрущёв решает все дела, кто бы их не подписывал. Ворошилов стар, и народ в выпусках кинохроники, где показан Кремль и приёмы послов, смотрит с сожалением, как трясётся седая голова председателя президиума Верховного Совета и как он, надев очки, читает по бумажке речь. Молотов отстранён от руководства внешней политикой, Маленков ведаёт электростанциями, Каганович ушёл из Комитета по вопросам труда и заработной платы. Шепилов, бывший редактор «Правды», карьера которого не даёт спать иным честолюбивым журналистам, является не более как талантливым исполнителем. Бесшумный Зверев-заслуженный бухгалтер нашего большого колхоза. На втором плане теснятся прочие фигуры-министры внутреннего значения. Во всём кабинете более или менее независимым считают Анастаса Ивановича Микояна. Сам глава правительства-Николай Александрович Булганин, с его почтенной наружностью, благородной сединой, грустными глазами и приятной улыбкой усталого, но вежливо терпеливого человека, — не является большим авторитетом в политической, хозяйственной или иной области. Его считают всего лишь ширмой Хрущёва, его спутником, его оруженосцем. В Женеву сначала не хотели ехать совещаться с одним Булганиным, но мы послали внушительное *quartetto* Бул[ганина], Хр[ущёва], Жукова и Молотова. О неразлучности Б и К недавно еще острили так: «На приёме присутствовал Идэн¹ с супругой, Пино² с любовницей и Хрущёв с Булганиным». В «Paris

¹Энтони Иден, премьер-министр Великобритании в 1955–1957 гг.

²Антуан Пино, министр иностранных дел Франции в 1955–1956 гг.

match» писали, что во время визита В и К в Англию на улицах появились издевательские надписи: «Welcome Grace and Rainier»³. Булганин-не герой.

Но на всё правительство с избытком хватает кипучей энергии Хрущёва. Никогда нельзя с уверенностью сказать, где он находится. Он переносится из одного конца страны в другой. Правда, он произносит речи, которые кое-кто находит «демагогическими». Многие москвичи недолюбливают Хрущёва. Говорят, что он заискивает перед рабочими. Резонно говорят, что хорошие постановления плохо выполняются, и под восторженный рёв прессы Хрущёв не замечает слабых мест и неудачных результатов. Трудно поверить, что Хрущёв не замечает. Он-то заметит. Его инициатива чувствуется во многом. Частенько его предложения осуществляются плохо и вызывают недовольство массы; магазин без продавцов и столовые без официанток никому что-то особенно не нравятся, но ведь никто не застрахован от ошибок.

Сильно повредило престижу Хрущёва «письмо ЦК»-специальный доклад на XX съезде, документ потрясающий, но содержащий личные выпады и чересчур живописные, неисторические, несолидные подробности. Главная ошибка Хрущёва в том, что он возлагает на Сталина вину за все ошибки и преступления, совершённые под его властью. Один человек, как бы он ни был велик, не в силах так круто изменить судьбу великой страны. Хрущёв сам впадает в тот культ личности, который он так порицает. В этой связи нельзя не вспомнить «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и вещи слова Маркса о памфлете Виктора Гюго «Наполеон маленький». Да, прав, пожалуй, Тольятти, что доклад Хрущёва немарксистский. Но мы уже поправились: недавнее постановление ЦК анализирует исторические условия, породившие культ личности. Тем самым мы признаём, что культ личности, сталинизм-явление не случайное. Так оно и есть. Всё же ЦК в целом мыслит правильнее, чем один человек, даже если это Хрущёв.

Сталин был не один. Его ошибки, сама их возможность порождены системой. А система меняется пока что очень слабо. Люди, которые возвеличивали Сталина, соучаствовали в терроре 1937-го года, остались попрежнему у власти. Преобладающее настроение массы-недоверие и сомнение. Преобладающее настроение властей-лихорадочная жажда деятельности, перестройки и обновления.

Мир занят попрежнему Суэцким каналом. В США закончилась победой рабочих забастовка 650.000 сталелитейщиков.

Осенью в СССР приедет Ив Монтан.

Почему-то у нас ничего не писали больше о пребывании в Союзе Давида Бурлюка, а он приехал на 2 месяца в конце апреля, если не ошибаюсь. Видимо, наши поспорились с Додиком.

³ «Добро пожаловать, Грейс и Рень» (англ.). Речь идет о Грейс Келли и ее супруге Рейне III, князе Монако.

Я услышал и узнал новые имена в советской поэзии: Леонид Мартынов, Григорий Поженян и Борис Слуцкий. Надо бы их достать и прочесть. О Слуцком была большая статья Эренбурга в «Литературной газете», где Эренбург цитировал прекрасные отрывки.

В «Комсомольской правде» от 11 августа статья о стиле, о стилягах. Руководство бьёт отбой. Великая кампания против стиляг кончилась.

Нет, но какой озлобленный народ в Москве! Оттуда приезжают молодые ребята и говорят такие вещи, что наше спокойное уфимское мировоззрение летит кувырком. «Вы тут в пыли живёте, работаете, как скоты, и ни хера не соображаете!» У них такое настроение, что хоть сейчас готовы повесить автомат на шею и идти на баррикады. Готовы глотки рвать. «Кому?» - «В первую очередь демагогам». «Нечего перестраивать, надо ломать». И сыплются злые острооты, анекдоты. Вот образцы.

«Одна из довоенные пятилеток. Кружок партучёбы. Лектор читает планы, перечисляет цифры, сколько заводов будет построено и т.д.

– У кого есть вопросы?

Один еврей поднимает руку:

– А масло у нас будет?

– Об этом данные не опубликованы.

Следующая пятилетка. Тот же партийный кружок и тот же лектор рассказывает о планах и цифрах.

– Прошу задавать вопросы?

Встает здоровенный русский мужик и спрашивает:

– А где тот товарищ, который маслом интересовался?»

Другой анекдот.

«1937 год, трое в тюремной камере.

– Тебе сколько?

– Десять.

– За что?

– За то, что Радека ругал. А тебе сколько?

– Десять.

– За что?

– За то, что Радека хвалил.

Спрашивают третьего:

– Вам сколько?

– Десять.

– А за что?

– Я Радек».

«Один старый большевик сидит и заполняет анкету.

– Чем Вы занимались до 1917 года? -Сидел и дождался.

– Чем Вы занимались после 1917 года?–Дождался и сел.
– Были ли отклонения от генеральной линии партии? -Нет (Колебался вместе с линией)».

– «Как вы живёте?

– Живём, как в Африке: ходим голые, имеем вождя».

Новый вариант старой русской сказки:

«Посадил дед репку. Посадили деда за репку, бабуку за деда, внучку за бабуку, Жучку за внучку, кошку за Жучку, мышку за кошку. Мышку уже реабилитировали».

«Булганин взял костюм своего истопника (или уборщика) и пошёл incognito в Москву. Идёт рабочий с работы. Булганин к нему.

– Здравствуй, товарищ.

– Здорово.

– Пойдём, выпьем.

– Что ж, пойдём.

Зашли, опрокинули по 100 грамм. Булганин спрашивает:

– Как живёшь?

Тот посмотрел, оценил костюм и повадку, стал серьёзным:

– Живу хорошо, зарабатываю 3.000 в месяц, квартира замечательная-из пяти комнат, все дети учатся только на пятёрки, жена не нарадуется, тёща тихая, как ангел... (и т.д.)... да здоровует советская власть. Выпьем ещё?

Выпили ещё, подружались. Рабочий спрашивает:

– А ты кто такой будешь?

– Да я простой гражданин, погулять вышел.

Рабочий плюнул:

– Тьфу, пропасть! А я-то думал, что ты американский корреспондент».

Раздражённые говорят: «Эта слабина временная, скоро опять начнут хватать. Но мы теперь многое поняли».

17 августа. Пятница. Я купил в киоске за 3 рубля седьмой номер журнала «Польша» за этот год. Журнал выходит кроме польского на русском, немецком, французском, английском и испанском языках. Замечательно интересный журнал. В этом номере напечатана статья Марека Гласко «Пока жив человек».

«Семьдесят пять лет тому назад, 9 февраля 1881 года, сто тысяч жителей Санкт-Петербурга провожало к месту вечного покоя гроб с телом человека, жизнь которого была непрерывной цепью страданий и унижений, нужды и мучений, одиночества и несчастий. Этим человеком был Фёдор Михайлович Достоевский. История не сохранила для потомков ничего, кроме даты; неизвестно, шёл ли в этот день дождь, было ли пасмурно, морозно и ясно, или уныло и туманно; кроме даты похорон Достоевского, история отметила только жестоко ироничный факт, что терпевшего всю жизнь нужду и произвол

человека провозжало полгорода, в том числе цвет русской аристократии. Если бы существовала вечная жизнь, Достоевский-эта наиболее трагическая личность русской литературы, не нашёл бы, однако, мира в стране, которую он сам назвал тёмной комнатой с закрытыми дверями и окнами, полной пауков. Наверно, ни одного писателя не понимали так разно, так несправедливо и фальшиво; ни один писатель не был окружён такими разнообразными мифами, ни о ком из писателей другие писатели не писали так разнородно.

Трудно найти правду о Достоевском и трудно понять правду, которую он сам хотел указать людям.

Всё творчество Достоевского это, собственно говоря, монолог, расписанный по партиям, монолог, трактующий о правде. У Достоевского, начиная с главных героев и кончая эпизодическими фигурами, все ищут правду; люди, которые никогда не жили и не будут жить, лихорадочно мечтают в поисках какой-то правды, какой-то идеи, которая объяснила бы им загадку жизни и оправдала бы их земное существование. Ни у одного писателя, которого я знаю, эта жажда правды не выявляется с такой бешеной страстью. Достоевского нельзя сравнить ни с Шекспиром, ни с Бальзаком, ни с Конрадом. Достоевский-это особая великая литература и одновременно её опровержение, ибо нет другого такого писателя, стиль которого был бы таким серым, таким невыразительным, таким безнадежно газетным. Достоевский не умеет изобразить внешнего мира. Иногда он пытается показать какой-нибудь пейзаж, иногда стремится в описании ночи показать луну, переулок или лестницу, но сейчас же, разрушая всю внешнюю оболочку, вторгается в каждую мысль и поступок человека. Перед Достоевским человек стоит без всяких оболочек, отделённый от своих стремлений и порывов, производит впечатление умершего, и Достоевский, как врач, приступающий к вскрытию, наклоняется над человеком со своим беспощадным пером. Он однообразен, ужасно однообразен; все люди Достоевского похожи один на другого, они одинаково ведут себя, одинаково одержимы, у них одни и те же жесты и способ разговора, даже тогда, когда Достоевский уверяет нас, что они разные; даже тогда, когда он показывает нам старика и ребенка, аристократку и проститутку, добродетельного и негодяя. Достоевский-это монолог одного человека, всё время того же самого, при разных обстоятельствах. Человек Достоевского-мономан; мономан-Кирилов, одержимый идеей самоубийства, мономан-Алёша Карамазов, мономаны Раскольников и Настасья Филипповна; человек Достоевского-это человек, вопиющий из самого ада об искре правды. Он ищет её в преступлениях, собственных страданиях, в кутежах, любви к мукам; в самоуничтожении ищет её сумасшедший и прекрасный Николай Ставрогин, с дикой любовью стремится к ней Карамазов, ощупью, с библейской добротой жаждет достичь её идиот, в мерзком преступлении-взбунтовавшийся Раскольников. Служащие, купцы, лакеи и взяточники, преступники и обезумевшие от любви женщины непрерывно тянутся к правде. И здесь кончается гений Достоевского; склонившийся над микроскопом жизни Достоевский даёт своим героям правду, которой нельзя прельстить даже ребёнка. Он сам, чувствующий, как никто, обиду и человеческое унижение, оказывается

ребёнком, когда хочет вырвать человека из ада, в котором тот живёт. Он предлагает человеку философию, которую можно принять только в бреду и пользоваться ею только в горячке, в жизни она является только пугалом для воробьёв. Так же как и Толстой, Достоевский видел ночь своего народа, быть может, видел, как никто до него, но указать путеводную звезду он не сумел.

Как каждый человек, не выдержавший в борьбе за какую-нибудь идею и изменивший ей, Достоевский ненавидел революцию. Отравленный страданиями и неудачами, не забывая до конца жизни дула винтовок карательного отряда, Достоевский перестал понимать стремления своего народа. «Бесы»-этот самый чудовищный и, пожалуй, самый прекрасный роман в мире, это только карикатура, и то карикатура, сделанная художником, который ненавидит свою модель и преднамеренно искажает пропорции. Достоевский не понимал революции, представлял её так, как представляют её старые тётки из провинции своим добродетельным племянницам, уверяя их, что большевик-это то же самое, что поджигатель и насильник, анархист и убийца, поджигатель костёлов и глашатай свободной любви. Достоевский проиграл свои шансы написать гениальную повесть о революционном движении. Достоевский перестаёт быть выразителем страданий своего народа-он только мелкий торговец, боящийся за свой ларёк и стремящийся скрыть свой страх фразами, которым он сам не верит. Его «шигалёвщина», его видение будущего мира похожи на бормотание Оруэлла-убийства, пожары, уничтожение человеческой индивидуальности, кандалы, ложь и свист бича.-«В цигалёвщине не будет стремлений, — восклицает Верховенский.-Стремления и муки-для нас; для рабов-шигалёвщина». И снова Достоевский перестаёт быть гением: это шестилетний слабый мальчик, который, не имея сил для борьбы с ровесниками, забавляется вырыванием крыльев у мух в полной уверенности, что это даёт одинаковое удовлетворение. Просто удивительно, что этот гений, такой чувствительный к человеческим страданиям, оказывается ребёнком тогда, когда речь идёт о самом святом деле мира.

Я не знаю, захватывает ли Достоевский современных читателей так же сильно, как тридцать или сорок лет назад. Времена изменились: человечество с того времени прошло через десять войн, концентрационные лагеря, нацификации и самый ужасный террор; человечество уже пережило своё, по сравнению с чем Достоевский со своим мраком является только смешным подростком. Современный человек иначе будет читать Достоевского, чем читал его тридцать и даже двадцать лет тому назад. Он закалён перед ужасами-в мире ежедневно гибнут люди, ежедневно мир является свидетелем новых преступлений, новых насилий и несправедливости. Человечество, терроризированное бомбой Н, человечество отчаянно борющееся против «А-дау», утратило уже пропорции страданий, и я не знаю, могут ли сумасшествие Ставрогина, любовные муки Карамазова, страдания Мышкина потрясти кого-нибудь в такой степени, чтобы приставить к виску револьвер. Двадцатый век-это эпоха иных страстей, Достоевский предстаёт перед нами, лишённый всех своих ужасов. Но я думаю, что он бессмертен, как Данте, Шекспир или Леонардо

да Винчи. Время, лишившее Достоевского ужаса, выявило его другие качества, которые могут глубоко затронуть людей, понимающих двадцатый век. Ценность Достоевского заключается не в его философии, но в силе влечений его героев, в их стремлении к правде, счастью и любви. Достоевский-это документ позора, в котором жил самый сильный сегодня народ мира. Никто не показал так, как он, позора своего народа; никто, как он, с таким неистовством и страстью не передал страданий своего народа, жившего в то время в тени виселиц, в страхе перед кнутом. И поэтому Достоевский невольно стал предостережением перед дном, на которое может скатиться человек. Предостережением, следовательно, вновь невольно-призывом к освобождению человека от кошмара. И в этом, по моему мнению, скрыто величие человека, которого три четверти века непрерывно обвиняли в болезни и разложении.

Во имя настоящего нельзя забывать о заре вчерашнего дня. В польской литературе десятилетия, в частности, мало ценного и потому, что в ней слабо отображены правдивые страдания, боль и поражения, пережитые человеком. Описания людских страданий так же дешёвы, как костюмы танцовщиц в варьете. И никогда уже наш читатель, взяв спустя двадцать лет в руки одну из этих книг, не узнает, что чувствовал одинокий человек, что он переживал во время стройки металлургического комбината имени Ленина, и как выражалась подлинная человеческая любовь или ненависть во время строительства социализма. Отображение борьбы человека с тёмными сторонами жизни в нашей литературе стоит на уровне воскресной школы. Достоевский-это ночь, о которой необходимо помнить; необходимо помнить, чтобы обрести правильные пропорции времени; необходимо помнить о ней тогда, когда в сердце вкрадываются страх и сомнения. Он бессмертен потому, что больше всех сказал об извечных человеческих проблемах. Он блуждал, так как жил в самую кошмарную ночь и не сумел найти света; блуждал, так как жил в ночи, на каждом шагу встречаясь с несчастьем и страданием, которые подавили его и сбили с пути к свету. Достоевский-это крик над тёмной рекой, но, пока на свете живёт человек, жаждущий любви, справедливости и чести, Достоевского будут читать, хотя бы для того, чтобы никогда не заснула мёртвым сном человеческая совесть».

18 августа. Суббота. Я списал всю статью целиком, настолько она мне показалась оригинальной и примечательной.

В Берлине 14 августа в 23 часа 45 минут скоростно скончался видный писатель Бертольд Брехт, создатель и руководитель знаменитого театрального коллектива, известного под названием эпического театра Бертольда Брехта.

20 августа. Понедельник. Сейчас в Уфе на каникулах Валерий Сиваков, студент института внешней торговли. Я был у него в воскресенье. Он привёз с собой интересную штуку-американский журнал 1948 года. Название журнала я не понял, там напечатано «Mc Call's»—но это просто фамилия в родительном падеже. Журнал цветной, великолепно иллюстрированный и на три четверти посвящён рекламе. Сильный налёт порнографии. Бесчисленные фотографии и рисунки (кстати, исполненные в невысокой, но совершенно реалистичной

манере) изображают главным образом женщин и девушек или любовные и семейные сценки. Девушек можно классифицировать по одетости на 5 категорий: 1) шикарно одетые, 2) просто одетые, 3) небрежно одетые, 4) полуодетые, 5) почти не одетые. Две или три повести и рассказа на сексуальные темы. Одна повесть называется «Extra woman (Женщина-экстра)», другая – «Look at it my way». Сенсационный фотоочерк про малолетнюю убийцу – «End of boy's life». Всё остальное реклама, и какая реклама! Холодильники фирмы «Дженерал моторс», стиральная машина (Washer) фирмы Вестингауз, французская горчица, томатный соус для коктейлей, чулки, бюстгалтеры, алансонские кружева, пудра, духи, одеколон, одежда, на специальной мясной странице – мясо Армура и Свифта, еда, еда, еда, кремы, притирания. Парфюмерный набор «Вечер в Париже», «Evening in Paris»: «perfume, eau de cologne, powder».

Вот яркая, красочная страница: девушка закуривает, в углу крупный рисунок початой пачки сигарет с надписью «Lucky Strike». Реклама сигарет «Лики страйк», т.е. «Счастливая находка». У американцев strike означает не только забастовку, но также находку, открытие (золота, нефти и т.д.), а в переносном смысле – внезапную карьеру финансиста.

Или вот двое на фото: мужчина и женщина. Вот-вот поцелуются. Крупная надпись: «I'm a Lux Girl». Это игра слов: «Я шикарная девушка (девушка-люкс)», но можно понять, что она горячая сторонница «Люкса», т.е. мыла «Лукс», которое она рекламирует.

Весёлая физиономия девушки в белом бальном платье, с ослабленными зубами. Она тоже что-то рекламирует, кажется, притирание для кожи, её открытые плечи недурны. Но это не просто актриса, это Miss Nancy du Pont, daughter of Wilmington's first family. Это мисс Нэнси Дюпон, девица из семьи миллиардеров. Вильмингтон называют столицей их герцогства, если не ошибаюсь, в штате Делавар.

На одной из последних страниц журнала была помещена фотография в рост девушки в одних только трусах и лифчике. Обеими руками она поднимает свои мягкие шелковистые волосы и стоит в изящной позе, выставив гладкую соблазнительную ножку. Надпись примерно такая: «Keep legs hair-free. . .» («Сохраняйте ноги свободными без волос. . .»), в середине название «Imra», большими буквами, а дальше: odorless HAIR REMOVER CREAM («непахнущий крем для сведения волос»). Действительно, ножки гладенькие и подмышкой детски чистая кожа. Остаётся раздеть её догола, чтобы показать – венерин холм тоже «hair-free».

На цветной фотографии улыбающаяся девушка, загорелая и здоровая, с энергично нарисованными бровями и в полосатом купальнике, держит в руке большой стакан чаю с лимоном. Это «swimming ace» (эйс-то же что немецкое «ас», туз, мастер), «co-star», т.е. кинозвезда из цветного фильма фирмы Метро-Голдвин-Мейер «On the island with you» («На острове с тобой»). Она рекламирует Lipton tea, чай Липтона, причём «iced», т.е. замороженный. *De gustibus non disputandum*, но замороженный чай с лимоном – это уж слишком по-американски.

Вообще ничего особенного там не было, но всё же кусочек незнакомой жизни. Почаще бы попадались в руки иностранные журналы. Ведь нужно знать их жизнь.

Меня очень интересует жизнь. Жизнь России, жизнь всего Союза, жизнь Европы, Америки, Азии. Я хочу много видеть, много ездить. Но пока что я хочу хоть немного читать. Последнее время мне везло: Paris Match, Junge Welt, БОРБА, ПОЛИТИКА, теперь этот американский журнал.

Нужно читать иностранные газеты и журналы. Если этому препятствуют, то это очень плохо и несправедливо.

В газете «Ленинец» я больше не работаю. Скоро сентябрь, опять в колхоз, на работу. Надоело, признаться. Хватит, в конце концов, мытарить студентов. Нашли дешёвую рабочую силу. Это не выход из положения, это штурмовщина, это тришкин кафтан. Колхозники не заинтересованы в своём труде, не работают. Но главное зло, это всюду говорят-недобросовестные председатели колхозов.

Мартовский номер «Огонька» за этот год (№ 12) привёл выдержки из интереснейшей американской статьи. В январском номере лондонского еженедельника «Picture post» за 1956 год появилась статья американца Уильяма Ричардсона «Ваша жизнь продаётся».

Уильям Ричардсон во время войны редактировал американский армейский журнал «Янк», был военным корреспондентом при штабе главнокомандующего союзными войсками в Европе генерала Эйзенхауэра. Поводом для статьи «Ваша жизнь продаётся» послужила идущая на английских экранах новая американская кинокартина «Держите вора!» Одна из героинь фильма, богатая американка, говорит молодому человеку: «Вы слишком симпатичны, чтобы я могла вам верить. Я обязательно прикажу, чтобы вас расследовали». Ричардсон вспоминает, что в Нью-Йорке зрители встретили эту реплику с экрана нервным и немного смущённым смехом: они знали, что это не выдумка сценариста. Ричардсон поясняет: «Установлено как абсолютный и никем не скрываемый факт, что каждый второй американец так или иначе становится объектом «расследования» при помощи сыска: прямо, косвенно, иногда добровольно, а больше-поневоле, иногда с его ведома, а часто-и без ведома. . . Ни один американец не может быть избавлен от того, чтобы в его жизнь не вторглась слежка, будь этот американец служащим крупнейшего треста или мелким бакалейщиком, знаменитым киноактером или поваром».

В своё время журнал «Форчун» назвал цифру в 20 миллионов человек, подвергшихся официально «проверке лояльности». Ричардсон утверждает, что если принять во внимание работу частного сыска, то налицо секретные досье, составленные не меньше чем на 60 миллионов американцев. Армия детективов одного только частного сыска превышает 150.000 человек.

Молодой врач из западного штата приехал в Нью-Йорк и там влюбился в девушку. Отец отказался выдать за него свою дочь. «У вас плохое прошлое, — заявил он жениху. — Вас исключили из университета за игру на скачках. Примерно тогда же вы не уплатили за костюм, купленный вами в магазине готового платья. Вас привлекали как виновника автомобильной катастрофы в Де-Мойне в 1953 году. На следующий год вашу мебель описали

за просрочку очередного взноса». На вопрос ошеломлённого молодого человека, откуда взялся этот список полузабытых фактов, отец невесты самодовольно ответил: «Это стоило всего пять долларов». Сведения дало одно из 1.500 сыскных агентств, разбросанных по всей территории США. Ричардсон пишет:

«Крупный правительственный чиновник сказал мне, что годовой расход на всякого рода «расследования» составляет круглую сумму в два с половиной миллиарда долларов. На эти деньги можно было бы сделать процветающей экономику любого отсталого района мира».

По словам Ричардсона, самый распространённый способ политической и бытовой слежки в США—подслушивание частных телефонных разговоров. Этот метод узаконен в некоторых штатах. «Один нью-йоркский судья недавно заявил мне, что в этой практике нет ничего противоречащего закону: не можете же вы помешать людям собирать нужную им информацию!» Автор статьи «Ваша жизнь продаётся» приводит обширный перечень тех, кто подслушивает: «чиновники учреждений, служащие контор, банков, детективы бракоразводных бюро, администраторы отелей, игорных домов». Многие крупнейшие банки и корпорации официально признают, что специально выделенные служащие подслушивают десятки и сотни телефонных разговоров. Цель—неусыпно следить за «производительностью труда», за «лояльностью» и «моральным состоянием» рабочих и служащих. Одна из крупнейших транспортных авиакомпаний установила аппарат для прослушивания разговоров своих сотрудников. . . в мужской уборной своей главной конторы.

Ричардсон приводит и такой случай: было применено подслушивание к «одной из выдающихся женщин Америки», как он называет миссис Клэр Люс, нынешнего посла США в Риме. Её квартира и личная жизнь «освещались» в течение двух месяцев, прежде чем она получила назначение на этот высокий пост.

Ричардсон замечает не без горечи, что по иронии судьбы мания всеобщего сыска и доносительства фантастически разрослась после того, как американцам был подан пример в виде многочисленных «расследований», которыми занимались специальные комиссии конгресса и Верховный суд. «Нет, не сказочного волка, стерегущего у двери, боится американец, а «расследователя». Вот почему он так нервно смеялся, услышав реплику в картине «Держите вора!»

«Гитлер и Гиммлер перевернулись бы от зависти в могилах, если бы увидели, какой прогресс проделал автоматический сыск после войны». На помощь детективу приходит телевидение. Частные разговоры американцев могут быть не только услышаны, но и увидены дежурным детективом на расстоянии 2 или 3 миль. Для этого служат тайные передатчики и приёмники, размером часто не превышающие сигарную или даже спичечную коробку. Их можно поместить за картиной, висящей на стене салона, либо за зеркалом, вделав в потолок или стены помещения, даже спрятать в вашем диване. Эти миниатюрные аппараты выпускаются на рынок по цене от 300–400 до нескольких тысяч долларов. Более ста таких аппаратов уже установлено в Нью-Йорке. Одна из нью-йоркских «звёзд», Анна Корно,

узнав, что её частную жизнь много месяцев изучали с помощью телевизионных аппаратов, воскликнула: «Теперь у меня такое чувство, словно я ежедневно купалась в прозрачной стеклянной ванне». Широко используют «новую технику» и боссы обеих политических партий для собирания скандальных данных о своих политических противниках.

«Целые горы фактов, подобных приведённым, собраны юристами и специалистами» (Ричардсон). Американский профессор, специально изучавший методы слежки, признался Ричардсону: «Если говорить чистую правду, у нас в Америке аппарат «расследований», имеющий своим объектом частную жизнь американцев, -самый всепроникающий и разветвлённый во всём мире». Профессор пытался оправдать это явление причинами, обусловленными особенностями истории США: широким развитием банковского и иного кредита, что вызвало необходимость выяснять «всеми доступными путями» кредитоспособность клиента или покупателя; распространением гангстерства, для борьбы с к[оторым] потребовалась «широкая сыскная сеть»; и наконец, полагает профессор, война тоже принесла с собой «некоторые потребности в расследованиях в интересах безопасности». Впрочем, свой исторический экскурс профессор заключил неожиданно грустным аккордом: «Вы сами видите, однако, что получается, когда лихорадка расследований овладевает такими людьми, как Маккарти!»

Менее учёную, но более жизненную картину нарисовал Ричардсону один старомодный частный детектив, ныне возглавляющий крупное сыскное бюро в Нью-Йорке: «Скажу по совести, несколько десятков лет тому назад попытка использовать против кого-нибудь частные слухи или сплетню грозила нашему брату большими неприятностями. Теперь люди как-то переменялись. Им привита эта привычка перемывать косточки ближнему. Ну, а если они отказываются выложить то, что нам нужно, достаточно шепнуть слово «коммунист» о человеке, которого вы «расследуете», — и сразу языки развязываются».

Ричардсон подтверждает, что предметом общенациональной слежки всё более становятся в наши дни не финансовое положение и кредитоспособность американца, а его «моральный облик» и его «политические связи». В конце статьи Ричардсон характеризует описанную им систему вторжения сыска в жизнь американцев: «Это-то, что один выдающийся американский юрист назвал моральным, политическим и психологическим Дюнкерком для демократии».

Слухи: 1) Олег Кошевой в Канаде и просит разрешения вернуться в Союз. 2) Олег Кошевой якобы задержан при переходе границы. Слухи явно провокационные. Но что же в их основе? Очевидно, они хотели вызвать «boom» и забросить в Россию самозванца.

[Вложена вырезанная из газеты Правда от 13 авг. 1956 г. статья «Хозяин денег» автор В Чичков]

Из дневника 1957 года

Р. Г. Назиров

4 января. Пятница.

Итак, кончился великий пятьдесят шестой год, год перелома. Это был самый насыщенный год в моей жизни, как и в жизни моей страны. По-моему, в 1956 году кончилась эпоха второй мировой войны со всеми сопутствовавшими ей явлениями и последствиями. Эта эпоха началась сразу после Великого кризиса 1929–1932 годов, вернее, выросла из этого кризиса. Общий кризис капитализма, начавшийся в 1929 году, повлёк за собой обострение всех противоречий, милитаризацию всех режимов, волну террора и войн. В 1931 г. японцы захватили Манчжурию, в 1933 г. Гитлер стал рейхсканцлером, в 1934 г. был убит Киров и началась эпоха единоличного правления Сталина. Затем война, распад Германии, речь в Фултоне — 1946 год, холодная война, Корея, смерть Сталина в 1953 году, отставка Черчилля, полоса мирных урегулирований и растущее чувство уверенности. На этом фоне произошёл XX съезд партии, ставший уже историческим. Двадцатый съезд — самая блестящая страница в истории партии после Ленина.

Но мирное солнце снова скрылось за тучами. Надежды начали быстро увядать. Страшное нервное возбуждение охватило молодёжь, народам показалось, что настала решающая минута — действовать, кричать, требовать! Мятежи и демонстрации в Польше, восстание в Будапеште, восстание в Грузии, восстания в Польше, восстание в прибалтийских республиках Союза, недовольство московских рабочих, студенческие беспорядки. . . В такой сложной международной обстановке, в условиях пресловутого coexistence, самые справедливые требования и действия наших народов принимают над нашими территориями. Один из них пролетел над Киевом, Москвой и Ленинградом (об этом не сообщалось в печати). В таких условиях беспокойные и резкие действия Хрущёва субъективно оправданы, и всё же меня приводит в отчаяние, что, реагируя на беспорядки, правительство начало пачками исключать студентов из вузов, что книгу Дудинцева шельмуют на всех перекрёстках, что импрессионизм объявлен все закона, что от многих решений XX съезда уже отказались, что началась с н о в а линия на сокращение критики, что снова подвизается на заваленном навозом литературном поприще смрадный Фёдор Панфёров. . . Всего не перечить.

После нового года два события, одно возле другого.

Вчера мама получила официальный документ о посмертной реабилитации Гаффана Шамгуновича Назирова. Приговор от 10 июля 1938 года ввиду открытия новых обстоятельств пересмотрен и дело Назирова прекращено за отсутствием состава преступления. Хорошо.

Сегодня я отозвал в сторонку в коридоре приятеля — студента Стаську Суцевского, и мы рассказали друг другу: я - свою новость, а он свою. Студентку из группы Нину Осинцеву

исключили из института. Якобы за пропуски. Вздор! Никогда за пропуски не выгоняли с IV курса. Нина Осинцева — культурная, умная девушка. Она часто пропускала занятия, но всегда успешно сдавала экзамены. Говорили, что она стилига, часто ходит на танцы, я видел её с какими-то офицерами. Кому какое дело! Дело не в этом. Она подписалась в числе прочих 70 студентов под письмом Ворошилову. Письмо это было совершенно легального и лояльного характера, речь шла о стипендии, о плохом качестве лекций и т.д. Но сам факт вызвал панику в Уфе. Комиссия обкома обследовала пединститут, студентов-партийцев из числа подписавших адрес вызывали на бюро райкома, требуя назвать «зачинщиков». Нашёлся негодяй, который назвал Осинцеву сочли зачинщицей. Её сделали искупительной жертвой за все грехи. В институте творятся безобразия, директор — Чанбаров — одновременно деспот и ничтожество. ЦК КПСС рассылает внутренние циркуляры о воспитательной работе среди молодёжи, о нездоровых настроениях студенчества — и в результате исключают из института Нину Осинцеву.

Нет, я против этих мер.

Впрочем, я считаю, что действия такого рода носят временный характер. Наша внутренняя политика, словно тень, повторяет все движения и колебания международной политики. Нинку Осинцеву исключили из-за Египта и Венгрии. Студенческие беспорядки стоят в прямой связи с венгерскими событиями.

Дан приказ — перестать ругать культ личности. Этим пользуется западная пропаганда. Поворот, сделанный Хрущёвым, оказался непосильно крут. Руль повернули обратно наполовину. Теперь будут разворачивать постепенно. Таково моё личное мнение.

В самом деле: Хрущёв продолжает строить электростанции, стремится укрепить сельское хозяйство и дать народу хлеб с маслом; в конце 1956 года все силы брошены на жилищное строительство, даже в ущерб промышленному строительству. Пересматривается оплата труда. Тарифная система 1936 года безнадежно устарела, её скоро отменят. С этого года повышена зарплата низкооплачиваемым категориям рабочих и служащих. Быть может, и в самом деле возбуждение интеллигенции мешает борьбе за элементарную справедливость? Или наоборот — подстёгивает эту борьбу? Хрущёв придерживается первого мнения. Он дал приказ ПРЕКРАТИТЬ БОЛТОВНЮ.

Сейчас по всей Европе со сказочной быстротой переводят роман Дудинцева «Не хлебом единым».

5 января. Суббота.

Первые слухи о новом закрытом письме ЦК. Оказывается, дело посерьёзнее, чем просто болтовня интеллигенции. В письме резко осуждается Союз Советских Писателей. Писатели потребовали у нашего начальства полной свободы печати. Они просили разрешения организовать собственное издательство н а с о б с т в е н н ы е с р е д с т в а. Они выступают против негласной государственной цензуры. Паустовский написал роман, в котором со страшной силой громил Сталина и сталинизм. Книгу не пустили. Костя Симонов написал роман «Моё поколение», в котором, по словам письма, оклеветал своё поколение, строителей Магнито-

горска и Комсомольска, изобразил их ворами и уголовниками, спасавшимися от тюрьмы. В письме говорится далее, что, исправляя ошибки прежних лет, правительство освободило и реабилитировало массу политических заключённых, а они, неблагодарные, озлобленные люди, не ценят этого. Они стали вести открытую антисоветскую деятельность. В письме говорится, что МВД и КГБ свернули свою работу, что с этим пора покончить, что отныне будем жестоко карать все преступления, начиная от мелкой кражи и кончая антисоветской деятельностью.

Люди, которые слушали это письмо или слышали о нём, в панике заговорили, что нужно ожидать повторения тридцать седьмого года.

Ещё летом или даже весной 1956 года друзья одного моего товарища говорили: «Эта слабина временная. С к о р о п я т ь в с ё н а ч н ё т с я». Как в воду глядели.

Вместе с Нинкой Осинцевой хотели исключить ещё 5 человек, но не нашли, к чему придраться.

Алик Касимов рассказывает, как к ним в полк привезли пополнение из Грузии. Их полк стоял на Украине. На теплушках, в которых приехали новобранцы, написано мелом: «Мы едем в советскую власть». Все поразились. «Что за ерунду вы написали? Откуда вы едете, разве у вас там не советская власть?» — «Нет. У нас там республика Сталина». По дороге эти грузины пытались дезертировать, разбежались, их ловили, за ними прыгали по крышам вагонов. Их везли офицеры, вооружённые до зубов. Каждый новобранец привёз с собой денег тысячи по две. Когда им впервые в солдатской столовой подали русскую еду, они возмутились. Они объявили голодовку. Их стали расспрашивать: в чём дело, почему? «Мы привыкли курочку кушать, — отвечали грузины, — мы живём садами. Такую пищу мы есть не будем». — «Ах, курочку? Ну, пусть посидят». Голодовка длилась два дня. На третий день грузины пришли в столовую и как ещё рубанули эту картошку и эту кашу! — на первый медосмотр они записались сразу все. Короче, в Грузии настроения всё те же.

Болезнь не лечат, а загоняют внутрь. Это ещё опаснее. Распространяется мнение, что в недалёком будущем союзные республики типа Грузии, Латвии, Эстонии начнут отделяться от Союза. Даже на Украину мало надеются. Престиж Кремля сейчас сильно понизился.

Знаменитые студенческие к о м и т е т ы, образовавшиеся в МГУ из представителей нашего студенчества и демократов, послали петиции в ЦК, требовали свободного посещения лекций, свободы слова и так далее. В этих петициях, опираясь на высказывания Ленина, студенты поднимали вопрос о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. В самом деле, очень резонный вопрос: Кто в Грузии поддерживает советскую власть? Точный ответ: части Советской Армии. Нехорошо ка будто, а что делать? Дать грузинам свободу? А как быть тогда с бакинской нефтью? Невозможно. Россия — великая держава, и она ведёт великодержавную политику. Россия не может обойтись без Закавказья. Англичане один раз уже были в Баку. Чорт с ней, с Грузией, но тут может вмешаться Америка. Если уйти из Венгрии, она станет аванпостом Америки.

А грузины, пожалуй, предпочли бы американский образ жизни.

Китай вышел на 4-ое место в мире по улову рыбы, оставив позади Англию и Норвегию. Первое место в мире — Япония, второе — США, третье — СССР.

Венгерские сколько-то тысяч, отправлены в Германскую Демократическую республику. Они проведут там три месяца. К ним прикреплены венгерские и немецкие учителя, чтобы помочь им скорее овладеть немецким языком. В Венгрии, по всей видимости, тяжёлая зима. Заводы полностью не работают. Нехватает электроэнергии, каменного угля, сырья. Добыча угля в новый год составила 1/3 необходимого количества.

Цифры. К началу января 1957 г. (31 дек. 1956 г.) Венгерская социалистическая рабочая партия насчитывала 103.000 членов.

В период подавления восстания эмигрировало свыше 100.000 венгров.

Польский журнал «Film» от 23 сентября 1956 года. Мелкие хохмочки. Заметка под названием «Kiepski zart tez coś wart» («Дурная шутка тоже чего-то стоит»). «Диана Дорс вместе со своим мужем, бывшим боксёром Дени Гамильтоном, устроили большой приём по случаю их новоселья в новом особнячке в Беверли Хиллс.

Когда все гости, вместе с хозяевами, собрались перед роскошным плавательным бассейном, фотограф Стюарт Сэвайер (Sawyer), желая добыть «оригинальные фотографии», использовал минуту невнимания и столкнул Диану, её мужа и ещё двух особ в воду.

Это очень развеселило гостей — но хозяев меньше. Когда Гамильтон в промокшем фраке выбрался из бассейна, он подошёл к фотографу, с увлечением делающему один снимок за другим, и нокаутировал его так, что у того из носа и рта полилась кровь.

Когда один из репортёров спросил фотографа, как он намеревается поступить, тот ответил: «Т о л ь к о б е з к о м м е н т а р и е в - о д н а ш у т к а п о в л е к л а з а с о б о й д р у г у ю». И на фото прекрасная Диана вылезает из воды.

Юмористическая заметка «Господа с дочурками».

«Портланд Мэйсон, семилетняя дочурка известного актёра Джемса Мэйсона, вундеркинд кинематографа, имеет уже не только собственное conto в банке и норковое манто, но также ведёт образ жизни некоторых взрослых кинозвёзд: поздно ложится спать и поздно встаёт.

Однажды вечером Портланд ужинала со своим отцом в одном ночном ресторане. Когда они заняли места за столиком, малютка с любопытством осмотрела переполненный зал и сказала удовлетворённым тоном:

— Это очень хорошо, что все эти господа тоже пришли со своими дочками, правда, папочка?...»

Другая заметочка: A la Rainier.

«В Голливуде бюро, ангажирующие статистов и мелких актёров для исполнения ролей в кино, в последнее время довольно необычным образом обозначают в своих картотеках определённый тип статистов мужского рода. А именно они всех невысоких брюнетов с усиками определяют названием: Принц Ренье.

Таким образом, когда режиссёр потребует к своему фильму такого типа статистов или актёров, он коротко говорит: П р и ш л и т е н е с к о л ь к о п р и н ц е в Р е н ь е.

Этот номер журнала очень характерно оформлен. Я имею в виду его наружные страницы (обложки, как у нашего «Огонька», у польских дешёвых журналов нет). С первой странице глядит молодое женское лицо, показывая в милой улыбке красивые зубы. Кто это? «Руфина Нифонтова — исполнительница главной роли в фильме Григория Рошала «Бунт женщин» — является нашим гостем на время происходящего сейчас IX Фестиваля Советских фильмов. Беседу с молодой актрисой, лауреаткой фестиваля в Карловых Варах, мы помещаем на стр. 3». Отлично. А на последней странице (каково беспристрастие) фото молодой блондинки: полуголая девушка англо-саксонского типа стоит в испуганной позе, прижимая к себе какой-то халат или платье, что, впрочем, не скрывает её почти открытого бюста, красивых форм и длинных элегантных ног, просвечивающих сквозь сетку. Текст:

Мэрилин Монро перестаёт быть вампом.

«В Нью-Йорке состоялась премьера фильма «Автобусная остановка» с Мэрилин Монро в главной роли. Пресса оценила фильм очень благосклонно. «Нью-Йорк Таймс» пишет, что в «Автобусной остановке» Мэрилин Монро сделал всем настоящий сюрприз, так как она перестала быть вампом и доказала, что она актриса, которая умеет по-настоящему вжиться в свою роль. Фильм «Автобусная остановка» был показан также на фестивале в Венеции (вне конкурса)».

Vamp — американское сокращение от vampire. С первых лет в кинематографе появилось трафаретное амплу женщины-вампира, коварной соблазнительницы. В английском языке вошло из кинематографического арго словечко вамп — авантюристка, соблазнительница. Эта самая Marilyn Monroe перестала быть вампиркой. Она даже сама приезжала на венецианский фестиваль 1956 года.

6 января. Воскресенье.

Во вчерашнем номере «Ленинца» напечатали мою статью о художественной дискуссии в музее имени Нестерова. Эта дискуссия происходила в декабре, я сидел в углу, слушал и записывал. «Ленинец» напечатал мою статью полностью, почти полный подвал.

Ну, ладно. Это не интересно. Интересно что?

Одной из причин (а, может быть, главной причиной) самоубийства Фадеева было его письмо Центральному Комитету о положении в литературе, о том, что у нас надо исправить. Реакция начальства на это письмо было резко отрицательная.

Подробности об убийстве дочери актёра Мордвинова. Убийцы её — три молодых человека: знаменитый Женя Дунаевский, сын маршала Соколовского и сын какого-то известного писателя. Они зарыли девушку живой в землю. На суде держались спокойно, приводили подробности. За несколько минут до преступления спрашивали у неё, ещё живой: «Как тебя зарывать — лицом вниз или лицом вверх?»

7 января. Сегодня, 7-го, понедельник, был я в кино. Сначала показали специальный киновыпуск «Будапешт», а сразу после него — кощунственно легкомысленную «Карнавальную ночь», довольно весёлый фильм — реву с любовью, всяческими проказами и ножками девушек. Будапешт! Аж сердце дрогнуло, когда я увидел на вздрагивающем полотне этот трагический город. Дунай, мосты, купол парламента, года Геллерт с женщиной, поднимающей пальмовую ветвь, узенькие улицы с выступающими верхними этажами. Сильные кадры! Наши танки уходят из города, и будапештцы стоят в безмолвии или тихонько катят на велосипедах, провожая русских серьёзными взглядами. А потом — террор, пальба, толпы вооружённых людей, ведущие на казнь седого коммуниста. Тут, по-моему, наши что-то вырезали из ленты, и вместо сцены казни на экране чудовищными грязными пятнами застыли знакомые клише — газетные перепечатки из западной прессы. Вероятно, старик с белой головой вёл себя не так уж стойко, раз его смерть не показали.

Осада здания горкома, стрельба, перебежки. Тапки, стоящие на улице и развернувшие свои башни, бьют по дому. Разрушенные, искорёженные фасады, ни одного стекла в окнах, зияющие проломы, стены, от пуль ставшие ноздреватыми, как пемза. . . Тротуары засыпаны щебнем, штукатуркой, битым стеклом и кирпичом; грязь, хлам, обломки, поваленные трамвайные вагоны.

Костры книг. Сухое, бурлящее пламя и на первом плане — переплёт еще не загоревшейся книги с надписью: LENIN.

Грузовики, с которых раскидывают широкими жестами газеты с зажигательными речами, с двусмысленными призывами Имре Надя. Это после ухода наших войск. Как слушают радио — «Свободную Европу». Как достают ящики из самолётов с красным крестом. В ящиках — оружие. Как вытаскивают оружие из подземных тайников. Оружия у мятежников сразу же стало очень много.

Потом показано здание кинотеатра «Корвин». Инсургенты устроили в нём штаб. Прямо на киноаппарат смотрит полевая пушка (у мятежников были танки и пушки, ведь венгерская армия развалилась). По сторонам от входа огромные фанерные щиты с портретами красавиц-кинозвёзд. Перед входом, сутулясь от холода, прогуливается молодой часовой, типа студента, в плаще и шляпе, на груди автомат. Оглянувшись на киноаппарат, чуть усмехается и ходит дальше, не обращает внимания. Довольно приятное лицо. Чорт возьми! Глупые, бедные мадьяры. Как это у них радостно начиналось, и в какое безобразие вылилось.

Сначала была показана та памятная студенческая демонстрация, спокойно, неторопливым шагом, руки в карманах, улыбаются, несут плакаты, разговаривают. Действительно, мирная демонстрация. В окне какого-то высокого этажа стоит молодая женщина и медленно, с трудом, размахивает большим флагом на длинном древке. И всюду национальные цвета, национальные знамёна!

Потом появилось чёрное знамя. Другие демонстрации, другие толпы. Грузовики, набитые вооружёнными людьми. Хмурые, злобные лица, такого полуприщуренного типа, со свирепым насвистыванием сквозь зубы. И оружие, оружие, оружие!

Потом ещё гора Геллерт и стройная чёрная фигура на высоком постаменте. У подножия памятника инсургенты трудятся над сваленными фигурами красноармейцев, долбят ломами изображение звезды. Вообще несколько кадров посвящено уничтожению коммунистических эмблем: звезды, серпа и молота. Но самое интересное — на горе. Самую статую Свободы не тронули, она очень популярна. Но из толпы там вышел браваый автоматчик, улёгся у самых ступенек, в первую ступеньку упёр автомат и начал палить вверх: на постаменте, немного ниже самой женщины, вырезан советский герб, и автоматчик бьёт по этому гербу, так что летит от пуля дымок, высекаемый из камня.

Потом показали умиротворённый Будапешт. Люди идут на работу пешком, едут стоя в грузовиках. Пущены трамваи. Длинные очереди у магазинов. Везут строительные материалы. Зима в этом году наступила в Будапеште необычайно рано. Да, нелегко им приходится. Прав или не прав Хрущёв, что не вывел войска из Венгрии, но он не прав, что послал им помощь.

И последний кадр — опять статуя Свободы.

А потом на экране появился рыхлый Игорь Ильинский, кокетливая тоненькая Гурченко и прочие экземпляры. Фильм этот сделан на манер известного «Возраста любви»: Гурченко подражает Лолите, а Игорь, там, где он сидит пленником в клетке лифта, затягивается своей папиросой точь-в-точь, как директор театра в аргентинском фильме.

9 января. Среда.

О декабрьском пленуме ЦК Хрущёв еле-еле удержался на своём посту. Взамен предлагали Маленкова. Хрущёву предъявили ряд обвинений: политические авантюры — помощь Индии и прочим, которая таким непосильным бременем легла на Россию, что впервые за много лет у нас дефицитный бюджет; слишком резкая, непродуманная критика «культы», критика, приведшая к великому шатанию умов; Хрущёва обвинили в том, что из знаменитого к а з а х с т а н с к о г о миллиарда сгнило 400 миллионов. Прав оказался Молотов, который говорил: «Сначала нужно прокладывать дороги, потом поднимать целину». Декабрьский пленум принял решения в духе Маленкова: жилищное строительство на первом месте, т.е. удовлетворение непосредственных потребностей народа.

Венгры рассказывали (студенты в Москве), что в Венгрии при Ракоши жизнь становилась с каждым годом тяжелее. У чехов наоборот: с каждым годом лучше.

Тито в Пуле говорил, что не надо было с самого начала вмешиваться в венгерские события. Первая демонстрация состояла из одних коммунистов, и когда этот тупой Эрне Гере вызвал на помощь советские танки, то это было равносильно искре, попавшей в бочку пороха. Не надо было вмешиваться вообще!

Алик Глезер рассказывает, что по Москве как-то прошёл слух — Дудинцев арестован. Собралась демонстрация молодёжи, которая требовала Дудинцева. Шли по улицам с кри-

ками: Д у д и н ц е в а! Книга, Алик подтверждает ещё раз, имела большой резонанс. Алик говорит: с художественной стороны ничего особенного, но с политической. . . Лично я не согласен. Художественные достоинства у неё, несомненно есть. Больше. Неровная книга, с провалами и подъёмами, но подъёмы огромные!

Рассказывает Алик о большой непопулярности Хрущёва в Москве. В Грузии люто ненавидят Хрущёва и Микояна. Что касается Хрущёва, то он непопулярен везде. С ним нельзя не считаться, он сделал очень многое, но и дров наломан не дай бог!

Поворот вправо. Шаг назад. Венгрия. Студенты. Какой-то большой начальник сказал в те дни: «Я не хочу болтаться на фонаре». Со студентами ведут себя жестоко, а жестокость — дочь страха. Пьяные студенты с милицией грозят «устроить ей Венгрию».

Особенно сильные волнения были в Московском Горном институте, где сорвали лозунг «Слава Коммунистической партии!»

10 января. Четверг.

Сегодня я хочу записать несколько слов об известном немецком романисте Эрих-Мария Ремарке.

Я читал только одну его книгу — «Время жить и врем умирать», но я высоко ценю его. Это здоровый и мужественный реалист, впрочем, по своим политическим взглядам довольно ограниченный буржуа. В его стиле сказывается великолепное, ничем не омрачённое влияние европейской реалистической школы. Декадентский дух, по-моему, не коснулся его.

Эрих Мариа Ремарк родился в 1898 году, ему ещё нет шестидесяти. Его главное творение — «На западном фронте без перемен» (1929 г.), о первой мировой войне. Своим сильным осуждением войны (с пацифистских позиций) Ремарк сразу встал в одну шеренгу с Барбюсом и Хемингуэем. В 1931 г. вышел роман Ремарка «Обратный путь», повествующий о судьбе вернувшихся с фронта солдат и проникнутый безнадежностью. Кроме того, он написал «Триумфальную арку» и «Время жить и время умирать». Последний роман написан в 1954 году. Ремарк в нём выступил как ярый враг фашизма и недоброжелательно настроенный скептик по отношению к коммунизму. Отвратительный нацистский гнёт показан им очень выпукло, зримо. Выведены у него подпольные антифашисты разных мастей, в том числе коммунист. Но герой — не коммунист. Герой романа в тупике. Он приходит к выводу о необходимости борьбы с нацизмом. Он против войны, но он не в силах вырваться из неё. А перейти на сторону русских он, конечно, не может: Ремарк изображает добропорядочного немца. В финале романа Ремарк даёт очень сильную картину неразрешимого противоречия в душе героя. Он убивает негодяя — нациста, служившего с ним в одной части и воплощавшего для него всё зло нацизма. Затем этот герой бросает оружие и освобождает четырёх русских пленных — гражданских лиц, заподозренных в принадлежности к партизанам. Он показывает им жестом: бегите! — и отворачивается. Старик, один из освобождённых героем русских, подбирает его винтовку и стреляет в него. Настало «время умирать». Герой убит. Ремарк не нашёл выхода из противоречия, а роман нужно было как-то кончать.

Erich Maria Remarque. Известный антифашист, уже много лет живёт в США. В 1956 году, если не ошибаюсь, в Австрии немецкий режиссёр Г. В. Пабст сделал фильм «Последний акт» по сценарию Ремарка — фильм о закате гитлеризма. Это уже второй фильм Пабста о фюрере. Первый фильм изображал события неудачного покушения на Гитлера, второй фильм показывает последние дни в подземном убежище рейхсканцелярии в Берлине, окружённом уже тесным кольцом советских войск. На английских экранах фильм шёл под названием «Ten Days to Die» («Десять дней до смерти»). Гитлер, произносящий речи и управляющий несуществующей армией, Гиммлер, Борманн, Геринг, Геббельс, Ева Браун, тринадцатилетние «герои», сражающиеся на улицах города, два генерала, дискутирующие о загробной жизни, тысячи берлинцев, которые приняли смерть в подземельях метро, затопленного эсэсовцами по приказу Гитлера, свидетели на свадьбе Гитлера и Евы Браун, а позднее свидетели их самоубийства, участники макабрической оргии — ночью, в бункере Рейхсканцелярии. . . Целая галерея фигур выступает в этом фильме. Роль Гитлера исполняет артист Альбин Шкода (вероятно, чех, но по-немецки Scoda — Скода), достигающий большого портретного сходства и остро характерной игры. Фильм как бы показывает действительность через восприятие молодого немецкого офицера, который умирает со словами: «Никогда больше не говорите Jawohl (так точно). Никогда больше не соглашайтесь с приказами».

В последнем номере «Литературной газеты» рассказывается о новом романе Ремарка. Западногерманское издательство «Кипенхойер унд Вич» выпустило его новый роман «Чёрный обелиск». В предисловии автор пишет: «Не упрекайте меня, если я возвращаюсь к тем легендарным годам, когда надежда, как флаг, развевалась над нами и мы верили в такие подозрительные вещи, как человечность, справедливость, терпимость, а также в то, что мировая война достаточно поучительна для поколения».

Ремарк показывает, каким образом Германия снова пришла к мировой войне и катастрофе.

. . . Апрель 1923 года. Послевоенную Германию лихорадит инфляция. Марка падает, спекулянты наживаются на своих махинациях. Бывший фронтовик Людвиг Бодмер работает служащим фирмы могильных памятников. Людвиг Бодмер — оптимист вопреки всем трудностям времени. Даже в своей торговле могильными камнями он находит пищу для юмора. Это имеет свою причину: он хочет наверстать молодость, растрченную в окопах. Рассказ о судьбе бывшего солдата и окружающих его людей составляет сюжетную основу романа.

«Франкфуртер алльгемайне цайтунг» пишет, что «Чёрный обелиск» — это литературный памятник недавнему этапу немецкой истории. «Роман запоздавшей молодости является документом, пронизанным волнующими чувствами и сатирическими метафорами».

Еженедельник «Зоннтаг» (ГДР) особенно характерным для нового романа считает его разящий антифашизм. «Ремарк хочет похоронить иллюзии, он хочет показать, что великие идеалы гуманности и терпимости — всего-навсего лишь парадные лошади в конюшне буржуазии».

Всё-таки Ремарк — очень интересный и здравомыслящий писатель.

В сегодняшнем номере «Советской Башкирии» напечатана критика по поводу моей статьи о художественной дискуссии. Это моё боевое крещение. Нельзя писать, не подвергаясь нападкам. Я завидую брани, которая сыплется на Дудинцева.

Сообщение из западногерманских газет (1956 год):

«Барон Генрих Тиссен заплатил за развод с манекенщицей Ниной следующие суммы: отступных 250 тысяч долларов, 108 фунтов золота, что соответствует живому весу некогда любимой женщины; виллу во Франции со знаменитой картинной галерей, в которой одна из картин стоит 12 тысяч долларов; 5 тысяч долларов на возможный ремонт виллы; драгоценности дома Тиссенов стоимостью в 120 тысяч долларов, 15 тысяч на гардероб Нины в парижских модных салонах».

В США и Западной Германии сейчас «процветание», большая степень занятости, оживление в промышленности. «Западногерманское экономическое чудо», — пишут газеты.

12 января. Из анекдотов об Алексее Толстом. Он жил до войны в богатой, хорошо обставленной квартире, и его швейцаром был старый слуга, с которым писатель не расставался чуть ли не с пелёнок. Когда гости спрашивали этого швейцара, дома ли Алексей Николаевич, старик отвечал в таком, например, духе: *«Его сиятельство граф Алексей Николаевич изволили отбыть в ЦК партии».*

Сэр Антони Иден, который в разгар египетских событий был вынужден уехать лечиться от переутомления на остров Ямайку, так и не оправился после «Суэцкого кризиса». Он ушёл в отставку и даже отказался от своего депутатского мандата. После Ямайки и до отставки он имел неофициальную встречу с Черчиллем, остающимся почётным вождём. Иден резко сошёл с политической арены. Английским премьером стал Макмиллан, правый консерватор из самых твердолобых; эти правые из правых терпеть не могут брата Джонатана, считая его наглым выскочкой.

20 января. Рассказывают, на Венецианской всемирной выставке изобразительного искусства наше изобразительное искусство потерпело сокрушительный провал. Советские залы были совершенно пусты, а все другие залы заполнены восторженной толпой. Смотрели сюрреалистов, всяческих формалистов, а советские залы пустовали: соцреализм заставляет их просто зевать.

В руководстве советской живописью выдвигаются новые люди: Аркадий Пластов, Мартирос Сарьян, Семён Чуйков. Предстоит I-й съезд советских художников.

Говорят, что довольно слабо была составлена выставка Пикассо, которая была у нас в Москве. Московские холсты принадлежат к раннему периоду его работ («Нищие» — старик и мальчик, «Гимнасты» — девочка на шаре и т.д.). Это хорошие вещи, но они устарели. Сам Пикассо относится к ним с улыбкой снисхождения (грехи молодости). Из нового Пикассо прислал мало (да и не может он прислать «Корею», «Гернику», «Войну», «Мир»). Любители и знатоки очень недовольны, что из богатых частных коллекций Эренбурга и Зильберштейна (!) почти ничего не было на выставке. Особенно недовольны Эренбургом: друг

Пикассо, открывал выставку, а картин на выставку не дал. Недовольны Эренбургом и политики. Сдерживая перед открытием нетерпеливую толпу, он успокаивал её следующим образом: «Подождите немного, товарищи. Двадцать лет ждали, подождите ещё двадцать минут».

У Пикассо в гостях был скульптор Томский. В их беседах полностью выразилось отрицательное отношение Запада к нашему искусству. Уж Пикассо-то куда какой прогрессивный деятель, а вот поди ж ты: не понимает друг друга. Выше всего мы ставим раннего Пикассо, а он сам посмеивается над своим «реализмом». На Западе царит метод сюрреализма — высшая ступень символизма. Много сюрреалистических исследований у Пикассо. Томский сказал, что мы их не понимаем. «Да, — ответил Пикассо, — вы этого не понимаете, вы до этого ещё не дошли»,

Мне дали грамоту обкома ВЛКСМ за активное участие в газете «Ленинец».

Говорят, новую тарифную систему хотели ввести в январе 1957 года. Всё было готово, всё было разработано заранее. Каганович недаром поработал в Комитете по вопросам труда и заработной платы. Решено было повысить расценки и одновременно повысить нормы выработки. Существующая тарифная система 1936 года безнадежно устарела. *Нужно ввести «технически обоснованные» нормы.* Ещё до намечавшейся тарифной реформы была сделана первая проба на трёх знаменитых заводах: на заводе имени Кирова (бывший Путилов), на заводе «Серп и молот», на «Шарикоподшипнике». Как только было объявлено о новых нормах и расценках, начались забастовки и митинги. Ничего не получилось. Намечавшаяся в январе этого года тарифная реформа (самое важное мероприятие хрущёвского правительства) была отложена из-за обострения международной обстановки.

В чём недостатки существующей тарифной системы? Об этом много говорят и даже пишут. Сегодняшняя (старая) тарифная система совершенно не заинтересовывает рабочего в производительности труда. Поневоле будешь оглядываться на Югославию, где рабочие на каждом предприятии сами себе платят жалованье — им некого будет винить, если что-нибудь не так. У нас сохранились тарифные ставки довоенной поры, когда рубль стоил гораздо больше, чем сейчас. Если платить по букве закона, то из определённых цехов, из определённых профессий рабочие будут разбегаться в другие области труда. Поэтому вся нынешняя оплата труда представляет собой сплошной обход закона. Рабочему, кроме законной тарифной ставки, выплачивают по всякого рада «*припискам*», с тем чтобы достичь негласной и неписанной, но точно определённой «тарифной ставки» по чёрной системе. Эта чёрная ставка нигде не зафиксирована, но если предприятие хочет выполнить план, оно должно её выплачивать. Поэтому никто не решается повысить действующие нормы выработки продукции за единицу времени. Рабочим попрежнему оставляют старые нормы, которые они могут перевыполнять на *триста процентов*, на *двести процентов* и т.д. Они регулярно и скучно перевыполняют, получают свою тысячу с чем-то рублей, но попробуйте увеличить норму! На предприятиях идёт война рабочих с нормировщиками. Приходят нормировщики — рабочие, как по команде, начинают работать вдвое медленнее.

Не придирайтесь, не подгоняйте! Ваше дело маленькое. . . На хитрости идут обе враждующие стороны. Нормировщик ушёл, и цех вздыхает спокойно, включает станки на полную мощность, наверстывают упущенное. А в это время в засаде над цехом — на хорах — второй нормировщик перестаёт зевать и засекает, сколько времени уходит на каждую операцию!

Не в интересах рабочих повышать производительность труда: им снизят плату за количество продукции в единицу времени — т.е. снизят расценки. Наша система планирования не может предусмотреть постоянные, внезапные усовершенствования, рационализацию. Допустим, сделано важное изобретение. Какой-нибудь токарь Иван Сидоров вместо 100 деталей за смену начал делать 500 деталей. Что же, платить ему в 5 раз больше? Откуда, из каких средств? Планом это не предусмотрено. Заставить рабочих делать 500 деталей, как Сидоров, и всем снизить расценки. Это единственный выход. Сидоров получит свою премию — и ходит, как оплётанный. На него злы товарищи, от него отворачиваются, над ним смеются. «Посмотрите на этого дурака Ваньку Сидорова. Рационализатор! Выслужиться захотел перед начальством. Он тысячу рублей поучил, а нам теперь по его *методу* надо гнать и гнать». В самом деле, тысяча рублей премии, а расценки снижены — и как раз таким образом, что получают за 500 деталей, как за прежние сто. Ведь государству один чёрт, сколько ты гонишь деталей, важно, что предприятие не получит сверхплановых ассигнований на оплату рационализаторов. Твои сверхплановые детали некуда девать, если монтажники работают с прежней скоростью. У директора от твоей рационализации голова болит: новые хлопоты, новая возня. *И выходит, что никто, собственно, в повышении производительности не заинтересован.* «Интересы государства!» — говорит секретарь наркома и тычет пальцем в бумагу: подписывай социалистическое обязательство. Значит, интерес государства идут вразрез с интересами рабочего? Когда и как это случилось? Когда наш государственный аппарат и административно-хозяйственная система начали стеснять рост производительности сил?

Росту производительности труда искусственно поставлен предел в виде предела заработной платы. *Стимул материальной заинтересованности!* На одном энтузиазме далеко не уедешь, нужна картошка. Продукты и промтовары дороги. В 1956-м году не было снижения цен. Впервые после войны дефицитный бюджет. Народ очень недоволен тем, что мы кормим наших друзей за рубежом. Когда я смотрел кинохронику «Будапешт», рядом со мной сидела простая женщина, работница или крестьянка. Видя, как венграм после подавления восстания везут продовольствие, она пробормотала: «Кормишь их, кормишь, а потом они опять начнут бить наших». Политика кнута и пряника, применённая в Венгрии, вызвала недовольство советского народа. Это нерешительная, непринципиальная линия. Нужно было либо порвать с Венгрией, увести армию и отказаться от всякого вмешательства, либо (как поступил бы Сталин и как было бы вернее) — задушить мятеж в зародыше. . .

Но мы заболтались и отвлеклись от темы. Экологическое положение Союза, несмотря на баснословный урожай, не улучшилось. Бесплатно строим заводы для Неру, даром посы-

лаем хлеб маршалу Тито, в виде платы за пролитую кровь отправляем в Будапешт вагоны продовольствия и стройматериалов. Хрущёв развернул такую широкую внешнеполитическую игру, что оказалось невозможным провести в январе 1957 года намеченную тарифную реформу.

29 января. Суббота.

Умер Артуро Тосканини.

Рассказывают, что в Венеции на выставке наибольшим успехом из наших пользовались Сарьян, Кончаловский и. . . Яблонская. Первые два — понятно, но почему Яблонская?

4 февраля. Понедельник.

Сдал сессию (две «отл.» и две «хор.»). Оказывается, Marilyn Monroe не просто star, она жена известного американского драматурга Артура Миллера. В первом номере «Иностранной литературы» перепечатана из «Пари матч» фотография двух знаменитых супружеских пар. «В Лондоне в частном клубе «Комеди тиэтр» состоялась премьера новой пьесы Артура Миллера «Вид с моста». Пьеса была запрещена для публичного представления. На снимке (справа налево): Артур Миллер и его жена Мэрлин Монро, американские артисты Лоуренс Оливье и Вивьен Ли на премьере спектакля». Мэрлин Монро — красивая, сильно декольтированная блондинка. Лоуренс Оливье играл адмирала Нельсона в фильме «Лэди Гамильтон», Вивьен Ли играла Эмму. Вероятно, они тоже супруги. Артур Миллер мрачно и немного самодовольно усмехается. У него высокий лоб с залысиной и большие роговые очки.

7 февраля. Четверг.

Передают слова Пикассо, что только при капитализме возможен расцвет культуры. Он явно имеет в виду упадок изобразительного искусства в СССР. Но это неправильно.

Расцвет буржуазной живописи в широком смысле слова начинается с Делакруа, т.е. спустя сорок лет после взятия Бастилии. Живопись Давида и Энера была наследием старого режима — оба ученики Пуссена. Только Делакруа сказал новое слово. Так и у нас. Понадобилось сорок лет, чтобы мы ощущали сегодняшнюю неудовлетворённость в области культуры. Значит, подготовлена почва нового посева. В ближайшие годы в нашей культуре должны произойти какие-то качественные изменения.

Стало известно, что капитан Крэбб, исчезнувший весной 1956 года, всё-таки ликвидирован нашими. Говорят, что когда акустики на крейсере услышали — человек царапается под корпусом судна, в трюме был включён мощный электромагнит, и капитан Крэбба присосало. Так мы с ним и ушли, а выключили где-нибудь в открытом море. Он, конечно, задохнулся. Его отпустили, и труп спокойно опустился на дно. Капитан Крэбб заслужил свой мрачный конец. Он знал, на что идёт.

В журнале «Знамя» № 1, за этот (1957) год, напечатаны шесть писем Марины П. («История одной любви»). Эти письма предоставил редакции Константин Лашин. Это подлинные документы (заменены только имена). Советская девушка вышла замуж за мадьяра Андраша, учившегося в Союзе. В сентябре 1956 г. Марина уехала с мужем в Венгрию, её последнее

письмо из Будапешта датировано 19 октября. Что стало с этими молодыми супругами, Лапин не знает.

Выписываю из последнего письма.

«Представьте себе город, половина которого расположена на горах. Утром туман на вершинах гор, туман на Дунае, а полоса между Дунаем и вершиной гор чистая, ясная, светлая. Всё это мы видим из окна, которое занимает почти полстепи. Башни и шпили над городом, море солнца и света, несмотря на октябрь, дивные мосты через Дунай, удивительно узкие и своеобразные улицы старого города, уже застроенные огромными домами, горы фруктов, горячая кукуруза и калёные каштаны на углях, совершенно очаровательны «espresso» на каждом шагу, и в помещении, и просто под крышей, и, наконец, прямо на тротуаре, океан цветов и ярких красок, хотя одежда не яркая».

«Здесь «болеет» каждый — от пятилетнего мальчишки до шестидесятилетней старухи. В часы «большого футбола» не встретишь на улицах никого, только толпы у репродукторов на углу. Над всем городом гремит голос радиокомментатора. В трамваях, автобусах одинокие фигуры. . . Ну, а если ты где-то отсутствовал в это время и не знаешь счёта, спроси любого встречного мальчишку, старика или старуху, спроси любого кондуктора, — тебе ответят и расскажут, кто забил, как забил и т.д. Во время «большого футбола» заводы, фабрики могут прекратить работу, а вечером отрабатывать. Каково?!

Удивительные люди!

Здесь сейчас проходят дискуссии и собрания. На них собираются до шести тысяч человек!

Вы, наверное, знаете и о похоронах Райка, и о деле Имре Надя, и о предсмертном разговоре Райка с оставшимся (единственным) в живых товарищем, и о Ракоши, и о других. Здесь всё это обсуждалось на собраниях. Мы пережили тяжёлые дни. Это было в дни похорон Райка. Будапешт его знал и очень любил, особенно рабочие района. А поэтому эти дни превращались в дни настоящего траура. Улицы были в цветах и чёрных флагах. К кладбищу за три километра нельзя было подойти. . . Душераздирающие статьи в газетах. . . Можете себе представить, сколько здесь работы!

Вы должны благодарить судьбу за то, что Андраш на очередном заседании, сейчас вечер, уже 9 часов, и я засела за письмо. А в общем, жизнь моя не из лёгких. Таких вечеров, когда я одна, немало, потому, что над нами разразилась «гроза» (иначе я не называю это). А «гроза» эта заключается в том, что Андраш избран секретарём парторганизации своего института. Я считаю, что это гроза не только потому, что бедная жена теперь по вечерам будет часто одна, но и потому, что знаю обстановку в институте. Перевыборы были в середине года. Две недели назад на партсобрании коммунисты выразили недоверие (как я это называю) руководству и потребовали двумя третями голосов смены партбюро.

И вот он выбран. Я, комментируя происходящие события, предрекла ему судьбу: либо ему сломят голову, либо он сам себе сломит голову, — что, по существу, одно и то же. Вот так, дорогой Константин Кириллович!»

В пост-скриптуме Марина П. сообщает, что начнёт работу с 1-го ноября. Письмо датировано 19-м октября. 23-го разогнали студенческую демонстрацию, а 1-го в Будапеште уже убивали. Что стало с этой Мариной?

8 февраля. Весь 1957-й год мы будем пережёвывать последствия *пятьдесят шестого* и вспоминать его подробности.

«Детали» из МГУ. Прошла дискуссия о романе Дудинцева. Старенький профессор делал доклад о художественных особенностях романа «Не хлебом единым». Студенты послушали, послушали — да и взбунтовались. К чорту художественные особенности, нам нужен идейный смысл романа! Началась ругань, начались выступления, и профессора принялись постепенно смываться. Дискуссия страшно затянулась. Все выступления носили острый, яростный характер. Книгу превозносили за её остроту, за её «революционность». На трибуне появился растерянный Дудинцев. Очевидцы свидетельствуют, что очень мямлил и «держался трусливо». Он говорил, что его не так поняли, что он не то хотел сказать в своей книге, что его «революционность», короче говоря, преувеличена. *В конце концов студенты освистали Дудинцева!* Ни больше, ни меньше. Выступил один поляк, очень способный парень, которого называют «будущим Белинским» (если не ошибаюсь, дискуссия происходила у филологов МГУ). Этот молодой поляк сказал, что поражён выступлением Дудинцева. Можно ли назвать писателем такого советского писателя, который оправдывается и извиняется за то, что написал книгу, разоблачающую бюрократов и приспособленцев? Это было громовое выступление. Дискуссия длилась до 5 часов утра. На другой день все, кто не читал роман, кинулись искать в библиотеке «Новый мир» № №8–10. Но ректорат предупредил студентов: «Новый мир» с романом перестали выдавать, говоря, что он занят. Студенты МГУ написали Дудинцеву уничтожающее письмо.

Во время венгерских событий в МГУ первыми перестали выходить на занятия венгры, затем к ним присоединились поляки и все остальные «демократы» из «европейцев»: чехи, румыны, немцы. Не шевельнулись только китайцы-корейцы. Бастующие «демократы» (студенты из народных демократий) бойкотировали студенческую столовую (в старом университетском городке). Лозунги: «Вывести советские войска из Венгрии!» «Пусть газета «Правда» пишет правду!» «Дайте настоящую демократию!» Наши мальчики были солидарны с демократами, но на лекции, кажется, всё же ходили. А те между своими поступали жестоко: кто нарушал бойкот, пойдёт на лекции, то по возвращении в общежитие найдёт свои вещи в коридоре, и в комнату его больше не пустят. Бойкот длился 2 недели.

Сейчас в МГУ студенты установили дежурства и ходят на лекции по строгому графику: единственно, чтобы не обижать маститых лекторов типа академика Виноградова или Галкиной-Федорук. Если у них на лекции сидит 20 человек, они довольны.

Между прочим, Галкина-Федорук в ужасе от политизации. Она прямо говорит студентам: «В нашу школу въехал трактор!» Политехнические дисциплины введены за счёт небывалого сокращения гуманитарных наук. Русский язык и литература в загоне.

На заводах прошли большие сокращения. Сокращаемым рабочим советуют идти на строительства. На завод устроиться рабочим невозможно. А безработные учителя? В 1957 – 1958 годах будет проведено очень большое сокращение учителей средней школы по РСФСР. Я слышал мифическую цифру в 300.000. Трудно поверить, что можно сократить столько учителей. . .

Из Уральского политехнического. Та знаменитая комсомольская конференция, где выступал один студент — он говорил, что наша конституция — бумажка, что местные власти — попугайчики и т.д. Его исключили из комсомола, а затем — автоматически — из института. В Свердловском университете распространяли рукописный журнал антисоветского содержания и даже якобы *листовки*.

На-днях Украина приняла решение: в следующий, очередной приём в вузы 60

Накануне нового года в одну башкирскую деревню пришла весть: 36-летнему учителю, бывшему фронтовому офицеру, дали задним числом орден Красного знамени, за прошлые заслуги. Он ездил получать орден в районный центр. Ему рассказали по секрету, что эти ордена (новенькой чеканки) были приготовлены «для Египта».

У США был план в конце года: вбить клин между СССР и Германией. Поднять восстания в Венгрии; Польше и Чехословакии. Мы знаем, что ничего не получилось в конечном итоге, но шуму было много, ой, много! И крови тоже. Но вообще 1956-й год — это год побед США. Даллес и Эйзенхауэр не такие дураки, какими изображают наши карикатуристы.

11 февраля. На-днях моя мама сказала: «Купим пальто зимнее Ромику, а то все говорят, что *весною будет война и деньги пропадут*».

Опять, в который раз! «Весною будет война. . . »

William Saroyan — один из самых выдающихся современных писателей в США. Он армянин по происхождению и родился в 1908 году. В литературе дебютировал томом рассказов под названием «Отважный конец на трапедии». За своё произведение «Времена, в которые мы живём» получил премию Пулитцера (высшая литературная награда в США), но не принял её, говоря, что «капиталисты не имеют права покровительствовать литературе». Эта история в своё время наделал много шума в Америке.

Во время войны Сароян написал повесть «Человеческая комедия» (название заимствовано у Бальзака), в которой описывает маленькое американское местечко и негритьёнка, разносящего телеграммы. Это преимущественно известия о солдатах, сражающихся на фронте в Европе. Адресаты этих депеш, их жизнь и реакции на известия о смерти, ранах или награждениях их отцов, сыновей и братьев — вот, собственно, содержание этой необычайно интересной книжки, которая была переделана в кинофильм, один из лучших за прошлые годы.

«Dookoła świata», № 31 за 1956 год. «To nie plotki».

«*Пий XII, 80 лет, недавно позировал две недели в тронном зале Ватикана (два часа в день) английскому художнику Леонарду Бодену, не обменявшись с ним ни единым словом. Однако, как мы знаем, Пий XII свободно говорит по-английски.*

Сергей Хрущёв, 22 лет, сын первого секретаря советской коммунистической партии, Никиты Хрущёва, 62 лет, сопровождал своего отца во время его весеннего путешествия в Великобританию. Как утверждают, Сергей очень понравился дочери британского посланника в Москве, мисс Тересе Хэйтер. Мисс Тереса посещает школу в Англии, однако в ближайшее время, вероятно, приедет в Москву, чтобы проведать родителей.

Эрнест Хемингуэй, 57 лет, американский писатель, играет второстепенную роль в фильме «Старик и море», основанном на известной одноименной новелле писателя. Глазам зрителей показывается на несколько секунд, так же Мэри, жена писателя, выступающая в фильме как американская туристка.

Лео Шустер, 31 года, венский атомный физик, разрушил в ряде государственных учреждений 9-го городского округа клозетные тазы, мстя таким способом государственным властям. Шустер был наказан за оскорбление почтальона денежным штрафом. По совершении тринадцатого нападения на туалет в государственном учреждении «д-р Шустер был схвачен и отвезён в психиатрическую клинику».

12 февраля. Вторник.

Почти одновременно умерли на этих днях два известных деятеля: в Дрездене умер бывший фельдмаршал Паулюс, а в Лиссабоне бывший адмирал Миклош Хорти.

В том же № 31 «*Dookoła świata*» фото: роскошная девушка стоит, прислонясь к стене, заложив руки за спину; у неё сочные лоснящиеся губы, нижняя губа толще верхней, лихие, с изломом нарисованные брови, великолепные волосы, плавно округлённые бёдра и небольшие прямостоячие груди. На ней что-то вроде короткого спортивного трико с воротничком и довольно глубоким острым вырезом. Глаза смотрят на зрителя, как два пистолета. Массивные ляжки — как две сверкающие колонны. Словом, не девушка, а поэма. Надпись: «*Sofia Lollobridgida*». Что такое?

«*Так назвала себя француженка Одиль Роден (Odile Rodin). Как утверждают, она соединяет в себе разделённые до сих пор качества: красоту и формы известной итальянской артистки Джини Лоллобриджиды и очаровывающий кинозрителя sex-appeal Софии Лорен...*»

Sex-appeal — половая притягательность. София Лорен — знаменитая актриса, кажется, испанская, шикарная брюнетка со сладострастными губами.

«*Мисс Кризис*». Недавно в местности, название которой не было опубликовано, в кругу собравшихся гостей были проведены выборы «Мисс Кризис 1956 года». Гостями, как утверждают, были владельцы многих промышленных предприятий США, а также дипломатические представители государств НАТО. Среди многочисленных подарков, какие получила «Мисс Кризис», был наинovelший автомобиль фирмы Джeneral моторс. На снимке мы видим «Мисс кризис» (вспомним, что в прошлом год произведены выборы Miss prosperity) в её

сельском владении на Флориде». Фото: невероятно костлявая и седая старуха в звёздном спенсере на полосатом платье.

16 февраля. Суббота.

В сегодняшнем номере «Сов[етской]. Башкирии» моя рецензия на кинофильм «Павел Корчагин» под названием «Живая история». Рецензия страшно опоганили. Два раза заставляли переделывать: редактор Давыдов в моих словах «подвозка дров в замерзающий Киев» вычеркнул слово «замерзающий». В окончательном принятом варианте я писал о недостатках артистах Ланового я писал: «частые срывы в крик». Кто-то из идиотов редакции переправил, и в газете читаю: «срывы на крик». Вообще, тошно было читать собственное детище.

Ладно. Уехал Алик Глезер, приехал Ренат Еникеев. Он мне рассказывал, как у них проходили «военные лагеря». Идут в строю, скучно, кто-то затынул: «На земле весь род людской...» в колонне смех. Чужая, что здесь что-то неладно, сержант командует: «Прекратить пение!» Идут. Опять тот же голос: «На земле весь род людской...» Разъярённый сержант кричит: «Отставить хулиганскую песню!» Анекдот.

Как поговорки, студенты повторяли две фразы: «Строй — это не конюшня» — и: «Курсант О'Генри». Вторая возникла так. Офицер видит книгу, валяющуюся в неподобающем месте. «Чья книга?» — грозно спрашивает он. Невинный ответ: «О'Генри». «Курсант О'Генри, почему здесь находится книга?» Долгое время служит пищей для острот, и мифический «курсант О'Генри» (Сидней Портер) начинает жить в реальном лагерном мире.

В институте у него, у Ренки, была история. Однажды ночью Ренка спал у себя в общежитии после некоторого возлияния. В дверь постучали, и женский голос крикнул: «Витьке плохо!» Одна девчонок будила из, а Витька был парень из их группы: его вообще-то не любили, он был грубый, надменный, хамоватый мужик, крестьянин родом, если не ошибаюсь (и не из умных). Двое из ребят помчались на место происшествия, а Ренка повернулся на другой бок.

Дело было в том, что этот Витька, большой бабник, привёл в общежитие на ночь студентку из их же института, привёл, а товарища попросил переночевать в какой-нибудь комнате. Эту девушку он растлил, до него она была не тронута, но, впрочем, сама отдалась ему с первого раза. В эту ночь у них был уже далеко не первый раз. Вообще Ренат говорит, что она какая-то психопатка, но, вероятно, у неё были основания ревновать. Короче в пять часов утра (что у них произошло — неизвестно), она произвела в него три выстрела из пистолета, который «стырила» у отца-военного. Видимо, у них было последнее и решительное объяснение, она ему уже надоела, и он давно отлынивал. К этому объяснению она готовилась заранее. К их обоюдному счастью, попала только одна пуля, и та лишь пробила навывлет мускулы груди. Когда Витька выписался из больницы, произошло очень бурное собрание, где подняли много грязи. Ворошились и реальные тайны, и отвратительные сплетни, выворачивались наизнанку интимные отношения студентов и студенток. Кричали о моральном разложении, о пьянках в общежитии. Студенты забивали обличителей кри-

ками с мест: «А ты видел? Откуда ты знаешь?» и т.д. Собрание не пришло ни к каким решающим результатам, хотя картина создавалась неприглядная.

Затем был суд над девчонкой. Витька всю вину взял на себя, и ей дали два месяца условно, но он так держался на суде, так хамил судьям, что те написали отношение в институт, и Витьку исключили. Её, по-моему, не исключили.

У нас в Уфе совсем недавно открыли тайный бардачок. Самое скандальное то, что он помещался в здании на улице Сталина, известном всем уфимцам: в этом здании помещается Дом Учёных, Общество по распространению политических и научных знаний. Здесь какая-то сторожиха устроила притон, дом свиданий, куда приходили семнадцатилетние школьники переспать со своими несовершеннолетними возлюбленными: были восьмиклассницы и девятиклассницы.

Ещё любопытный факт. В прошлом году в Москве ленинградский студент Фадеев (родом из Уфы, единственный сын у матери, врача) убил и изнасиловал Светлану Гармс, лучшую в Башкирии спортсменку, которой предстояло ехать на Олимпийские игры в Мельбурн. Это была красивая девушка, высокого роста, брюнетка. В Уфе они «дружили», но затем, повидимому, Светлана нашла себе что-нибудь получше, точно я не знаю. Фадеев вызвал её для объяснения в сквер возле общежития. Он требовал, чтобы она поехала с ним в Ленинград. Светлана отказалась. Тогда он нанёс ей три удара ножом и, когда она упала, изнасиловал. Затем он побежал к телефону-автомату и вызвал милицию, но, говорят, сначала плёл, что он её защищал, что её убили неизвестные и т.д. По другим рассказам, он обложил труп фотокарточками и письмами. Сейчас находится на психиатрическом исследовании.

Преступность среди молодёжи после 2-й мировой войны колоссально возросла во всём мире. У нас она проникла во все классы населения. Та же картина в США, в Польше, в Германии (знаменитые «Halbstarcken» — хулиганы в Зап. Германии и Берлины). Своего рода «потерянное поколение». *Преступники среди нас*. Обстоятельства жизни таковы, что *каждый из нас* может совершить преступление или стать его жертвой. Ведь нельзя же всё время сидеть в четырёх стенах своей квартиры или библиотеки. Административный террор — это полумера. Нужно менять условия жизни. Мы ведем чересчур активную внешнюю политику, зато внутренняя жизнь у нас по сравнению с двадцатыми годами заглохла. А без этого и внешнее положение становится шатким.

Деталь о «Шарикоподшипнике». «События» заключались в том, что там забастовал кузнечный цех: расценки низкие, работа тяжёлая. Кузнечный цех — ведущий; весь завод стал. Это была попытка введения новых расценок. «На Шарике», — как говорят в Москве. Один видный коммунист в этот день запретил женщинам из своей семьи выходить на улицу. Как это глупо! Как эти люди наверху утрачивают реальные представления о вещах. Они ничего не понимают. Они не улавливают настроений народа. Они перестают понимать реально существующую историческую тенденцию.

Меня примиряет с ними одно: они строят. Это нужно. Хотя, вероятно, по временам необходимы передышки. Америку раньше, чем через полвека, мы, вероятно, не догоним.

В смысле уровня промышленного производства. Военная промышленность у нас очень сильна. Атомных и водородных бомб больше, чем у США. Есть самолёты-«носители» и есть даже специальные полки-«носители». Есть и перехватчики. Но у нас нет баз, а они со всех сторон опоясали нас базами. Самая главная из них — Япония, она сплошная база. Если японцы не избавятся от Америки, то в будущей войне исчезнут с лица земли.

19 февраля. Вторник.

Шепилов больше не министр иностранных дел, его место занял Громыко. В Уфу скоро придет Ворошилов, награждать башкир за 400-летие добровольного присоединения к России. *Ходит слух, что Хрущёв будет председателем совета министров вместо Булганина.*

23 февраля. Суббота.

Ворошилов не приехал, был Тарасов. Раздал ордена. В политике предгрозовое затишье. Ничего особенного.

Я прочитал известную новеллу Самерсета Могэма «Безволосый мексиканец» (The hairless mexican). Брошюрка мелкой печати (акционерное издательство «Огонёк», Москва, 1929 г.) Мне нравится Могэм, его манера, его характерные концовки (я, правда, прочитал только две его вещи). Большая культура слова, достоверность образов. Его экзотизм, конечно, пережиточен. В XX веке экзотики не существует. «Безволосый мексиканец» начинается вопросом, а кончается восклицанием. Вот начало:

«Любите ли вы макароны? — спросил Р.

— Что вы хотите сказать словом «макароны»? — ответил Ашенден. — Это всё равно, как если бы вы меня спросили, люблю ли я поэзию. Я люблю Китса и Уордсуорта, Верлена и Гёте. Когда вы говорите «макароны», подразумеваете ли вы под этим спагетти, тальматели, вермишель, фетушину, туфолы, фарфали или собственно макароны?

— Макароны, — ответил Р., не любивший много разговаривать.

— Я люблю все простые вещи: варёные яйца, устрицы, икру, форель, копчёную сёмгу, жареную телятину (предпочтительно грдину), холодную тетёрку, паточный пирог и рисовый пудинг. Но изо всех простых вещей есть одна, которую я мог кушать целый день с неизменным аппетитом — это макароны.

— Я очень этому рад, так как хочу, чтоб вы поехали в Италию».

А вот конец новеллы:

«Сначала Ашенден ничего не понял, прочитал вторично и задрожал с головы до ног; потом, сразу потеряв всю свою сдержанность, выпалил хриплым и яростным шопотом:

— Кровожадный дурак, ведь вы убили не того человека!»

Надо, обязательно надо изучать форму по западным образцам. Нельзя писать новелл, если не читал Моравиа, Колдуэлла, Сарояна и Самерсета Могэма. Эксцентричное сопоставление, но это так. Мы исходим от Проспера Мериме и Эдгара По. Ко всему этому совершенно необходимо добавить Антона Чехова, но уж его-то форма проникла нам в самый мозг. Нам, в России, надо заново учиться западной новелле. Сочинители приключений помогают более серьёзным авторам в их учении и работе. Приключенческая, бытовая и психологи-

ческая новелла — школа романиста. А я мечтаю писать романы. Написать один великий роман — и умереть. Я согласен. Готов дать расписку кровью.

28 февраля. Четверг.

В «Известиях» от 26-го февр[аля]. напечатаны произведения литературы и искусства, представленные на соискание Ленинских премий и отобранные Комитетом по Ленинским премиям для дальнейшего обсуждения.

По литературе 4 книги: роман Леонида Леонова «Русский лес», цикл стихотворений Мусы Джалили «Моабитская тетрадь»; очерки Валентина Овечкина и литературное исследование Чуковского «Мастерство Некрасова». НЕ СОГЛАСЕН.

1 марта. Вчера, в 3 ч. дня, в Большом Кремлёвском дворце, старик Юон открыл I съезд художников. Иогансон сделал доклад о состоянии и задачах советского изобразительного искусства. Затем Шепилов прочёл приветствие ЦК партии съезду художников.

2 марта. Суббота.

Артур Миллер был вызван комиссией палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности. Комиссия интересовалась именами его коллег-писателей, вместе с которыми он якобы присутствовал на собраниях коммунистической партии ещё до второй мировой войны. Артур Миллер отказался отвечать. Он сказал: «Моя совесть не позволит мне использовать имя другого человека и причинить ему неприятности». Члены комиссии привлекли известного драматурга к судебной ответственности «за неуважение к конгрессу».

В момент открытия съезда скандальная дискуссия в «Литературной газете». В одной статейке Борис Полевой резко, но вполне заслуженно охаял две картины: картину самого Александра Герасимова под названием не то «Гоголь», не то «Птица-тройка» и весьма известную картину А. Лактионова «В новую квартиру». Последняя была репродуцирована когда-то в «Огоньке». Я давно говорил, что это чудеса цветной фотографии. Качество снимка великолепное, но все фигуры расставлены и явно позируют: ни одна порядочная газета не дала бы этого снимка. Полевой написал, что популяризация и печатание большими тиражами этих двух творений — просто издевательство над публикой. Полевой не открыл Америку: он просто напечатал то, о чём говорит вся Москва. Художники презирают Лактионова и Герасимова.

И вдруг в той же «Лит[ературной]. газете» появляется письмо, под которым стоят подписи старого дурака Фёдора Гладкова, Сергея Малашкина, Василия Бакшеева (почтенного и хорошего художника), Никанура Ханаева [Ханаев — певец из Большого театра], И. Саркизова-Серазини и какого И. Бэлзе. Они присоединяются к общей части высказывания Полевого, но яростно восстают против того, что пишет Полевой о Лактионове и Герасимове. Они кричат, что это «вкусовщина», что Полевой оскорбляет художников и т.д.

Полевой «вдарил» ответной статьёй «О принципиальности и «вкусовщине»» (28 февраля, всё та же «Литературная»). В газете Полевой сказал много интересного. Он бичует «грушу критиков и искусствоведов, в течение долгих лет окружавшую художника Гераси-

мова» — т.е. официальное руководство советского изобразительного искусства сталинской эпохи.

«Искусствоведы этой группы, считая себя монополистами в определении трактовки этого метода [Социалистического реализма — Р. Н.], не тратя времени на эстетический и идейный анализ, действовали логикой простейших противопоставлений: вот Александр Герасимов — это, конечно, социалистический реалист, а Сергей Герасимов — это эстет, он не достигает глубины художественной трактовки, в творчестве его есть следы импрессионизма. Вот Налбандян — это социалистический реалист, а Сарьян — нет, что вы, как можно, у его произведений экспрессионистский колорит. Вот Манизер — это социалистический реалист, а Коненков — нет, боже упаси, у него и пропорции в скульптурах надуманные, и анатомии он не знает. Вот портреты Вучетича — это образец социалистического реализма, а портреты Лебедевой — это субъективизм, это интимная трактовка».

Полевой обвиняет их в том, что они, эти вожди искусства, «старались вытолкать за пределы социалистического реализма многих великолепных, глубоких советских мастеров, как Сергей Герасимов, Сарьян, Коненков, Лебедева, как чудесный, всей мировой художественной общественности признанные гравёр Владимир Фаворский, как жизнерадостный и своеобразный певец молодости, красоты советской жизни Дейнека [Теперь-то уж ни к чорту — Р. Н.]. Пластова, самобытного мастера, полотна которого так и дышат радостью колхозного труда, человека, большую часть жизни проводящего в деревне, среди героев своих картин, эти критики пытались отлучать от социалистического реализма и даже не в одиночку, а хором обвиняли в... незнании колхозной жизни».

В то же время они захваливали А. Герасимова и его друзей, «в особенности их фальшиво-парадные, бездумно-лакированные холсты и скульптуры».

Очень хорошо, сдержанно, без злобы, но с горечью пишет Полевой о деградации Евгения Вучетича. Он высекает парадные скульптурные портреты маршалов, напоминающие «позднее барокко». «И крайним выражением той же печальной тенденции в творчестве Е. Вучетича кажется мне портрет А. Герасимова, демонстрировавшийся на последней академической выставке. Он представлял собой уже один сплошной, неистовый, ничего общего с жизнью не имеющий, запечатлённый в мраморе комплимент. А. Герасимов не остался в долгу. На этой же выставке в другом зале висел портрет Е. Вучетича работы А. Герасимова, отмеченный тем избытком величия и мужества, каким художники определённой школы отмечали портреты придворных свитских генералов в далёкие времена Александра I».

Между прочим, Борис Полевой приводит интересный факт (не зря ездил в Америку). «Весной прошлого года в американском журнале «Лайф» я видел репродукцию с картины А. Герасимова, изображающей сцену в женской бане. Признаюсь, полотну это, над которым автор, как мне сказали, усердно и весьма долго трудился, мне не понравилась: тема показалась, мягко выражаясь, странной, а исполнение — слишком уж натуралистическим». Полевой тут говорит, как идиот, но не в этом дело, важен сам факт. Я понял смысл слов,

оброненных однажды Эвелиной Фениной из музея: некоторые известные художники официально выставляли одни картины, а для себя и друзей писали совершенно противоположные вещи. Впрочем, эти голые бабы у Герасимова, кажется, написаны давно. Неважно. Факт, что наши мастера все эти годы писали тайком «ню», которые папа со своей кавказской ограниченностью и «пуританской моралью» считал безнравственными. «Ню» и сейчас наполовину под запретом, для меня было целым праздником увидеть в журнале «Искусство» репродукции чудной женщины Пластова, одевающей в предбаннике маленькую девочку. Картина называлась «Старая деревня». Какое милое тело было у женщины! Картину нигде не репродуцировали, о ней не писали или только упоминали очень глухо. А на последней выставке замминистра дал указание снять с экспозиции большое и смелое «ню» с четырьмя мощными женскими фигурами: закат солнца, берег реки, колхозные девки купаются после трудового дня. Нет, Борис Полевой дурак и ханжа, когда добродетельно ощеривается на голых баб в бане. Но в остальном Полевой прав.

«Картина А. Лактионова по манере исполнения в репродукции от цветной фотографии мало отличается. Но в отличие от упомянутого снимка она фальшива от начала до конца. Ну, скажите, какой подросток, войдя в новую квартиру, первым делом возьмёт, как икону, портрет товарища Сталина и станет показывать матери? Какая семья, переезжая в новый дом, потащит с собой старый плакат, какие бы хорошие слова на нём ни были написаны? Именно почти на такие же темы делались карикатуры на наше искусство, которые мне не раз приходилось видеть в самых реакционных иностранных журналах. . . »

«Что же ещё добавить? Да разве, что за последние недели после выхода статьи «Раздумья на выставке» [Статья Полевого, запалившая дискуссию — Р. Н.] разные люди — учёный, певец, скульптор, артист, писатель, два художника, одни с удивлением, другие с юмором, третьи с досадой рассказывали, что к ним приходил А. Герасимов или кто-то из его друзей и просили подписать уже готовое письмо. Подписей этих товарищей под письмом, разумеется, нет. . . »

Пожалуй, это самое сильное, что написал Полевой в своей статье. В докладе Иогансона один раз довольно скромно упомянут А. Герасимов. Лактионов не упомянут.

Из Уфы делегатами на съезд поехали Платонов и Кузнецов, мой любимец; гости — Ишбулатов, Домашников и, кажется, Пантелеев. Нет, не уверен, что Пантелеев. Пожалуй, Русских.

Выставлены там картины Кузнецова, Домашникова и Пантелеева. [У] Пантелеева выставили спорную картину «Весна. Голубые снега». Видимо, это интриги местных провокаторов. Но вообще жюри с большим одобрением приняло картины этих наших.

Это не всё. Оргкомитет съезда обратился в Уфу с просьбой прислать материалы из «Советской Башкирии» и «Ленинца». Стоит вопрос «о хулиганстве в критике». Значит, наши художники обратились в оргкомитет с жалобой на Каримова.

Интересно, к чему это приведёт?

Много ещё можно записать, но отложу на завтра.

Завтра — выборы в местные советы.

Сейчас у нас педпрактика, и я хожу в памятную мне 45-ую школу. Дал уже один урок (на «хорошо»).

На сегодня хватит.

3 марта. Опять о Чарли.

Когда пожилой мужчина в котелке и с цветном петлице пиджака бежал по улицам лондонского Вест-Энда, таща за собой пожарный рукав, полиция должна была охранять его от толпы восторженных поклонников. Это происходило во время съёмки фильма «Король в Нью-Йорке». В этом нет ничего удивительного.

Но вот действительно необычное приключение произошло с великим артистом в парижском метро. Выйдя из метрополитена, Чаплин нашёл в одном из своих карманов золотые часы. На следующий день он получил письмо, в котором неизвестный карманщик сообщил, что пользуясь давкой, он вытащил чьи-то часы и, увидя Чарли Чаплина, решил в знак своего уважения и преклонения перед его талантом преподнести этот «скромный подарок неизвестного почитателя». Тотчас об этом инциденте узнал весь Париж. И вскоре Чарли получил вторую анонимку, в которой обворованный владелец часов писал: «Я не хочу отстать в своём преклонении перед Вами от карманного вора». К письму была приложена. . . золотая цепочка к часам.

Я получил письмо из Харькова от двоюродного брата Витьки Гефтера. Он кончил ХАПИ (Харьковский политехнический) и работает на одном из заводов Харькова. Вот что он пишет:

«Здравствуй, Рома!

Поздравляем тебя с днём рождения и желаем после окончания института остаться в Уфе (та «за» или «против»?). Тётя Эся, конечно, за. Насколько я понял, ты становишься литературной знаменитостью, это очень хорошо. Что касается всяких каримовых и прочих гадов, то мне приходится ежедневно сталкиваться с подобными людьми и уживаться, и работать. Ты спрашиваешь, как работа? Я стал настоящим совслужаем из учреждения «Геркулес», нехватает только геморoidalной подушечки на стуле. Работа — как всякая работа — иногда омерзительна (целыми неделями приходится тереть кальки, поправлять чертежи), иногда интересна (ездили как-то осматривать тепловозы). В основном работа наполнена телефонными звонками, вызовами в цех, где каждый день обязательно что-то куда-то не влезает, штурмами и авралами в конце месяца (если не регулируется партия аппаратов, мы ездим на испытательной станции и настраиваем). Сейчас особенно бурное время — завод делает аппараты для Бхилайского метзавода в Индии, аппараты ведёт наша группа. Из цеха через каждый час прибегает какой-нибудь лапотъ и кричит, что нас надо разогнать и т.д. Кричишь на них, объясняешь, доказываешь, мотаешься по этажам и начальникам. В общем жизнь весёлая. Сейчас меня перевели (временно) на сдельную работу, работы столько, что пришлось согласиться, хотя это

и невыгодно. Сейчас мы разрабатываем аппараты для индийского тепловоза, возвращаюсь домой в 8–9 часов, встаю в 6.30...»

Из письма моего славного кузена на меня пахнуло чуждой и незнакомой мне жизнью промышленности, жизнью большого труда, которая неодолимо притягивает меня и когда-нибудь непременно притянет.

Мне всё твёрже кажется, что рано или поздно *я буду работать рабочим. Это моя судьба.* Я не журналист. Я писатель-рабочий.

6 марта. Среда. Алик Касимов уехал с женой и сыном, а Шурка Охотников приехал на две недели с молодой женой.

Продолжается съезд художников. Хорошую речь сказал старик Коненков. Во 2-м номере «Иностранной литературы» статья о творчестве Жигмонда Кишфалуди-Штробла. Фотографии. Изумительные фигуры: «Утро», «Женщина, вытирающая ноги», «Финал» и другие. Мне они очень понравились.

Съезд идёт. Что он решит?

Illustrierte «Zeit im Bild», № 1 за 1957 год. Кое-что интересное. Попробую перевести.

Безумие не знает границ.

«Nightclubs, голые танцовщицы, Rock'n'Roll для тех, кому бумажника недостаточно, уже мало привлекательны. Монеты должны звенеть, говорят они себе, крепко чешут в ухе, и вот уже являются новые «смелые» идеи. Чикаго получил «Клуб ключа», а Лондон — свой «Пижама-Бар».

[Дальнейший текст — подписи к фотографиям. Вверху — Дед Мороз и тонконогая девушка на высоких каблуках, в очень скудном костюме танцовщицы; они хлопчут около ватной или снежной бабы. Снимок внизу — юноши в халатах прижимают к себе в танце девушек в полупрозрачных комбинациях или коротких, до бёдер, курточках поверх белых трусов; одна пара целуется. Снимок посредине изображает шикарный бар (т.е. стойку).]

«Клуб ключа» («Schlüsselklub») — так называется «самый оригинальный в мире ночной бар», открытый в Чикаго «только для миллионеров», в котором отпраздновано рождество и новый год, так как открытие совпало с праздниками. Каждый член получает золотой ключик, которым сам может открыть двери клуба. Вход каждый вечер обходится всего-навсего в 250 марок. Но зато имеется «бесплатно» сект [Der Sekt — шампанское] и фазан. За стойкой бара (слева) утекает в год через изопрённые глотки кругленькая сумма в 40.000 долларов. В ближайшее время в Нью-Йорке и, естественно, в Париже должны открыться филиалы. Следовательно, предприятие окупается...

«Rujama-Bar» — ночной ресторан в лондонском квартале удовольствий «Сохо» («Soho»). Здесь также не всякий будет желанным гостем, о нет! Доступ имеет только богатая молодёжь, которая — одетая в свои лучшие ночные туалеты — в этом новом увеселительном заведении качается [в тексте «rockt» — иронич. неологизм от англ. Слова «rock» («and roll»)] и потеет. При всех этих демонстрациях безумия за устроителями скрываются люди, ко-

торые громче всех проповедуют сохранение западной культуры. Своеобразное понимание культуры!»

В этом же журнальчике фото: мужчина и женщина сидят на полу с кучей маленьких детишек-чёрных, белых и жёлтых. Это знаменитая негритянская танцовщица Josephine Baker. Она вернулась из всемирного турне в свой дворец «Les Milandes» (Южная Франция). Теперь она живёт здесь со своим мужем и восемью сиротами различных наций и цветов кожи. Этим детям она стала любящей матерью.

В журнале статья с крупным заголовком «MORD» (убийство). Подзаголовок: «Нарушения сообщений, мятеж, поджог». Ещё мельче: «Международная гангстерская банда оперирует на немецкой земле». «Нарушения сообщений» — это знаменитые шары. Рассказывается о знаменитой катастрофе в Словакии, когда в январе 1956 г. упал пассажирский самолёт типа «DC 3», причём 22 человека (в том числе весь экипаж) разбились или сгорели, 4 человека были тяжело ранены. В двух километрах от места катастрофы нашли остатки баллона — одного из тех, которые уже с 1955 года засылает в воздушное пространство радиостанция «Свободная Европа» (Мюнхен). Вся статья направлена против этой радиостанции, называемой английским сокращением RFE (Radio Free Europe).

Один раздел статьи назван: «Мятеж, линчевание, поджог».

«Будапешт, конец октября 1956 года. Дома горят, люди лежат в собственной крови, мятеж. . . Недавно ещё сиявший город представляет страшную картину. В одно из зданий бешеной толпой брошены заряды ручных гранат. Пожар. Поджигатели стреляют в убегающих людей. Человек прыгает с верхнего этажа. Когда он лежит на земле с разбитыми членами, но ещё живой, пара фанатиков прыгает на содрогающееся тело и затаптывает его досмерти. На фонарный вздёргивают на верёвке человека, предварительно сорвав с него одежду.

Позади толпы в одной группе стоят двое людей, спокойно наблюдают жуткую сцену, затем один покидает группу и исчезает в каком-то доме. Вскоре после этого коротковолновой передатчик шлёт в эфир своё донесение: «Всё удалось, ожидаем дальнейшего подвоза». Те, которым был послан этот зов, сидят в архитектурном комплексе в Мюнхенском Английском Саду, в «Radio Free Europe». Один даёт инструкцию: «Ободрайте далее — ставить в перспективу помощь — но косвенно. Инструкции к освобождению даём в следующих транспортах!» Он потирает себе руки — всё удалось. . . »

7 марта. Тот же «Zeit im Bild». Фотоочерк о Вене. Вот две текстовки:

«Молодая Вена носит Petticoats [Англ. the petticoat — нижняя юбка]. Дразняще, игриво-грациозно выглядывают из-под платья тонкие нейлоновые или перлоновые нижние одеяния и делают их носительниц ещё соблазнительнее, чем обычно. Венки одеты не всегда элегантно, но всегда шикарно, и в этом для них хорошо любое средство. Завидные женщины. . . »

«Стар и млад в Вене пьют кофе в любое время дня; со сливками, с кремом (mit Schlagobers), с коньяком, чёрный, коричневый, ореховый, золотой, мокка, эспрессо, есть

двадцать различных видов... Рядом всегда стоит стакан воды. Кофепитие стало церемонией. Вена и кофе — неразделимые понятия».

Из журнала «Dookoła świata», № 43 за 1956 год.

«Аристотель Онассис (Arystoteles Onassis) — известный греческий арматор, состояние которого оценено в 800 миллионов долларов, был необычайно горд, когда ему удалось позвать к себе на приём Эрнста Хемингуэя. Несмотря на все усилия хозяина, знаменитый писатель сидел молча.

— Кто имеет много денег, может себе позволить роскошь не думать о них, — сентенциозно произнёс Онассис.

Хемингуэй молчал.

— Когда я делал свои первые дела, у меня в кармане не было гроша ломаного, — пробовал дальше Онассис.

— Но люди, с которыми вы делали дела, вероятно, имели денег полные карманы, — сказал наконец Хемингуэй.

Онассис больше не приглашал его».

Я помню тот номер «Paris match». На свадьбе Грэйс Келли был Онассис с женой; он похож на знаменитого клоуна, а она — худенькая, с голыми руками и парой жиденьких *«таттас»*, болтающихся в глубоком декольте.

Кстати, о Грэйс. «Dookoła świata», № 51–52 (двойной) от 23 дек. 1956 г. Цветное фото под заглавием «Семья». «Княгиня Грэйс Ренье вернулась в Монако из долгого свадебного путешествия, которое было, судя по снимку, последним путешествием семьи в таком малочисленном составе». Ренье во фраке и беременная Грэйс в широчайшем платье.

9 марта. Суббота.

Вчера ~~или позавчера~~ в Черниковске взлетел на воздух пятиэтажный жилой дом. Жильцы давно жаловались, что у них газ подаётся под очень слабым давлением. Должностные лица не обращали на это должного внимания. Никто не заметил большой утечки газа. Этот газ очень тяжёл, он скапливался в подвале. Кто-то пошёл в подвал неизвестно за какой надобностью и зажёл спичку. Произошёл страшный взрыв. Рабочие, разбирающие обломки, находят детские трупы без голов или, наоборот, оторванные конечности, куски тел. Вообще масса жертв (пятиэтажный жилой дом — не меньше пятидесяти квартир, в лучшем случае в доме было в момент взрыва 200 человек).

Между прочим. Я узнал о подлости. Фадеев официально оклеветан. Последний год перед смертью он совсем не пил. Он вылечился от запоя. Самоубийство было вызвано другими причинами.

15 марта. Пятница.

Тот дом взорвался не весь, взорвались две секции (середина здания). Но все пять обрушившихся этажей засыпали подвалы и нижние квартиры. Жертв очень много. Подозревают вредительство, т.к. говорят, что балки не должны были обрушиться. Значит, дело связано с самим строительством. Дом был недавно сдан в эксплуатацию. Накануне взрыва въехали

последние жильцы. С утра не было газа. С утра позвонили в горгаз. Пришли два слесаря (кто говорит — семь слесарей). Больше их не видели. Жильцов из верхних этажей спускали не верёвках, детей сажали в вёдра (лестницы рассыпались).

Вскоре после взрыва место бедствия оцепила милиция. Всё время там стоят легковые машины и ходят люди в погонах. До недавних дней землекопы-спасатели, работавшие в несколько смен, слышали под развалинами стоны.

«Dookoła świata», № 43, 1956 год.

Двойная жизнь Агаты Кристи.

«Английская писательница всемирно известных криминальных повестей — Агата Кристи, которая в числе других создала образ бельгийского чемпиона детективов — Пуаро (Poïrot), ведёт двойную литературную жизнь. . .»

Для уравновешения 57 доселе созданных пропитанных кровью криминальных повестей и 7 театральных пьес такого же содержания, эта почтенная 63-летняя писательница последние 20 лет писала в совершенной тайне романтические новеллы и несколько книжек-романов (kilka ksi azek-romans ów).

Они изданы под псевдонимом Мэри Уэстмэкотт (Mary Westmacott).

Фамилия Кристи (Christie) тоже не настоящая, в документах писательницы стоят имя и фамилия: Mary Clarissa Maloowan). Её муж — профессор археологии в Лондонском университете и три месяца в году проводит в научных путешествиях в Африке и Азии. Госпожа Агата всегда сопровождает его, используя эти поездки для собирания материалов к своим повестям. . . »

Agatha Christie. Я что-то слышал о ней, но ничего не читал.

«Dookoła świata», № 49. 1956 год.

Трудный выбор.

«Можете ли представить себе восхищение, которое охватило всех, пожалуй, девушек во Франции, когда в одном из популярнейших еженедельников «ELLE» появилось объявление о большом конкурсе, связанном с постановкой нового фильма, основанного на материале повести Франсуазы Саган «Bonjour Tristesse» — “Здравствуй, печаль».

Целью конкурса было отыскание новой звезды, которая исполняла бы в фильме роль молодой, 17-летней Сесили, героини этой известной уже у нас книжки.

Условия конкурса были чрезвычайно трудные. Нужно было иметь от 16 до 21 года и, естественно, немножко счастья. Кроме этого, надлежало прислать в редакцию журнала три снимка формата 6х6 (один в фас, один в профиль и один в купальном костюме, т.к. много сцен происходит на пляже). Остальное уже зависело от жюри, в состав которого входила Франсуаза Саган, Отто Преминже (Preminger) — режиссёр — и представительница редакции «Elle».

Так как на конкурсе было прислано свыше полтора тысяч прекрасных фотографий, был принят метод этапного отбора. Только пятнадцать девушек, прошедших все очередные этапы, должны были предстать для последней пробы перед кинокамерой. Каждая из них

имела исключительную возможность осуществить мечту почти каждой девушки — стать кинозвездой, и причём в фильме, который стал популярен ещё до его появления на экране. . .

. . . Выбор пал на молоденькую парижанку Жизель Франшомм. Она высокая, светлая блондинка с красивыми зелёными глазами. Рост Жизели 1,75 м, вес 56 кг, она прекрасно владеет английским и испанским языком. Экзамены на аттестат зрелости она сдала на круглые пятёрки. Действительно, она является точным воплощением всех качеств Сесили. Как и Сесили, ей 17 лет, она прекрасно плавает, умеет управлять автомобилем и курит папиросы. Зато она не переносит виски. Танцует с увлечением буги-вуги и хороша собой без всякого грима. Её страстью является кино, а наибольшей мечтой было играть в фильме. Вы хотите знать, что она читает? Более или менее то же самое, что и все девушки её возраста на целом свете. В библиотеке Жизели несколько томов Бальзака стоят по соседству с томами Марселя Пруста, а стихи Виктора Гюго — с целой массой криминалов и подшивок итальянских и американских киножурналов.

Жизель сейчас снимается в пленере на Лазурном Берегу. Нужно ожидать, что уже в будущем году мы увидим её на экране».

16 марта. Суббота.

Ограбление аптеки. На Советской улице; если не ошибаюсь, 29-ая аптека. Ночью. Вошли с улицы. Морфинисты. Взяли 1500 рублей и все запасы наркотиков. Тут же сделали себе инъекцию: на полу валяются шприцы. «Шприцев никогда не кипятят», — с профессиональной брезгливостью заметила кстати о морфинистах Любовь Ильинична Шурова, от которой я узнал эту историю.

Наша соседка Нина Юльевна прежде работала в аптеке. Она ничуть не удивилась, услышав это. «Они на любое преступление пойдут. Наркоман может за грамм морфия убить человека. Сколько раз они нас в аптеке выпрашивали, плакали, на колени становились прямо посреди комнаты. За всю свою практику я видела только одну женщину, которая сама, добровольно, бросила потреблять наркотики. Только один случай. . . Это труднее, чем бросить пить. Нужно иметь сильную волю. Эта женщина сразу поправилась, пополнила. Я их столько перевидала! Сидит он, голову опустит, дремлет, а пот с него и льёт, градом капится — значит, ему пора принимать. Сделает укол — и сразу другим человеком становится: энергия появляется, глаза блестят. . .» — Значит, вы им продавали? . . .

«- А как же! Они приносили подложные рецепты, к врачам ходили. Всё берут: кокаин, морфий, парегорик. . . Парегорик? Это от кашля лекарство, в его состав входит кадеин, лакричный корень, опий и ещё что-то. Им главное опий».

Никита Сергеич наводит порядок. Теперь в Советском Союзе только три человека получают зарплату в 10.000 рублей: Хрущёв, Булганин и Ворошилов. Министры получают по 6.000 в месяц, а раньше получали по 20.000. Это очень хорошо, это правильно. Незачем создавать советскую аристократию. Никаких конвертов! Больше всех в стране денег получают сегодня академики, директора важнейших заводов и знаменитые писатели.

«Dookoła świata», 37й номер за 1956 год.

«Туристы. Парижские газетные издатели неистовствуют, так как мимо их внимания прошло то, что в группе советских туристов, которые в своём путешествии на Запад посетили Париж и Италию — были также дочь сестры Булганина и дочь Хрущёва. Зато обе были открыты пронзительными итальянскими репортёрами. . . »

«Это не сплетни. Отто Скорценни, известный военный преступник, «освободитель Муссолини», получил недавно вновь при посредничестве австрийского посольства в Мадриде австрийское гражданство. Скорценни, который, спасаясь от правосудия, укрылся в Испании, работал здесь после войны представителем нескольких больших западногерманских фирм.

Пабло Пикассо, известный французский художник, пытался убедить привратника роскошного отеля в Каннах, что он - Пабло Пикассо. Привратник принял художника за нищего (Пикассо одевается очень небрежно) и пытался вытолкнуть его силой из холла отеля. Только вмешательство находившихся в отеле спасло Пикассо из затруднительного положения».

«Dookoła świata», № 35 (26 августа 1956 г.) «Гай Барджесс (Guy Burgess), британский дипломат, пять лет назад исчез при таинственных и сенсационных обстоятельствах вместе с руководителем американского отдела Форин Оффиса (Foreign Office), Маклингом (Maclean). На западе предполагали, что оба видных сотрудника британского Министерства Иностранных дел бежали в Советский Союз. Однако молчание Советского Союза оставило этот вопрос неразрешённым до самой весны текущего года, когда Барджесс и Маклинг сделали на пресс-конференции в Москве совместное заявление. Недавно вернулась в Лондон мать Барджесса, которая провела вместе с сыном четыре недели в одной из черноморских курортных местностей. Господа Барджесс заявила, что её сын «очень счастлив»».

«Dookoła świata», № 36 (2 сентября 1956 г.)

«To nie plotki¹

Романо Муссолини, джазовый пианист (в настоящее время безработный), сын повешенного диктатора, а также его сестра Анна Мария Муссолини — в ближайшем будущем начнут получать постоянную пенсию от итальянского правительства. Анна Мария в размере 120 тысяч лир в месяц, Романо — в размере 60 тысяч. Эти пенсии были присуждены детям Бенито Муссолини римским судом, так как они, говорят, не в состоянии прокормиться самостоятельно.

Джексон Х. Килгор (Jackson H. Kilgore), солдат американских авиационных войск, арестован на атолле Энвенток за «разглашение военной тайны». А именно, он сообщил выходящей в Гонолулу газете, что американская водородная бомба, взорванная 21 мая, разорвалась на целых 5 км от заданной цели. Руководство американской авиации подтвердило сообщение Килгора.

¹Это не сплетни (пол.)

Анна Паукер, бывший министр иностранных дел Румынии, заключённая в тюрьму в период политических процессов, которые в ряде стран народной демократии повлекли за собой трагические жертвы, находится сейчас на свободе и проживает в Бухаресте, в изящной вилле на улице доктора Коха. Итак, слухи о её смерти оказались ложными. Анну Паукер поселила некая английская журналистка. Госпожа Паукер сердечно беседовала с ней об античном искусстве и... кулинарных рецептах, но старательно избегала всяких политических вопросов, а также личных дел.

Хайле Селассие I, император Абиссинии, получил от итальянского правительства зонтик от солнца, генеральскую шапку, дипломатическую униформу, барабан и 200 серебряных тарелок. Все эти предметы захватил Муссолини во время своей экспедиции в Абиссинию в 1936 году. Императору будет, вероятно, возвращён также обелиск из-под Аксума, увезённый Муссолини в качестве военного трофея. Сейчас обелиск находится в Риме и охраняется день и ночь полицией, обеспокоенной заявлением неофашистов, что они взорвут обелиск, если он действительно будет должен вернуться в Аксум».

Насчёт «Шарикоподшипника».

Уговаривать ездил не Молотов, а Первухин. Завод стоял три дня. Забастовал, как я уже писал, один кузнечный цех. Дело было не в новой тарифной сетке. Заводское руководство произвольно, по своей инициативе снизило расценки в кузнечном цехе: не по разрядам, а за деталь. Рабочий, получавший 2.000 в месяц, стал получать 600 рублей. Это внутривзаводское изменение тотчас упразднили, главбуха сняли. Но «Шарик» уже работает по новой тарифной системе, она уже вводится на многих заводах...

17 марта. Воскресенье

Из польского журнала «Вокруг света» № 39 за прошлый год. Статья Войцеха Гелжинского о туристической поездке по Чёрному морю. Один раздел статьи называется «Жизненный уровень?» — о жизненном уровне в Советском Союзе (на примере богатых областей страны).

Жизненный уровень?

«От ответа на вопрос: «лучше или хуже?» — я и так не увильну, поэтому прямо заявлю: не знаю! Хотя бы потому, что заработки несколько ниже, чем у нас, но покупательная способность рубля значительно выше. Хотя бы потому, что обладание автомобилем в СССР вещь довольно обычная, на собственных автомобилях ездят настоящие горняки и настоящие колхозники, в чём я много раз имел случай убедиться лично. Но зато люди одеты плохо, безвкусно, выбор тканей в магазинах мизерный, качество плохое. Но зато непрерывная толкотня перед прилавками «kultowarów» — «Fiedy», «Zorki» (от 700 рублей) и «Kiewy», радиоприёмники, магнитофоны, проигрыватели, холодильники, электролюксы пользуются огромным спросом. Но зато качество блюд в ресторанах совершенно не соответствует цене. Но зато вина, фрукты, кофе, чай — дешёвы. Но зато квартиры обставлены примитивно, за исключением вышеупомянутых электротехнических товаров. Но зато огромное количество отдыхающих и пациентов в санаториях — это рабочие от станка, крестьяне от плуга,

железнодорожники от топки. Это не значит, что нет также санаториев особенно роскошных, в которых преобладают люди тяжело. . . протезируемые.

Между прочим, и из Польши».

18 марта. Понедельник.

Прошлогодние подробности и детали. Египтяне не только снесли статую Фердинанду Лессепсу в Порт-Саиде (и по-моему, напрасно). Они переименовали корабль «Хедив Измаил» в «Клеопатру». Хедив Измаил в своё время продал Великобритании принадлежавшие ему акции Суэцкого канала, благодаря чему англичане получили решающее влияние в этом районе.

23–24 марта. Ночь с 23 на 24 марта. С субботы на воскресенье.

Весь март прошёл в буранах и морозах.

Гарри Иващенко пишет из Воронежа: «О себе могу сказать, что порчусь и в нравах изменяю нашей честной компании: купил зелёную шляпу, туфли на каучуке и т.д. Научился танцевать, за танец передвигаясь на 0,5–1 м. А главное, отпустил усы! (но об этом никому ни слова). Пробовал начать пить столичную, но после одного раза, когда у меня сильно развязался язык (а ты знаешь, я и трезвый люблю похвастаться), а пьяным подавно. Я чуть не проговорился о работе, а это могло бы плохо кончиться. Так что стараюсь пить в меру».

«Dookoła świata», № 38 за 1956 год.

Карьера

«В последние недели известный итальянский режиссёр Витторио де Сика снимал на палубе яхты бывшего короля Фарука некоторые сцены для фильма «Повесть о Монте Карло», возбуждая заинтересованность многочисленных туристов. Среди них оказалась также 21-летняя Цинтия Купер, англичанка, по профессии почтовая служащая. В какой-то момент Артур О'Коннель, который в этом фильме играет рядом с Марлен Дитрих главную роль, сбежал с палубы на сушу и догнал мисс Купер. В тот же самый день Витторио де Сика поручил сделать пробные съёмки с мисс Купер, говоря: «Пусть синьорина сначала покажет, что у неё есть, потом увидим, что синьорина сумеет сделать». Кадры получились великолепно. На следующий день мисс Купер была ангажирована на фильм. Таким образом, быть может, благодаря предприимчивости и хорошему глазу известного де Сики, итальянское кино получило новую звезду».

На фото-улыбающаяся блондинка в лифчике, узеньких плавках и белых полуоткрытых туфлях. Фигура очень хорошая, только руки и ноги несколько тяжеловаты: ранняя женственность, чистое белое мясо. . . Каннибалы, вероятно, с восхищением кушали таких. Впрочем, зачем обижать каннибалов, приписывая им собственные садистские наклонности.

25 марта. Понедельник. Из «Лит. газеты» о Франсуазе Саган.

[Содержит вырезку из газетной статьи «Франсуаза Саган и ее французские критики»]

26 марта. Вторник. Из того же «Dookoła świata» № 38. Из отдела «To nie plotki»².

²Это не сплетни (пол.)

«Дмитрий Трофимович Шепилов, советский министр иностранных дел, снискал большую известность во время лондонской конференции, посвящённой Суэцкому вопросу. В Лондоне его называли «Звездой русской прерии», а многочисленные молодые девушки долго ожидали перед советским посольством прибытия Шепилова, чтобы попросить у него автографа. Только «Taylor and Cutter», английский журнал, который в вопросах мужской моды произносит в Англии последнее слово, подчёркивая с удовлетворением, что министр Шепилов появился однажды вечером в элегантном смокинге, критически заявил, что советский государственный деятель имел на себе галстук-бабочку (posiadał muszk e), завязанный фабричным способом, а не ручным. Точно так же перед рубашки Шепилова не был накрахмален, что, правда, удобно, но резко расходится, с канонами мужского изящества». Правда, Шепилов уже не министр. Непонятно, почему его сместили.

31 марта. Воскресенье.

На этой неделе, кажется, в пятницу в Уфе была проведена учебная тревога. Вечером на 20 минут (или 30?) станция выключила ток. Город погрузился во тьму, исчез, растворился в ночи. Стояли трамваи. В кино и в театре зрительный зал 20 минут скучал во мраке. Телефон работал. Над городом медленно проплывали светящиеся точки самолётов. Один раз я видел из окна короткое сияние, вероятно, осветительная бомба. Дети были в восторге от этой забавы. Весь вечер они приставали к прохожим: «Дядя, скоро будет тревога? Дядя, когда сирена загудит?»

Вчера я видел художника Алексея Кузнецова, бывшего делегата I съезда художников. Он рассказывал много интересного. Ленинградская организация художников (наиболее левая) хотела выступить против партийного руководства, но их, всех записавшихся в прениях, вызывали к Суслову и Шепилову, потолковали с ними, а потом Шепилов выступил на съезде и предупредил их выступления, сам поставил эти большие вопросы и сам на них ответил.

Мартиросу Сарьяну не дали договорить. Видимо, на съезд посылались наиболее благонадёжные, самые правые художники. Сарьян проговорил 10 минут-по регламенту всё. Председатель прервал его, большая часть делегатов зашумела, затопала ногами, не дала говорить Сарьяну, хотя он хотел сказать многое. Вообще, у Кузнецова осталось несколько тяжёлое, неприятное впечатление от съезда. Он говорит, что шаг вперёд сделан, работать будет легче, теперь не так уж просто будет наклеивать ярлыки, но *теперь будет мешать сама среда*. Я с ним согласен. Засилье дурного вкуса.

Но Сарьяна выбрали в правление, а Александра Герасимова нет. Александр Герасимов теперь конченный человек. Он вызвал к себе слишком много ненависти.

В заключение устроили капустник, на котором под видом дружеской шутки было сказано очень много горького и злого. Кузнецов подробно пересказывал эти номера. В них было высказано много такого, о чём умолчали на съезде. Из всего, что он сказал, я понял, что в живописи медленно, но неуклонно наступают лучшие времена.

Лозунг дня таков: метод социалистического реализма не исключает разнообразия индивидуальных стилей. Но-никакой групповщины. Художники одинаковых взглядов не в праве

образовывать организованные группировки. Это значит, что группировки будут существовать негласно, нелегально, подпольно.

Если уж Врубеля притягивают к реализму, значит, действительно, время переменялось.

Но я не могу забыть эту страшную благоглупость, когда на последней выставке сняли две больших картины с обнажёнными, в том числе и пластовский предбанник.

17 апреля. Среда.

Я совсем забросил дневничок. Столько событий произошло, а я люблю эту тетрадь только в спокойном состоянии.

О всех событиях даже не хочу писать. Несчастье у Вити Торопчина, но об этом как-нибудь потом. У меня сложилось нехорошо.

Прошло распределение. Редактор «Ленинца» Дашкин довольно неохотно написал письмо нашему директору Чанбарисову с просьбой направить выпускника Назирова в распоряжение газеты. Письмецо это не приняли во внимание. Нужно было действовать через Министерство просвещения или обком. Но я узнал, что уже довольно давно Евгений Петрович Бирюков и сам Дашкин высказывались в узком редакционном кругу против того, чтобы брать меня. А Женя Бирюков всё это время оставался моим лучшим другом. Да, я плохо знал его. Сам Дашкин прежде дал мне согласие, чтобы затребовать меня в газету, но когда подошло к распределению, Дашкин заявил мне, что свободных мест нет. Однако, уступая моему мягкому нажиму, он припомнил, что Венера Гареева уходит учиться, и одно местечко освобождается. Ну, и составили это письмо, а распределительная комиссия не придала ему особого значения.

Итак, мне дали Уршакскую среднюю школу Аургазинского района. Я подписался.

Ещё одна мечта разлетелась прахом. Правда, это была программа-минимум (работа в «Ленинце»), только один из путей. Но это был, мне казалось, самый прямой путь.

Сейчас не пишется. Последний мой большой рассказ («Два лица города») явно не удался. Было кое-что, но в целом не удался. Витька его похвалил. Юра Дерфель сказал, что таких, как Владислав (герой рассказа), он видел, а героиня выдуманная. На творческом кружке славные, непредубеждённые ребята по моей просьбе оценили рассказ в пятибалльной системе оценкой «три». Я согласился с общим приговором, но их суждение было таково: героиня получилась ярко и выразительно, а герой-надуманный, таких не бывает. В общем, Юрка Дерфель плохой критик.

Но я не могу ничего писать. Хочу работать по-новому, чувствую, что у меня слишком рано начал вырабатываться свой шаблонный почерк. Мечтаю писать юмористические рассказы, но не знаю, с какого конца браться. Вообще-то юмор-это не моё. Не знаю. Ничего не знаю.

Последние труды-студенческая полоса в «Ленинце», которую я делал вместе с Булатом Рафиковым, затем в «Советской Башкирии» заметка о Мурильо и рецензия на фильм «Тайна двух океанов».

Сейчас я готовлюсь к первому курсовому экзамену-советская литература. Принимать будет М. Г. Бараг. Прочёл подряд три романа Федина (дилогию и «Братья»). Теперь буду читать Леонида Леонова. Нелюбимые писатели. Не волнуют. И о любви оба пишут плохо.

3 мая. Скучно прошёл праздник. Во второй половине апреля я сдал на пятёрки свои курсовые экзамены, истмат и советскую литературы. Не радуется весна. За весь год я написал один большой рассказ «Лицо города» или «Два лица города». В нём есть много хорошего, но напечатать его нет возможности.

Я узнал о грязных денежных махинациях, которые вскрылись в редакции «Ленинца». В одной из них главную роль играет Раис Фаткуллин, который давал работу молодым авторам (кажется, студентам) и брал с них 50

Теперь до Дашкина дошла простая истина, что это опасно. Редактору размечать гонорар заместитель, но Хусаинов и Туманов не такие люди. И вот разметку составляет редактор с ответственным секретарём, один пишет 200 рублей другому, а другой-200 рублей первому. Кстати, Бирюков принят кандидатом в члены партии.

Ну, это к слову. Я хочу записать одну обыкновенную историю. Из Омска со знаменитого строительства приехал на побывку Лёна Гоголев, милый и славный парень. Он пошёл на эту стройку после десятилетки по комсомольскому призыву. Мы заговорили о мании самоубийств в современной молодёжи, о том, что в Уфе застрелился знакомый Лёни-Юрка Бугров, что у него нашли антисоветский дневник и что он был связан с вражеской разведкой. Я не поверил в это. «У нас в Омске монтажник повесился», — неожиданно сказал Лёня.

Этот монтажник выступил на каком-то собрании и резко критиковал начальство: там была какая-то «афера», крупное служебное воровство. Его в тот же миг уволили по *сорок седьмой статье*. «Эта 47-ая статья самая страшная: по ней увольняют за пьянство, хулиганство, прогулы, за всякие производственные проступки. Кто уволен по 47-ой статье, того нигде не возьмут на работу, разве что в какую-нибудь шарашку. Все пути ему закрыты. А ведь монтажники здорово зарабатывают: по две, по три тысячи за месяц. . . » Видя своё гибельное положение, молодой монтажник решил уйти эффектно.

Он поднялся рано утром на строящуюся телевизионную вышку (вышина 120 метров). Вышка расчалена тросами, на один из тросов он надел свой монтажный пояс, другой конец повязал себе на шею, оттолкнулся и полетел вниз. Вероятно, это было фантастическое зрелище! Он скользнул по наклонной вниз-уже мёртвый. На высоте 30 метров от земли на тросе находится узел. Здесь-то и остановился летающий покойник. Зацепившись монтажным поясом за этот узел, труп повис прямо над дорогой. Он был виден отовсюду, а снять его очень трудно.

Директор, в которого рикошетом попал пострадавший из-за него самоубийца, посажен в тюрьму. Суд ещё не состоялся.

Значит, и рабочие убивают себя.

В завершение записи-одну небольшую новость, которая дошла до меня с большим опозданием и страшно поразилась: у ЭЛЬВИРЫ РОДИЛСЯ СЫН. А я даже не знал, что она беременна. Говорят, вскоре после смерти матери. Ей очень трудно. Ребёнка уговорились послать родителям Леонида, но она его ещё кормит, отсылать нельзя, а сейчас ей нужно кончать институт! И я ничего не знал.

10 мая. Пятница.

Галя Кириллова говорит, что якобы насчёт Эльвиры неправда, нет у неё ничего подобного, что всё это выдумки Мины Лукашевской.

13 мая. Феликс Петрович Чернуха и Галина Константиновна Козьминых сочетались законным браком. Они будут жить в Уфе. Феликс кончает геологический факультет МГУ, уже получил назначение в институт геологии Башкирского филиала Академии наук.

Я бездельничаю. У меня, пышно выражаясь, накапливаются количественные изменения для скачка. Но переход количества в качество произойдёт не скоро. Лень и апатия. Эгоизм одолевает, а эгоизм враждебен творчеству.

Хочу бросить курить. Хочу заняться физическим своим развитием. Хочу полюбить кого-нибудь. И во всём мешают лень, несобранность, мечтательность, обломовщина.

14 мая. Вторник.

Странная весна: нет мух, нет комаров, почти нет пчёл. В чём дело? Говорят, *ионизация дошла до Уфы*. Всю весну дипломаты и пацифисты танцевали вокруг запрещения испытаний ядерного оружия. Япония взывала к Англии об отмене намеченных испытаний, обращалась к нам. И вот СССР объявил об отмене своих испытаний. Подозреваю, что Всемирный Совет Мира не сыграл в этом большой роли. Просто у нас нет подопечных территорий, и мы не можем взрывать свои бомбы на коралловых островах Тихого океана. А Сибирь уж, наверное, насыщена радиоактивными остатками до предела. Уже становится опасным просто загорать на солнце. Лучевая болезнь лишает человека половой потенции, ослабляет организм и отдаёт его на растерзание всем инфекционным болезням. Это самое страшное, что было в истории человечества.

19 мая. Воскресенье.

Нет, до отмены испытаний не дошло. Хуже: англичане взорвали свою бомбу в Тихом океане и будут взрывать ещё. Американцы ушли с Тайваня, но взамен дали Чан Кай-ши ядерное оружие. Комары и мухи начали появляться, но мало. В мире продолжает сохраняться положение неустойчивого равновесия. Дух Женевы убит осенью прошлого года.

Что новенького?

10 мая главный редактор газеты «Нью-Йорк таймс» Тернер Кэтледж, который прогулялся по Советскому Союзу, посетил музеи Ленинграда, Москвы и Киева, присутствовал на Первомайском параде в Москве, — 10 мая он имел беседу с Хрущёвым. В этой беседе Никита Сергеевич, как всегда, сказал много интересного и, по обыкновению, кое-что брякнул безответственно. Передо мной газета, выписываю по порядку.

Хрущёв: «Если говорить более определённо о международной напряжённости, то дело, очевидно, сводится в конечном счёте к отношениям между двумя странами-между Советским Союзом и Соединёнными Штатами Америки. Если говорить образно, то можно сказать, что, подобно тому, как необходимо постепенно срывать листья с кочана капусты, чтобы обнаружить сердцевину, так и в данном случае, если постепенно снимать все нерешённые или спорные вопросы между странами, то в конце концов обнаружится сердцевина, то есть противоречия между нашими двумя странами-Соединёнными Штатами Америки и Советским Союзом. Это объясняется тем, что СССР и США являются самыми мощными державами в промышленном отношении и самыми сильными державами с военной точки зрения, обладающими к тому же атомным и водородным оружием, а также мощным вооружением обычного вида. Они ведут между собой наиболее яростную полемику на международной арене.

Мы считаем, что если Советский Союз может договориться с Соединёнными Штатами, то тогда не трудно будет договориться и с Англией, Францией или другими государствами. Причём, мы, конечно, имеем в виду, что наша договорённость с США не должна идти во вред Англии, Германии, Франции или другим государствам.

Если говорить о других государствах, входящих в НАТО, то следует заметить, что Норвегия, например, по-видимому, попала в эту организацию по недоразумению. Подавляющее большинство норвежского народа думает больше о том, как бы выйти Норвегии из Североатлантического блока. То же самое относится и к Дании, причём Дания является такой страной, которая не много могла бы сделать, если бы даже она и стала сердиться на Советский Союз. Это относится также и к Голландии. Канаду мы считаем также миролюбивой страной, которая попала в НАТО по недоразумению в результате сложившихся в недавнем прошлом условий. Единственной страной, помимо США, которая может представлять угрозу для Советского Союза, — говорит в шутку Н. С. Хрущёв, — является Люксембург».

Нечего сказать, хороши шуточки! Датчан, голландцев и люксембургцев он просто оскорбил. Вообще его высказывания в этом абзаце звучат легкомысленно. «Franchise rustique», как писал журнал «Paris match».

А вот что сказал Тэрнер Кэтледж об информации: «Как представитель крупной американской газеты, я стою за свободный обмен информацией. В этой связи я хотел бы спросить у Вас, не считаете ли Вы, что цензура, которая существует в Советском Союзе для иностранных корреспондентов, не оправдывает себя и создаёт больше проблем, чем решает. Сообщения иностранных корреспондентов США и в других западных государствах не подвергаются цензуре».

Т. Кэтледж. «Не думаете ли Вы, что было бы полезным, если бы Вы как руководитель Коммунистической партии Советского Союза, встретились с Дуайтом Эйзенхауэром, как руководителем республиканской партии США?»

Н. С. Хрущёв. Очевидно, такая встреча могла бы быть полезной и я, вероятно, согласился бы на такую встречу. Могу сказать, что я с большим уважением отношусь к Президенту

Эйзенхауэру, о чём я говорил ему лично, а также не раз говорил бывшему послу США в Москве г-ну Болену. Я с удовольствием вспоминаю приятные встречи с Президентом Эйзенхауэром в Женеве.

Т. Кэтледж. Для того, чтобы яснее были цели моих вопросов, должен сказать, что, будучи одним из редакторов «Нью-Йорк Таймс» я не имею непосредственного касательства к редакционной политике этой газеты. Во время прошлых выборов моя газета выступила в поддержку Президента Эйзенхауэра, в то время как сам я голосовал за Стивенсона.

Н. С. Хрущёв. Высказывания Стивенсона заслуживают внимания. Конечно, это внутреннее дело американцев избирать своего президента, но, на мой взгляд, политика Стивенсона без Даллеса была бы, возможно, более полезной, чем политика Эйзенхауэра с Даллесом».

Хрущёв прав: Даллес сука.

Теперь, пожалуй, самое интересное. Кэтледж заговорил о реорганизации руководства промышленности в СССР. «Планы децентрализации», как говорят за рубежом. «В этой связи я хотел бы спросить, в течении какого периода времени обсуждались эти планы в Советском Союзе?»

Осень 1957 г.

Село Бишкаин.

Сельский учитель (продолжение)

15 сентября. Воскресенье. К вечеру погода переменилась. Сильный ветер толкал тучи, небо потемнело, будет дождь. Для Башкирии характерны такие резкие перемены. Деревня словно вымерла, людей почти не видно (воскресенье- колхозники убирают свёклу и картошку, свою и колхозную, многие на базарах). Мальчишка катается верхом на большой свинье, да время от времени промчится грузовик.

В селе оказывается, сохранился наёмный труд в виде временной подённой работы. Это называется «помочь». Шура, тридцатилетняя дочь моей хозяйки тёти Маши, ходит на «помочь» к соседям. День на уборке свёклы- 15 рублей, на картошке- 20 рублей.

А я, сходявши сегодня пешком на базар в Белое озеро, поел с тётей Машей жареных карасей и лег спать. Вставши, я читал «Коварство и любовь». Вот выпало мне в Бишкаине пополнять пробелы в знакомстве с классикой! Ведь из драматургии Шиллера я читал только «Вильгельма Телля» и «Разбойников».

«Коварство и любовь» произвела на меня очень хорошее впечатление. Смешно, вообще-то, писать так о Шиллере. Между прочим, я нашёл в речах Луизы нечто созвучное мотивам Шарля Бодлера, моего любимого поэта. Вот: «Только закоснелый грешник может унижать смерть, называя её скелетом. Нет, это миловидный, прелестный юноша. И такой же цветущий, каким рисуют бога любви, но не столь лукавый . . . Это кроткий услужливый гений. Он протягивает руку изнемогшей страннице- душе, помогая ей перейти через рубеж, за которым уже бессильно время. Он отпирает ей волшебные чертоги вечного блаженства, приветливо склоняет голову и исчезает» . . . Поэтизация смерти вообще в духе романтизма

(особенно немецкого). Отсюда прямая линия к декадентам, это понятно (декаданс-в основном продолжение романтизма).

Но тут есть огромная разница. Шарль Бодлер- декадент, патриарх декаданса, ученик Виктора Гюго и Теофиля Готье, но нельзя забывать, что при нём расцвёл и скончался Бальзак, что при Бодлере начала складываться школа физиологического реализма, будущее владение Эмиля Золя. Бодлер- уже не чистый романтик, он заимствовал у реалистов их бравирование нечистым, их подчеркнутую объективность, стремление «показывать вещи такими, каковы они есть». Анатомы и физиологи в литературе, они эстетизировали реализм, они смешивали в своих произведениях лазурь и грязь, золото и человеческие выделения. Эта литература оказала на Бодлера своеобразное влияние.

Это общее явление, кризис романтизма: Бодлер и Гейне- двоюродные братья. Тот же эпатаж, те же неожиданные концовки (Болер, «Оскорбленная луна»).

Ладно, увлёкся. Так вот в чём разница поэтизации смерти: Шиллер идеализирует и приукрашивает смерть, а Бодлер предпочитает воспевать физическое разложение, самоё смерть, материальный распад («Остров Цитеры», «Пляска смерти»; стихотворение, где поэт показывает любимой девушке пададь с червями). Бодлер слишком заостряет и смакует, самоистязается простой и здоровой мыслью о смерти, которая великолепно разработана Уолтом Уитмэном в «Поэме изумления при виде воскресной пшеницы». Бодлер боится смерти и с мазохистским наслаждением культивирует свой страх. Итак, Шиллер- Бодлер -Гейне- Уитмен. Интересно было бы сравнить и сопоставить их отношение к смерти. Вообще, мотивы смерти и умирания в романтизме. Тут не обойтись без весельчаки Эдгара. Целую диссертацию можно было бы написать. А ключом к решению темы должно быть пушкинское понимание жизни и смерти, гуманистическое спокойствие, печальная и твёрдая готовность.

... Темно, нельзя писать, керосиновую лампу ещё не зажгли. Бросаю.

После ужина.

«Тема жизни и смерти в романтической поэзии» Так можно было бы написать.

У Суинберга есть то же самое:

*«Я пью за жизнь, я пью за смерть,
Восхваляя и эту, и ту,
Пусть умру я- другой бокал круговой
Подхватить, как я, на лету».*

У Эдгара По смерть окружена ореолом мистического ужаса, окутана покровом кошмарной тайны. У него фигура Смерти кошмарно ужасна, преувеличенно ужасна, непонятна, загадочна. Глубочайшая загадка, необъяснимое явление.

Уитмэн восхвалял смерть: «Могучая спасительница, ближе!» И далее говорит, что славит смерть, с тем, чтобы, когда придёт его час, она «шла неспотыкающим шагом».

У Бодлера и у Достоевского есть момент эстетизации смерти. Это стихотворение «Мученица» (к картине неизвестного художника)» и финал романа «Идиот». Достоевский лучше

передал общее им чувство потрясающей красоты, заключающегося в трагической смерти прекрасной женщины.

Вообще, я придумывал уже такую работу: «Бодлер и Достоевский. Проблема декаданса».

Сегодня говорили, что на сирийской границе продолжаются провокации Израиля. Американцы и турки Кричат, что Сирия угрожает Турции. У турок Армия – 500 000 человек, у Сирии всего несколько тысяч. «Коммунизм на ближнем Востоке!» Дескать, Египет уже во власти коммунистов, теперь очередь за Сирией!

16 сент.[ября].Понедельник.Генеральная Ассамблея ООН приняла американскую резолюцию по венгерскому вопросу, т.е. послать в Венгрию комиссию для расследования.

Сегодня, показывая 10-му «б» классу диафильм о Горьком, я увидел такой диапозитив: похороны Горького. Гроб его несут впереди Сталин и Молотов, позади Каганович и Орджоникидзе.

В Германии на выборах в бундестаг крупную победу одержал Адэнауэр. Его блок получил решающее большинство.

17 сентября.

Вторник.

На будущее может пригодиться: «журнал» по англ. Review или Magazine, по-французски Revue, нем. Zeitschrift, польск.Czasopismo, итал. Rivista и т.д.

Вчера в Пекине на 97-м году жизни (или в возрасте 97 лет) умер знаменитый художник Ци Бай-ши, почётный президент Академии художеств и лауреат Международной премии мира. В комиссию по его похоронам входят, среди прочих, Чжоу Энь-Лай и артист Пекинской оперы Мэй Лань-фань. Председатель комиссии – Го Мо-жо.

Экс-чемпион мира по боксу негр Джо Луис Барроу живёт сейчас тем, что каждый вечер танцует «be- бор», би-боп, в знаменитом нью-йоркском варьете – театре «Apollo». Дельцы из «Бокс-синдиката» заработал на нём 20 миллионов долларов, а он бедствует и опутан долгами. Так печально закончилась его громовая карьера.

Ещё подробности о Венгрии.

10 сентября венгерский делегат в ООН Петер Мод говорил в своём заявлении: В ночь на 23 октября в радиусе 27 км вокруг столицы были одновременно предприняты координированные вооружённые нападения в соответствии с заранее разработанным военным планом и важные государственные и военные учреждения (почта, радио, гражд. и военн. склады, обществ. здания).

Семнадцать реакционных фашистских партий создали тогда (во время мятежа) свои национальные центры и возобновили свою деятельность.

Инсургенты убивали рабочих, имевших правительственные награды, председателей сельскохозяйственных кооперативов, государственных служащих. Освободили в организован-

ном порядке 3.324 военных преступников и лиц, обвинявшихся в преступлениях против народа, фашистов, шпионов, заговорщиков и т.д., а также 9.962 уголовных преступников, осуждённых судами за кражи, грабежи, убийства и т.д. Все эти лица были тут же вооружены.

Военный атташе миссии Соединённого королевства в Будапеште Каули поддерживал регулярную связь с Палом Малетером, одним из военных руководителей вооружённого восстания.

Самолёты под знаком Красного Креста, поднимавшиеся с аэродромов Австрии и Западной Германии, доставляли в Венгрию оружие и агентов. Советские войска контролировали только военные аэродромы (три аэродрома).

25 и 26 октября Имре Надь заявил, что венгерское правительство просило помощи у Советской Армии. Для объяснения этого в доклад «комитета по Венгрии» вписана целая авантюрная история: дескать, Имре Надь приблизительно до 28 октября был узником АВХ, его якобы увезли в здание ЦК венгерской компартии и там под угрозой расстрела заставили сделать это заявление.

Доклад замалчивает террористические акты, бойню 30 октября в горкоме партии, когда были убиты многие руководители рабочих. При этом присутствовали иностранные свидетели, в том числе австрийский корреспондент Бруно Фрей.

Основные свидетели, на чьи показания опирается в своём докладе комитет пяти, это «три К...»: Бэла Кирай, Анна Кетли и Йозеф Кёваго. Остальные 108 свидетелей анонимные.

70-й пункт доклада: «...грабежей не было, хотя многочисленные витрины магазинов были разбиты, но прохожие не трогали ценных товаров, в том числе даже ювелирные изделия». Венгерский писатель Шандор Гергей пишет о расхищении вооружёнными бандами многомиллионных ценностей универмагов «Диватчарнов», «Корвин», «Минёшеги», государственных складов на проспекте Керепеши. Те же банды взломали и ограбили «сотни и тысячи частных квартир».

89-й пункт: «Те, кто принимал участие в восстании, настаивали на том, чтобы демократический социализм явился основой венгерской политической структуры...» Шандор Гергей возражает: «Значит, выходит, что граф Пал Эстергази и кардинал Миндсенти выступили за демократический социализм? Значит, Йозеф Дудаш в интересах демократического социализма убивал десятки попавших к нему в руки людей, преданных народной демократии? Сожжение красных флагов тоже диктовалось любовью к социализму? Марксистские книги тоже были брошены в костер ради дальнейшего развития социалистической демократии? По-видимому, и кровопролитие на площади Республики и осада Будапештского горкома партии тоже были проявлением этого нового вида «социализма»?!

18 сентября. Среда. Государственный переворот в Таиланде. В ночь на 17 сентября 1957 года главнокомандующий сухопутными войсками Таиланда, какой-то маршал, захватил

Бангкок и заставил короля подписать отставку кабинета, неугодного армии Премьер, тоже маршал, бежал на автомобиле в Камбоджу.

На сирийской границе турки сосредоточили уже 9 дивизий.

19 сентября. Четверг. У завуча Николая Григорьевича Афанасьева нашлась любопытная вещь: тоненькая подшивка журнала «Огонёк» — несколько номеров за 1916 и 1917 годы. Я испытывал восторг историка, рассматривая фотографии «государя императора» и затем (№ 43, от 21 ноября-4 декабря 1917 г.) большую подборку материалов и фотографий «Захват власти большевиками в Петроградъ».

«Пропуск трёх недель в очередном выпуске «Огонька» вызван был закрытием большевиками типографии «Биржевых ведомостей», где печатается и наш журнал.

«Захват власти большевиками в Петрограде, начавшийся 24-го октября». Под этой шапкой идут фотоснимки и пояснения к ним. «Вверху- Повреждённое большевистскими выстрелами из пушек, пулеметов и ружей здание Владимирского военного училища, где юнкера самоотверженно защищали Временное правительство.

Внизу- Торжественные похороны петроградским населением погибших юнкеров, в большинстве студентов-революционеров высших учебных заведений».

Далее идёт светлый петит: «Большевистский переворот, произведённый гарнизоном Петрограда и рабочими, образовавшими так называемую «красную гвардию», во главе с Л. Троцким, сопровождался гражданской войной в столице. На стороне Временного Правительства в решительную минуту оказались только юнкера (по большей части студенты демократического происхождения, младшие братья тех, кого царские войска и городовые расстреливали на Казанской площади за революционные выступления), да ещё женский ударный батальон, охранявший Зимний дворец, где несмотря на оружейный обстрел, твёрдо пребывало Временное правительство, арестованное впоследствии большевиками и в полном составе заключённое в Петропавловскую крепость».

[Ложь — А. Ф. Керенский бежал.-Прим. автора].

Далее страница с тем же заглавием: «Захват власти большевиками в Петрограде» («Рисунки с натуры для журнала «Огонёк» худ. С. В. Животовского»). Вверху слева матросы и рабочие строят баррикаду на набережной Адмиралтейского канала, вверху справа свирепые солдаты колют штыками и выбрасывают юнкеров из окон Владимирского училища. Внизу броневик с надписью на башне «За право», проломив перила моста, падает в Фонтанку.

На следующей странице фотография: «Царскосельский мученик о. Иоанн Александрович Кочуров.» Благообразный поп с крестом на груди, расстрелянный 31 октября большевиками за устройство накануне крестного хода и моления «о спасении державы российской и утолении в ней раздоров и нестроений».

Под тем же заголовком: «Захват»... и т. д. — на следующей странице фото: «Охрана Зимнего дворца женским ударным батальономъ». Дальше: «Броневик большевиков в Фонтанке. Слева в воде торчит затонувший броневик, разломавший перила моста при бе-

шеном беге. На мосту виден второй, уцелевший броневик». Ещё фото: «Красногвардейцы» на броневике позируют, готовясь к защите Смольного института-резиденции большевистского правительства». Ещё фото известное мне по школьному учебнику истории СССР: «Другой отряд той же организации там же, с той же целью, но на грузовике».

На следующей странице 4 фотографии:

«1) Общий вид Смольного института- резиденции нынешних «правителей». 2) Проверка пропусков при входе во двор Смольного института. 3) Охрана красногвардейцами кабинета г. Ленина (прежде здесь помещалась классная дама). 4) Охрана входа в главный подъезд Смольного института.

Смольный институт сделался теперь резиденцией объявившего себя всероссийским правительством «совета народных комиссаров». Доступ к новому правительству чрезвычайно затруднён, предъявления пропуска требуют у каждой новой двери. И видеть кому-нибудь из народа главу народных комиссаров г. Ленина нельзя без исходатайствования аудиенции через управляющего делами Совета. При поездках г. Ленина всегда сопровождает вооружённый караул».

Г. Ленин-это «гражданин»,а не «господин» Ленин.

Страница фотографических портретов под той же шапкой:

«Захват власти большевиками в Петроград».

Подписи к ним: «1) Тов. Ленин (г.Ульянов), председатель совета народных комиссаров. (Мы вынуждены поместить старый портрет Ленина, так как, по его заявлению, он снимется только тогда, когда у него отрастут усы и борода, сбритые для лучшего замаскирования, после отдачи приказа Временного Правительства об его аресте). 2) Тов. Троцкий (г. Бронштейн), комиссар по иностранным делам и председателем петроградского С. Р. и С. Д. 3) Г. Луначарский, комиссар по народному образованию. 4) Тов. Абрам (г. прапорщик Крыленко), комиссар по военным делам и верховный главнокомандующий российскими армиями и флотом. 5) Тов. Каменев (г. Розенфельд), один из энергичнейших деятелей большевистского переворота. 6) Матрос Дыбенко, комиссар по морским делам. 7) Тов. Антонов (г. Овсеев), главнокомандующий войсками петроградского военного округа. 8) Г-жа Коллонтай, комиссар по общественному призрению. 9) Заседание революционного комитета.

Петроградским правительством являются совет народных комиссаров и военно-революционный комитет, заседающие в Смольном институте, но Россия, в большинстве своём, не признала власти большевистского правительства, а сами большевики вынуждены идти на соглашение с другими социалистическими партиями, чтобы разделить с ними власть. Но на это, и то с большими оговорками, соглашаются лишь левые с.- р. и разные интернационалисты; кроме того, в Петрограде делами города распоряжается городская дума, сделавшаяся во время переворота политическим центром. В недрах ея, при содействии всех политических партий и могущественных общественных организаций образовался Всероссийский Комитет Спасения Родных и Революции. Такие же комитеты образуются в большинстве городов».

Фотографии рассказывают о выборах в Учредительское собрание от Петрограда. «Выборы в Учредительное Собрание по Петрограду прошли благополучно и гораздо спокойнее, чем даже городские выборы минувшим летом. Почти не было никаких эксцессов. Наиболее энергичную агитацию развили большевики, к услугам которых были, между прочим, и многочисленные воинские транспортные средства. Характерно, что в воинских урнах оказались почти сплошь большевистские бюллетени и небольшая часть кадетских. Голосовал, однако, далеко не весь гарнизон. Отсюда делается вывод, что там, где был усиленный надзор со сторон большевиков, подавались исключительно большевистские бюллетени, где нельзя было подать голос за кого хочешь, но можно было не подавать за большевиков, — там солдаты уклонялись от выборов и, наконец, наиболее ловкие или умеющие отстоять свою самостоятельность, голосовали по своему личному желанию.

В общем, голосовало 85 проц. населения, и избранными оказалось большевиков — 6, кадетов — 4, эсь-эровъ — 2».

(Выводы довольно смехотворные).

«На петроградской телефонной станции в дни большевистского переворота». Фотографии «1) Солдат-«слухач» обучает барышню «телефонному» мастерству. 2) Солдаты-слухачи и вновь набранные барышни.- Телефонную станцию в момент переворота охраняли большевистские солдаты. Юнкерам удалось выбить их оттуда, и они овладели станцией. Тогда большевики, — солдаты, матросы и красногвардейцы, — повели осаду станции. Погибло много юнкеров... Станция до сих пор в руках большевиков. Все телефонистки временно ушли и продолжают числиться на городской службе. Станцию обслуживают солдаты военного телефона и барышни, которых набирают вновь, конечно, совершенно неопытные. Предложение города сделать телефонную станцию нейтральной, как чисто городское и общественное предприятие, большевиками отклонено».

«В главной аудитории петроградских большевиков — в цирке Модерн». (Ещё один рисунок того же самого Животовского). Море голов в папахах, платочках, кепках слушают стоящего высоко человечка с поднятыми руками. Комиссар по иностранным делам г. Троцкий отдаёт «отчёт народу» в своей деятельности».

Редактором журнала был тогда Владимир Бонди, а издателем — Товарищество С. М. Прошпера — «Биржевые Вѣдомости». Из всего этого ясно, что обыватели считали тогда большевистский переворот делом временным, небольшим историческим эпизодом.

В одном из номеров за 1916 год, рядом с десятилетием думы и голыми женщинами, нарисованными под предлогом немецких зверств, «Огонёк» напечатал рассказ Александра Грина «Чёрный алмаз», иллюстрированный М. Рощковским. Рассказ в наше время не издавался. Он произвёл на меня неплохое впечатление.

23 сентября. Понедельник. В четверг я получил зарплату за сентябрь — 743 рубля на руки, при ставке — 916 рублей. Очень большие вычеты. В субботу поехал в Уфу. Кстати, в пятницу вечером был пожар в Ивановке, соседней деревне (что поближе к Белому озеру). В Ново-Кармалах карантин уже снят, значит сибирскую язву ликвидировали.

Побыл дома, побегал по городу. Взял в библиотеке четыре номера «Dookota swiata», а у Саши Клементьева один номер немецкого журнала «Filmspiegel». Привёз их с собой в Бишкаин.

Поезд № 69 (Уфа- Кумертау) отходит из Уфы в 21.00, а в Белое озеро прибывает в 1 час 20 минут или 1.25 (по- московски). Я сошёл с поезда и зашагал уже знакомой дорогой. В пути нагнал двух мужиков и бабу из Ивановки, пошедших разыскивать овечек, убежавших с пожара аж до самого Бишкаина. Ивановские рассказали мне подробности пожара. Две детали поразили моё воображение. В одной сгоревшей избе был полный подпол картошки: картошка испеклась до дна. Часть её пойдет на корм свиньям. Снизу картошка не обгорела, но уже сделалась мягкой, испеклась. Другая деталь- трагическая: в погоревшей семье, где шесть или восемь детей, на утро после пожара девочка, оставшаяся в одной рубашке, попросила у матери : «Мама, дай мне платье!» Мать отвернулась и заплакала. Эти три двора сгорели дотла. Люди не пострадали, вся скотина цела, только четыре курицы сгорели. Если бы не «отбили» следующий двор, то сгорел бы весь «порядок», т.к. дома в нём дальше особенно теснятся, и ветер помогал огню.

Умер Ян Сибелиус- 94-х или 96- ти лет.

Теперь займемся переводами «Dookota swiata» № 33.

Очерк «Наводнение семи миллионов». Статья Войцеха Гелжинского о Московском фестивале. Перевожу без словаря, кое-что наугад.

«Я нигде не был, ничего не видел. Ни торжество открытия фестиваля, ни большой выставки парижской моды, ни бала в Кремле, ни польской программы, ничего. И именно благодаря тому, что организаторы постарались, чтобы журналисты не расплывали внимания на сотни, ба! — тысячи фестивальных впечатлений, я смог кое-где побывать и кое-что увидеть. С помощью «шапки- невидимки», которая в данном случае приобрела вид полосатой экзотической рубашки, я избавился от своей польскости. С адски скучающей миной я быстро превратился в исландца (так как в Москве, как я слышал, мало кто знает исландский язык). Неторопливым шагом я пересекаю Красную площадь и своим исландским чутким ухом вылавливаю замечания по моему адресу.

Однако замечаний нет. Иду себе я, исландец, через Охотный ряд и весьма удивляюсь, что никто не обращает внимания на мою рубашку, которая во время предыдущего фестиваля так понравилась в Варшаве, что поминутно меня обступала толпа братьев- туземцев, просящих автографа. А тут ничего. Увидят, посмотрят, кивнут головой и пойдут. Мучится исландская душа.

Вопреки предположениям Московский фестиваль не прошёл под знаком преклонения перед тем, что с Запада. Нет, смотрели с любопытством. Более того, с разумной симпатией. И даже, особенно девчата, с завистью. Однако это отношение не имело ничего общего с явлениями массового помешательства, которое во время предыдущего фестиваля охватило другой, так хорошо нам знакомый город.

Потому и снобы не обругали в Москве никого из разноцветных франтов, потому и торгующих абсолютно не было видно на улицах. Потому и внимание толпы сосредотачивалось на вопросах как- никак более важных, чем портняжество. Импульсивная, огромная жажда познания касалась людей, а не предметов верхней и нижней одежды.

О чём спрашивают

Нужно признать, что в этом отношении Москва намного опередила Варшаву. Москвичи искренне и открыто, без наивной пропаганды, спрашивали и отвечали на вопросы. О возможности войны. О цене обуви. О свободе дискуссии. О джазе. О колхозах. Об экономических достижениях Запада. О жилищных трудностях. О Молотове. Слова «мир и дружба» не звучали, как звон разменной монеты. Чужеземцы оценили это. Джон Хопкинсон, студент права из Кембриджа, который приехал как полный скептицизма наблюдатель, не владел собой от удивления, что его, англичанина и как-никак политического противника, все приветствуют с настоящей симпатией, а не искусственно выделанной предупредительностью. Что не скрывают своих критических взглядов, но в то же время подхватывают всё, что в Англии есть хорошего. Это подтверждали и другие англичане, немцы, итальянцы, французы. Сдается мне, что они пережили больший шок в столкновении с Москвой, чем Москва в столкновении с Западом. Другой англичанин в разговоре со мной выразил мнение, что люди в Москве производят на него впечатление значительно более удовлетворенных жизнью, чем в Нью-Йорке, и что если бы должен был выбирать один из этих двух городов как место жительства, то не колебался бы ни минуты: выбрал бы Москву. Молодой итальянский журналист Джорджо Маринутчи, сторонник Ненни, не владел собой от радости, что итальянцев приветствовали особенно сердечно.

Встреча

Впрочем, будем откровенны, каждая делегация заявила то же самое, за исключением, пожалуй, израильтян и американцев. Евреи не пользуются особой популярностью в СССР. Особенно со времён суэцкой авантюры.

Американцы же вели себя — по крайней мере в паре случаев, которые я мог наблюдать, вызывающим образом. Приехало их значительно больше, чем в Варшаву, на этот раз легально, и многие делали всё, что могли, чтобы вызвать к себе вражду русских. Хозяева приветствовали их сердечно, хотя с заметной сдержанностью, как бы ожидая результата этого столкновения двух миров. Результаты были как нельзя хуже. Провокационный смех, издевательские шутки по адресу русских девушек, надменные и пренебрежительные мины. Противно было смотреть на это глупое поведение представителей великого народа. Особенно на фоне хорошего поведения других западных гостей.

Прекрасный архибалаган.

Хотя фестиваль длился только две недели, можно поделить его на три периода: первого льда (конечно, речь идёт не про знаменитое русское «шогозеноје»),¹ массового безумства и изнеможения.

В первый период Москва больше присутствовала, чем участвовала в Фестивале Кордоны милиции, отделяющей толпу от «inostrancov» во время шествий и манифестации, ещё удерживали порядок (в скобках стоит добавить, что советская милиция в противоположность, например, польской пользуется среди населения большим авторитетом, между прочим, благодаря своему в высшей степени правильному поведению). При виде слишком декольтированных дам или «современных молодых людей» часто ещё падало слово «abezjana», которое в русском языке обозначает известного хвостатого зверя.

Потом, буквально в один день фестивальное мельничное колесо набрало разгону. Милиция бессильно опустила руки при виде наводнения семи, или сколько там, миллионов жителей Москвы. (Одни говорят четыре, семь или восемь, другие даже десять, с таким равнодушием, словно пара миллионов больше или меньше не составляла существенной разницы). Разные ханжи, которых в Москве тоже хватает, возмущались нарушением порядка: как это так можно, говорили они, запружать улицу, что нельзя ни пройти, ни проехать?

Я лично и несколько других особ были противоположного мнения: на Фестивале величайшим непорядком был бы чрезмерный порядок. Так что в Москве случилось, как на всех предыдущих фестивалях: воцарился прекрасный архибалаган, выражением которого были хотя бы заторы, создававшиеся каждые несколько секунд на самых оживлённых улицах. Остановился какой-нибудь датчанин (не говоря уж о неграх), дал кому-нибудь автограф и уже вокруг него толпа, растущая с быстротой цепной реакции. Впрочем, что же писать, эти вещи мы знаем по Варшаве.

Я видел три фестиваля. Каждый имел свою особенность. В Бухаресте все вместе забавлялись доупаду на улице²: не было деления на участников и зрителей. В Варшаве было немного снобизма, а главным занятием толп — погоня за иностранцем, как таковым. Интерес к свету, жажда познания всей правды, при сохранении спокойного достоинства в ощущении собственной силы, без приниженности и кокетства — вот настроение московской улицы. В некоторых кругах молодежи и студентов некоторых вузов сложился даже «обратный» снобизм: считалось хорошим тоном выехать из Москвы на время фестиваля, и довольно многие поступили именно так.

Весь этот очерк очень похож на то, что было в самом деле.

Отто Премингер (Preminger), режиссёр, снимает фильм «Здравствуй, печаль» по роману Франсуазы Саган. Роль Сесилии играет молодая актриса Джен Себерг (Jean Seberg), бывшая святая Иоанна в одном из фильмов этого же режиссёра. Несостоящуюся мачеху Сесилии, Анну, изображает известная английская актриса Дебора Керр. Лейтмотивом фильма будет песенка Жоржа Орика (George Auric- творец известного вальса «Moulin

Rouge). На стихи самой Франсуазы. Петь песенку будет ещё одна звезда- Жюльетта Греко. («Dookota swiata», № 33).

После успеха в «Carmen Jones» великолепная негритянская актриса Дороти Дэндридж играет в идущем сейчас на экранах Париже фильме «Таманго» (по новелле Проспера Мери-ме). Французские критики назвали Дороти «феноменом половой привлекательности». (de sex-appeal) и сожалеют, что эта уже не первой молодости актриса (родившаяся в 1922 году в Кливленде) до сих пор прозябала в Голливуде, играя второстепенные роли.

Комендатура полиции в Филадельфии (США) выдала всем полицейским орфографические словари, т.к. полицейские пишут рапорты с ошибками. -Американцы тратят на прокорм собак, кошек и обезьян столько же, сколько на питание младенцев: около 180 млн. долларов в год. Хирургические щипцы в 12 см длиной найдены в животе пациента одного госпиталя в Чикаго. За месяц до этого пациент был оперирован, после чего стал жаловаться на обмороки.

В Париже умер Саша Гитри (Sacha Guitry), знаменитый актёр кино и театра, писатель и режиссёр. Он родился в Петербурге: его отцом был французский актёр Люсьен Гитри, а матерью- прославленная красавица- Рене де Пан-Жюст. Дебютировал Саша на сцене в возрасте пяти лет. Был одним из самых популярных комиков эпохи.

Из 34-го номера «Dookota swiata»: в течение прошедшего года во Франции умерло 6.103 человек от отравления алкоголем.-20 полицейских вызвано на помощь, когда в Эдинбурге опрокинулся грузовик, из которого высыпались 200 ящиков, содержащих 20.800 бутылок пива. Вокруг собралась толпа из двухсот заметно возбужденных мужчин.

Суд в Западной Германии постановил, что гомосексуалисты, равно как и другие особы, понёвшие наказание за преступления полового характера, не имеют права получения прав вожделения автомобиля.

Haas Legewie, кельнер с внешностью, до иллюзии напоминающей Гитлера, побился об заклад, что произнесёт речь на главной площади Эссена и будет встречен аплодисментами. Он выиграл заклад, произнес речь в стиле Гитлере, Легеви предстал перед судом по обвинению в нарушении общественного спокойствия, но был оправдан.

Из 35-го номера «Dookota swiata». Телеграммы: «37 пунктов преимущества получили заключённые из Ливенворт (США) в диспуте на тему «право и мораль» против команды студентов нескольких американских университетов».

«Уинстон Черчилль нанёс визит своему преемнику на кресле премьера, ныне находящемуся в отставке сэру Антони Идэну. Идэн теперь живет в Солсбери под Лондоном. Оба бывших премьера провели четырехчасовую конференцию в маленькой кухне имения Идэна».

«Неутешной была американская кинозвезда Оливия де Хевиланд, когда не смогла участвовать в концерте известного скрипача Егуди Менухина. Когда Менухин узнал об огорчении звезды, он заиграл ей сонату Баха. . . по телефону».

Jehudi Menuchin. Olivia de Haviland.

Гонорар царю Давиду. — Датский композитор Герман Коппель написал музыку на текст псалмов Давида. Они были изданы одним немецким музыкальным издательством и наиграны на пластинках. Через некоторое время Коппель получил уведомление о гонораре: две трети гонорара получает композитор Коппель, одну треть-автор текста Давид.

Принц Виндзорский (бывший английский король Эдвард VIII) написал новую книгу: скоро в Нью-Йорке, выйдет его сочинение о садоводстве.

Eartha Kitt, знаменитая негритянская певица получила постановление об уплате 200 000 долларов возмещения за убытки. Она нанесла повреждения помещению нью-йоркского ночного ресторана «African Room», отказалась платить по счёту и, что хуже, «naublizala gosciom znajdującym sie na sali» (оскорбила гостей, находившихся в зале).

Швейцария стала любимой страной писателей. Там осели на постоянное жительство Ремарк и Кроник. Там живёт также Жорж Сименон, автор сенсационных и криминальных романов, зарабатывающий больше всех и отдыхающий дольше всех. George Simenon работает 60 дней в году, 305 дней отдыхает. В разных странах продано доселе 80 миллионов экземпляров его рассказов и романов. Он получает доходы в тридцати двух валютах. Он признается в авторстве двухсот книжочек, которые считает своим настоящим литературным трудом.

№ 36. Среди французских кинозвезд заблистала юная Милена Демонжо (Mylène Demongeot). Критика превозносит её за роль, сыгранную в фильме «Салемские колдуньи» (по пьесе Артура Миллера), в котором участвует в главной роли Ив Монтан. Некоторые видят в Милене серьёзную конкурентку для Брижитт Бардо: фигура и красота Милены не уступают Брижитт, а талант юной звезды превосходит способности знаменитой Брижитт.

Реставрация коротких платьев. Парижские диктаторы моды бросили клич- платья до колен! Возвращается мода тридцатилетней давности, мода эпохи шимми и чарльстона. Зато атомные бюсты à la Lollobridgida не имеют больших шансов при новой моде: она хороша для худощавых женщин с красивыми ногами.

Опять принцесса Маргарита, сестра английской королевы. Принцессе исполнилось 27 лет. В связи этим общественное мнение Англии начинает беспокоиться, не останется ли она старой девой.

Однако, по заверениям обычно в совершенстве информированного дворцового корреспондента газеты «Sunday Express», ситуация не так уж трагична. Принцесса Маргарита должна обручиться якобы уже в текущем году с неким мистером Уильямом Уоллесом (William Wallace). Он уже много лет находится в дружественных отношениях с принцессой, оказывает ей всяческие услуги и был до сих пор чем- то вроде «прислуги за всё». В дворцо-

вых кругах его даже называли «джокером» («джокер» — карта, бьющая все другие) — т.е. господином, которым можно пользоваться при любых обстоятельствах.

На снимке принцесса Маргарита и Билли Уоллес танцуют самбу.

Бен Бенсон, 73-летний «король бродяг» в США, недавно передал журналистам свои советы для достижения долголетия. «Надлежит держаться подальше от женщин, виски и регулярного», — заявил Бенсон.

Теперь «Filmspiegel», № 13 за 1957 год, с улыбающейся Изольдой Извицкой на обложке, побывавшей в Каннах во время X-го кинофестиваля «Последние новости» (от конца марта, вероятно):

Тото, любимый комик итальянских кинозрителей («Неаполь город миллионеров», «Полицейские и воры», «Четыре сердца в Риме», «Каналья из Катании»), почти ослеп и никогда больше не сможет выступить ни в кино, ни на сцене.

Марлен Дитрих после шестилетнего перерыва вновь играет главную роль в американском фильме «Witness for the Prosecution». Её партнеры — Тайрон Пауэр и Чарльз Лаутон (Tyronne Power and Charles Laughton).

Mulene Demongeot ангажирована режиссёром Анри Вернейлем (Henri Verneuil) в качестве партнерши Анри Видалю (Henri Vidal) для главной женской роли в криминальном фильме «Une Manche et la Belle».

22 советских фильма были показаны в США с 1 апреля 1956 г. до 31 марта 1957 г.

Сидней Чаплин, сын Чарли Чаплина, в настоящее время создает собственное кинопроизводство. В первом фильме этой компании режиссуру будет вести Джерри Эпштейн, бывший ассистент Чарли Чаплина.

Ещё более модернизированную версию «Фауста» снимает американский режиссёр Фрэнк Тэшлин (Tashlin). Фильм будет называться «Чорт в кармане».

Роман Эрскина Кодуэлла «Маленький акр господ бога» экранизируется голливудской фирмой United Artist. В романе трактуется тема нужды американских фермеров и бастующих текстильных рабочих.

27 сентября. Пятница. В западной Европе свирепствует эпидемия инфлюэнцы (азиатского гриппа). Много смертельных случаев.

Я учительствую понемногу. Начал писать рассказ «Грубая ошибка» (о сельском учителе).

Сегодня ночью я видел забавный сон. Поначалу было даже страшно: я учитель, на моем уроке класс поднял бучу. Я выгнал из класса Виктора Зайкина (отчетливо помню, это ученик 10 «А» класса нашей Бишкаинской школы). Но затем шум усилился, и вот уже девочки окружают меня с претензиями и говорят что-то дерзкое, и я узнаю лица бывших моих студенток из нашей группы «А» IV курса БГПИ: Галя Кириллова (подруга Эльвиры по 45-й школе), Райка Зевахина (неприятная рыжая девчонка, адски самолюбивая зубри-ла), длинная тощая дылда Инна Хакимова (мой личный враг) и Ольга Иванова, Лёля,

довольно милое существо. Лёля говорит мне (я кричал, ругался): «Так нельзя». . . А я (как бывало в самом деле) с усмешкой говорю ей на ухо: «Слушай, детка, попробуй-ка сама. . .» (т.е. попробуй давать уроки в такой обстановке). На самом деле, я иногда говорил ей «детка».Забавный сон.

28 сентября.Суббота. Вечер.

Ясные дни кончились. Встав сегодня утром, я увидел, что деревня вся покрыта инеем. Стало холодно. Провёл сегодня диктант в 10-х классах (второй уже). Тетради 10 «б» класса проверил (9 двоек). Довольно страшно.

В сельмаг привезли швейную машинку, ручную. За деньги её купить нельзя: только на закуп. Одна колхозница сдала полудохлого телка и взяла эту швейную машинку и пару валенок (машина в магазине стоит 600 рублей, а валенки можно купить за 200) Эта женщина уже сегодня, в тот же день, тут же в селе продала швейную машинку за 1.200! Спекуляция? Моя хозяйка, тётя Маша, отвечает: «Кто спекулянт? Магазин спекулянт!» Если бы здесь продавали швейные машины за деньги, их брали бы все! Я вспомнил, какие бои происходят в Уфе возле Главунивермага, когда там продаются швейные машины. В отношении этого товара спрос намного превышает предложение.

Ещё о закупе. В магазин входит баба с большой миской, полной яиц. Она сдает эти двадцать восемь яиц и получает взамен на 12.60 кирпичного чаю. Чай в сельмаге не продаётся за деньги. Эти яйца принимаются в сельмаге из расчета 4 рубля 70 копеек за десяток, а их рыночная цена- 8 рублей десяток. Опять приходится вспомнить: «Магазин спекулянт!»

Что ещё сказать? Хмурое небо, холодный ветер, чёрные ночи. . .Сегодня я помылся в бане. Третий или четвертый раз моюсь в этой бане, а привыкнуть не могу. Жарко, душно и дымно: баня топится по-чёрному. Не могу открыть глаз: льются слёзы. Нестерпимый угар, кровь стучит в висках. Но зато чисто и не холодно. Нет, баня хорошая, только к ней надо иметь привычку.

В школьной библиотеке я взял пятый том Бунина с «Гайаватой». Там же воспоминания о Чехове и Толстом.«Настоящая слава пришла к нему только с постановкой его пьес в Художественном театре. И должно быть, это было для него не менее обидно, чем то, что после «Мужиков»³ заговорили о нем: ведь и пьесы его далеко не лучшее из написанного им, а кроме того, это ведь значило, что внимание к нему привлёк театр, то, что тысячу раз повторилось его имя на афишах, что запомнились «22 несчастья», «глубокоуважаемый шкап», «человека забыли». . .»

Я думал и думаю, что ему не следовало писать про дворян, про помещичьи усадьбы, — он их не знал. Это сказывалось особенно в его пьесах-в «Дяде Ване», в «Вишневом саду». Помещики там очень плохи. Героиня «Вишневого сада», будто бы рожденная в помещичьей среде, ни единой чертой не связана с этой средой, она актриса, написана только для того, чтобы была роль для Книппер. Фирс- верх банальности, а его слова: «человека забыли»- под занавес. Да и где это были помещичьи сады, сплошь состоявшие из вишен? «Вишневый

садок» был только при хохлацких хатах. И зачем понадобилось Лопихину рубить этот «вишневый сад»? Чтобы фабрику, что ли, на месте вишневого сада строить?»

Бунин может быть правым в частностях, но ошибается в целом. Льву Толстому не нравилась драматургия Чехова, а Бернард Шоу был в восторге от того же «Вишневого сада» и свой «Дом, где разбиваются сердца» назвал даже «фантазией в русском стиле».

Далее Бунин пишет:

«Его «Архиерей» прошёл незамеченным-не то что «Вишневый сад» с большими бумажными цветами, невероятно густо белевшими за театральными окнами. И кто знает, что было бы с его славой, не будь «Винта», «Мужиков», Художественного театра!» (То есть наименее ценимых Буниным чеховских вещей).

Эти воспоминания написаны в 1904–1914 в годах.

Вчера вечером я вчерне написал рассказ «Грубая ошибка», о молодом сельском учителе и его первых жизненных огорчениях. Завтра я схожу на базар в Белое озеро, вернусь, перепишу набело и пошлю маме в Уфу. Если она найдёт, что рассказ стоящий, то пусть даст отбить на машинке и пристроит куда-нибудь (может быть, в «Учительскую газету»).

Итак, я живу в Бишкеке, учительствую, чувствую себя хорошо. До полочки три недели с малым, на этот срок у меня лежат в чемодане 540 (получается 180 рублей на неделю, я столько ни за что не истрачу). На следующей неделе в «Советской Башкирии» должны наконец пойти два моих залежавшихся материала (благодаря тому, что редактор Давыдов-«Иван Грозный»- уходит в отпуск).

Со вторника, с 1 октября, работы у меня прибавится, т.к. в школу вернутся с уборочных работ недостающие классы, в том числе и мой девятый. Нелегко будет проверять эти бесконечные тетради. Вдобавок, меня, кажется, хотят избрать секретарем школьной комсомольской организации. Надо во что бы то ни стало чисто формальной, бюрократической должности: собирать деньги отвозить эти взносы в сберкасса, устраивать собрания, ездить в Толбазы и мерзнуть в кузове грузовика. Нет, это неинтересно. Я скажу- тетради! Не трожьте словесника!

Вот и ещё тетрадку исписал. Здесь в Бишкеке, за полтора месяца исписал три тетради дневника. . . . Наберется за год тетрадей 20! Лучше писать роман.

29 сентября. Воскресенье. Начали лить дожди. Холодный ветер. Кончилась хорошая погода. Я хотел пойти на воскресный базар в Белое озеро- куда там! Грязь и слякоть. Подожду пока.

В пятницу, на собрании литкружка, я рассказывал четырнадцати любопытным чувашским детям о жизни и творчестве русского поэта Сергея Есенина. Не знаю, много ли они поняли. Читал им: «Хороша была Танюша», «Письмо к матери», «Письмо к женщине», «Сукин сын», «Собаке Качалова», «Клён ты мой опавший. . .» и другие стихи. Они поняли очень мало. Делать нечего; смирился; хорошо, если до них дошла одна десятая того, что говорил.

Обмен с Тапшевой- 2 ч.

Объявление для I т\б.

Расписание на среду и пятницу

Среда.6.30 Спецкурс

8.15 III курс Р.

Пятница 8.

В 9 утра ШРМ № 8, бывшая 18-ая. Гоголь. 4 часа.

[1]Для смеха сохраняю польскую транскрипцию русских слов.

[2]Wszyscy razem bawili sie do pradlego na ulicy.

[3] «Выше Бунин называет «Мужиков», далеко не лучшей его вещью»

29 сентября. Воскресенье. В начале сентября 1957 года одна венская газета поместила одну сенсационную заметку «Дуэль подростков по образцу Дикого Запада окончилась смертью». Там было написано: «Кто быстрее взведет курок? Ты или я? По счету девятнадцатилетний Вернер выхватил револьвер быстрее, чем это сделал со своим игрушечным водяным пистолетом Лотар. Товарищ по игре упал, замертво сраженный метким выстрелом. Это был не первый случай, когда подростки воспроизводили сцену, которую они видели в кино. Каждый из них хотел быть Эроллом Флином или Тайороном Тауэром, героем Дикого Запада. . . »

«Dookoła świata», № 35. Фотография изображает гавань, полную кораблей, с подписью: «Почти 3,5 миллиона жителей насчитывает столица Аргентины Буэнос-Айрес, величайший город южного полушария. Сорокадвухэтажный небоскрёб, видный в правой части снимка, это недавно построенный так называемый Атлас». Под этим снимком стоит имя: Зыгмунт Бронярек. Корреспонденция Бронярка из Аргентины называется «Ночь в Буэнос-Айресе». Попытаюсь её перевести.

«Те кто в 1947 и 1948 годах что-нибудь имели общего с журналистским миром Варшавы, вспоминают, вероятно, облик американского корреспондента, почти так же хорошо известный и популярный, как силуэт этого известного представителя агентства «Ассошиэйтед Пресс» Ларри Аллека, который сумел некогда «сорвать банк» на скачках. Корреспондентом, о котором идёт речь, был Эдвард А. Морроу, представитель газеты «Нью Йорк Таймс».

После 1948 года Эдвард Морроу собрал манатки, ликвидировал квартиру на Президентской 4, и выехал сначала в Соединённые Штаты, а позднее в Аргентину. Следы его деятельности мы могли наблюдать только на страницах «Нью Йорк Таймс», в корреспонденциях, которые ярко отражали драматические события вокруг ликвидации режима Перона и его бегства из страны.

Я вспомнил Эдварда Морроу случайно. Мы летели большим четырёхмоторным самолётом — люкс KLM из Рио де Жанейро в столицу Уругвая — Монтевидео для однонедельного визита в эту малую, но зажиточную и демократическую страну. Самолёт был почти пуст, т.к. команда бразильских футболистов, возвращавшихся из европейского турнэ, покинула машину в Рио, а новых пассажиров голландская линия, несмотря на старания на её городского бюро, уже не сумела наберечь. Так что попутчиками моими были только какой-то

американец с женой (у л а т и н о с о в нужно всегда говорить: с е в е р н ы й американец) — и это всё.

В беседе я узнал, что этот американец является представителем большой американской телеграфной компании «Press Wireless» и что по этой причине он имеет дело почти со всеми заграничными корреспондентами в Буэнос-Айресе. Конечно, он знал Эдварда Морроу, который по причине своего долголетнего пребывания в аргентинской столице стал почти деканом тамошнего «журналистского корпуса», и тогда у меня зародилась мысль:

Аргентина не дала мне визы — не знаю даже под каким предлогом, так как несмотря на двухмесячное ожидание и даже телеграфирование министру иностранных дел не удосужились мне даже ответить. И так, шансы увидеть Буэнос-Айрес, к моему огорчению и досаде, отпали. Однако на свете бывают неожиданности: во время полета мы узнаем, что из-за плохой погоды в Монтевидео самолёт будет вынужден приземлиться в аргентинской столице. Ситуация коренным образом улучшается: несмотря на отсутствие визы городские власти впускают пассажиров на аргентинскую территорию и помещают их в Международном Отеле, находящемся в 45 километрах от центра этого крупнейшего города Южной Америки.

Я молниеносно принимаю единоличное решение: выписываю номер телефона Эдварда Морроу из блокнота моего попутчика, и вот передо мной перспектива провести одну ночь в Буэнос-Айресе.

Формальности на аэродроме Ezeiza в Буэнос-Айресе кончились очень быстро: попросту я оставил паспорт у иммиграционных властей, а багаж-на таможне. В отель я взял только самые необходимые вещи... пачку сушённых грибов, которые знакомый в Польше дал мне при выезде с просьбой вручить его кузену, давно живущему в Буэнос-Айресе... Эти грибы возбудили внезапную и неподдельную заинтересованность таможенного чиновника, который начал тревожно выпытывать у меня «для чего это служит». Я с жалостной миной сказал таможеннику, что из-за отсутствия аргентинской валюты я сделаю из этих грибов себе скромный вечерний ужин.

-Как! — чиновник от удивления даже открыл рот и на короткое мгновение остался в таком положении — Так вы будете это есть вот так, без всякой варки?

Я не мог отказать себе в удовольствии проинформировать его, что я приехал из Польши, где сушёные грибы, вкушаемые без всякой гастрономической обработки, принадлежат к нашим величайшим народным яствам. Что просто-напросто грибок за грибом срывают со шнурка, жуют во рту и глотают. Честное слово — поверил... .

Телефон сделал своё, Эдвард Морроу был дома, поимка такси не представила большого затруднения — таким образом, мы ехали галопом в центр города. И конечно — мы тотчас начали с шофером такси разговор на политические темы.

Здесь. Хотя я и не произвожу анализа политической ситуации в Аргентине, необходимо, однако, сказать пару слов о перевороте, который изгнал Перона не только от власти, но и из самой Аргентины в далекую Панаму. Уже на аэродроме можно было увидеть следы

переворота, который здесь произошёл и который много дней привлекал внимание мирового общественного мнения. Сначала я узнал, что произошло переименование аэродрома: из старого названия (которое противники Перона, конечно, считают новым) «Министро Пистарини» — новое (которое упомянутые противники, конечно, считают старым) «Эзейза». Во-вторых: но тут уже я должен сослаться на моего американца-попутчика. Он мне сказал, что сейчас на аэродроме больше всего бросается в глаза отсутствие всяких портретов. Иначе, совершенно иначе тут было во времена Перона и его жены Евиты. Как и все общественные здания, аэродром был буквально покрыт огромными изображениями супругов — вместе и в отдельности. Аргентинцам не требуется переводить, что такое «Культ личности»: проявлений этого культа у них было без числа. Одна аргентинская журналистка, которую я встретил в Мексике, рассказывала мне, что когда например сдавали в эксплуатацию новый госпиталь — он был внутри сверху донизу, во всех коридорах и всех этажах «украшен» цитатами из речей Перона, а ещё чаще из декларации его жены. ~~Ибо~~ Это не преувеличение, не шутка, не попытка «придания колорита» настоящему репортажу: достовернейший факт, что в своих речах на Plaza del Mayo жена Перона кричала некогда «Perón es Dios»-«Перон бог», и - что любопытнее — этот крик подхватывали собравшиеся люди.

На след противников Перона я наткнулся также в самом Международном Отеле и причём там, где меньше всего ожидал. Оказывается, что писание на стенах в укромных местах — не только является международным обычаем, но кроме того используется в политических целях. Именно в таком месте я обнаружил довольно крепко, выражаясь деликатно, изложенное мнение о Пероне, а именно: «Peronazi — Ladron» что значит «Перонаци — злодей» [Перонаци = Перон + наци (фашист)]. В этом примере единственным проявлением уважения к Перону был факт, что оба эпитета начинались с большой буквы.

Итак мы начали с водителем политический разговор или скорее он его начал и притом весьма резким способом. Я кое-как говорю по-испански, а понимаю хорошо, однако нагромождение ядрёных и образных выражений, выброшенных водителем по конвейерному методу, доставило много трудностей. Все эти выражения относились к Перону и его жене, при определении которой мой водитель пользовался словарём столь богатым, что в сравнении с ним слова, употреблявшиеся некогда нашими шоферами такси, выглядели бы почти что невинным детским лепетом. Наибольшие претензии шофёра, естественно, вызывали финансовые махинации бывших властителей Аргентины: помещение денег в швейцарских банках, о разных свойственниках Евиты в правительстве и высших учреждениях Аргентинской Республики. До небес зато он восхвалял адмирала Исаака Рохаса, вице-президента государства и командующего флотом, сыгравшим решающую роль в свержении Перона; а также — к моему огромному изумлению — факт, что правительство Арамбуру закрыло все публичные дома и отменило развод. Нужно добавить, что легализация публичных домов и введение Пероном развода было одной из причин разрыва между Католической Церковью и его режимом: как известно, Церковь соединилась с флотом и при помощи внешних влияний, не только американских, но и английских, свергла Перона. -Ах, Рохас, Рохас! —

в энтузиазме восклицал шофёр, с подлинно южной страстностью рассказывая о вице-президенте. — Как он сумел разбить перононский заговор! Знаете ли вы, что пару месяцев назад у нас тут была попытка повторного захвата власти этими злодеями! В деле были замешаны многие офицеры, сторонники Перона, которые как-то спаслись от чистки. Но Рохас был на посту: он разгромил их с величайшей легкостью, одним мановением руки. Знаете ли вы, — повторил он, — что в тот вечер, когда заговор, приготавливавшийся много недель, а может, и месяцев, должен был наконец разразиться, Рохас сидел в театре и даже на минуту не сдвинулся с места. Знаете ли вы, что всей операцией он руководил в антрактах по телефону! Это, сударь, голова! Это, сударь, сильный человек, значительно более сильный, чем сам президент Арамбуру.

Что-то припомнилось мне в этот момент. Ну да, конечно! Ведь даже американская пресса писала, что этот перононский заговор, имеющий целью подготовить возвращение «вождя», был прорежиссирован самим Рохасом. И цель известна: чтобы найти подходящий предлог для расправы со сторонниками изгнанного диктатора. Рохас даже из театра не вышел! Да уж надо полагать!

Стоп! Приехали.

Морроу уже ждал внизу, и вот через минуту мы сидим вместе с его женой в огромной квартире, обставленной целиком в американском стиле. Не потому, как заверяет мой хозяин, что он сам американец, а потому что в Аргентине, как и в других странах южноамериканского континента, господствует распространённая мода обставлять квартиры именно на американский манер.

Беседа была долгой и прежде всего, конечно, коснулась Польши.

Затем мы перешли на аргентинские дела. Морроу, как и мой шофёр такси, — сторонник теперешнего режима в Аргентине; но тем интереснее факт, что сам он не рекомендовал мне рассматривать излишества шофёра, как типичные. Ибо в действительности далеко не все выражают такие взгляды. В Аргентине, особенно в её рабочем классе, существует что-то, что можно было бы назвать тоской по Перону и его жене, вздыханием о временах, когда «descamisados» — эти «люди без рубашек», эти бедные и ближайшие, с которыми Перон отождествлял себя, имели по крайней мере иллюзию, что для них что-то делается.

Это правда, что Перон и Евита совершили много трагических и неисправимых ошибок, которые позже горько на них выместились. Особенно если говорить об их финансовых махинациях, о кумовстве и о том всём, о чём говорил мне шофёр, — счёт Перона не является самым чистым. И то правда, что в смысле конституционных свобод после переворота произошел шаг вперед. Но при всём этом, если принять во внимание общественное содержание перононского эксперимента, то не подлежит сомнению, что правительство Арамбуру означает большой шаг назад. Перон был примером из той группы диктаторов Латинской Америки, которые выплывая вверх, к власти, на демагогических волнах, проводят затем политику, часто основанную на широких социальных соглашениях. Наконец, Перон был тем человеком, который базировался на национализме аргентинцев в международной политике,

а его собственные империалистические амбиции были в то же время противовесом североамериканскому проникновению в Южную Америку. Поэтому нет ничего удивительного, что правительство Арамбуру чувствовало себя не слишком хорошо, и ничего удивительного, что оно открывало заговоры.

Я приехал к Морроу, чтобы поговорить об Аргентине и . . . увидеть Буэнос-Айрес, хотя бы ночью. Увы, это второе намерение осталось — пожалуй, навсегда — в сфере намерений. Разговор продолжился до утра, так что нужно было возвращаться как можно быстрее, чтобы успеть на самолёт в Монтевидео.

Zygmunt Broniarek».

На втором фото «Avenida Roque Saenz Pena, называемая Флоридой, — это самая элегантная улица города, являющаяся соединением парижских бульваров с ньюйоркским Бродвеем».

Когда-то я видел Перона в кинохронике: он выходил из дворца на какое-то возвышение, улыбаясь и помахивая руками, а внизу восторженно редела площадь, залитая морем людей. Он был очень популярен.

30 сентября. Понедельник. Дал два урока. Новые газеты (немалое событие в нашей жизни). 25 сентября в США была предпринята новая попытка запустить баллистическую ракету типа «Атлас». Примерно через 5 секунд после запуска ракета начала падать и взорвалась в воздухе. Корреспондент Associated Press пишет, что запущенная 25 сентября ракета «очевидно, не смогла двигаться. Она поднялась менее, чем на одну милю и затем взорвалась, окутанная пламенем».

Первые испытания ракет этого типа (июнь 57 года) так же закончились провалом.

Очень интересная заметка в «Лит. газете» за 26 сентября. «Доминика Фернандес уличает».

Парижский ежемесячник «Нуфель нуфель ревью франсез», довольно враждебный советской литературе и искусству, напечатал статью «О понятии оттепели в литературе и искусстве». Автор статьи — постоянный обозреватель журнала по вопросам литературы Доминика Фернандес. Восторги французских критиков над романом «Не хлебом единым», вынудили Доминику Фернандес, не раз делавшую выпады против советских писателей, встать на этот раз на новую позицию. Статья её опубликована августовским номером ежемесячника. Доминика Фернандес пишет:

«Весьма посредственный роман Дудинцева вызвал обций интерес потому, что в нём прославляется образ традиционного западного героя: научный и духовный прогресс, добро и истина проистекают из упорного и тайного труда одного человека, а не из коллективной и официальной работы государственных институтов и организаций». Доминика Фернандес называет такую концепцию «сугубо буржуазной», видя в ней одну из главных причин похвал, расточаемых роману буржуазной критикой.

По мнению Фернадес, парижская пресса приветствует произведения типа «Не хлебом единым» как якобы «спасительное пробуждение искусства, усыпленного сорока годами диктатуры и догматизма» только потому, что их авторы идут «по пути, проторенному и из-

битому Западом». В этих произведениях коллеги Доминики Фернандес согласны видеть элементы новаторства. «Между тем они [эти коллеги-Прим. автора] никогда не понимали, не хотели понять, что русские фильмы и романы, созданные за сорок лет, стремились с великолепной нетерпимостью основать искусство совершенно новое, которое ни чем не было бы обязано декадентским принципам нашего западного искусства».

Далее Фернандес продолжает: «В позе, принятой французскими критиками, нас более всего повергает в отчаяние та безмятежная уверенность, с которой они выдают себя за представителей Великого Искусства; та неуклюжая и фарисейская радость, с которой они принимают, как заблудших овец, деятелей искусства СССР, вернувшихся (наконец-то) на путь истинный. Можно сказать, что наши критики и не подозревают, в каком тупике чахнет наше искусство кино и романа, искусство, от имени которого они с такой гордостью выступают; не подозревают, какие огромные перспективы открываются перед подлинно советским искусством. . . пусть наши критики упрекают некоторые [советские] произведения в тяжеловесности, неуклюжести, грубоватости; это — недостатки молодости, запальчивости; но пусть они не забывают об исключительном величии попытки спасти еврейское искусство от неизбежного краха».

На этот интересный и вызывающий взгляд Доминики Фернандес пока не откликнулись те, к кому обращалась она в своей статье: «Фигаро литерер», «Экспресс», «Нуфель литерер», «Ар» и литературные критики других изданий.

В том же номере «Литературной газеты» интересный репортаж «Осень в Нью-Йорке» публикует Н. Грибачёв. Есть хорошие места, свежие сравнения, Нью-Йоркская печать о начале дискуссии в ООН заявила, что в первом раунде Ф. Даллес против А. Громыко победу одержал советский министр иностранных дел.

Грибачёв пишет об американских русских — «маленьких людях с большими желчными пузырями» (*bien dit*). «Маленькие людишки этого маленького, затканного паутиной мирка позабыли родной язык и издают свою забрызганную слюной бешенства газетку на невымытом волапоке, старается подалее плюнуть в сторону Москвы и понижее поклониться в сторону Вашингтона и Тель-Авива, хвастаются процветанием в Американском раю и печатают гордые извещения, что на освящение памятника на могиле поступило в качестве пожертвований два доллара, а в помощь больному эмигрантскому писателю — пять долларов, слушают в ресторане «Русский медведь» цыганский оркестр Лёни Кальбуса и поносят советскую литературу и искусство. Предательство по отношению к своему народу мстит за себя полным распадом личности, низведением её на роль исторического мусора, который так и обречён носиться по воле ветра и волк, пока его не приберёт Пётр Ярёма, «единственный русский погребальщик, лучшие похороны за самую дешёвую плату в Нью-Йорке, Бронксе и Бруклине». И так как американцы взбудоражены и взвинчены официальными сообщениями о начале экономического спада, застоя в торговле и надвигающейся инфляцией, то, быть может, у жертвователей не найдётся и двух долларов для освящения места последнего успокоения. . . »

2 октября. Среда. В школе мы кидались жёванной бумагой, а здесь мои ребята кидаются желудями. Я уже ел пельмени с картошкой, приготовленные хозяйкой. Сегодня в учительской сидели мы втроём: я, учительница, окончившая Горьковский институт, и другая, окончившая БГПИ, — и все втроём вспоминали Ленинград.

9 часов. Последние известия. Заговор против Сирии, говорят, не получается. Арабские страны что-то не очень хотят воевать, даже Иордания. Основной удар делается на Турцию и Израиль. Сирийский посол в Египте получил 3000 писем от египетской молодёжи с просьбой записать создающееся сирийское народное ополчение. Ливия и Саудовская Аравия тоже выражают солидарность с Сирией. Возможно, что до огня не дойдёт.

То есть это были не последние известия, а передавали «беседу на международные темы». [автор — Андрей Батурин — Прим. автора].

Когда я читал о венгерских событиях прошлой осени и смотрел в кино, как мятежники расстреливают из автоматов серп и молот на цоколе статуи Свободы, мне хотелось узнать не пострадал ли Жигмонд Кишфалуди Штробль. И вот корреспондент «Комсомольской правды» Б. Гурков посетил Штробля в Будапеште (номер от 27 сентября 1957 г.)

Штробль живёт на улице Ворошилова, 20. Живописный особняк Штробля можно узнать и без номера по скульптурам, белеющим в зелёном заросшем палисаднике. В мастерской заставлены все стены и полки.

«- Вот моя последняя работа, — Штробль указывает на огромную, занимающую почти всё помещение фигуру венгерского воина на коне. — Это часть скульптурной группы, изображающей битву венгров с турками. А вот и вся эта группа в миниатюре. Жаль, что не видите моей последней готовой работы — новой фигуры советского солдата — освободителя для памятника на горе Геллерт. Её сейчас отливают в бронзе. Новая скульптура получилась намного лучше той, которая

пострадала во время октябрьских событий.

Вдоль одно из стен — галерея скульптурных портретов: Кошут, Тетефи, Ленин, Ворошилов».

Штробль показал Гуркову письма от Ворошилова. Одна из скульптур изображает русскую балерину Никитину. После осмотра Штробль усадил корреспондента в глубокое кресло и сам начал шутливое интервью: «Пишите: О н о ч е н ь в ы с о к и й с б о л ь ш о й с е д о й б о р о д о й, с т р о г и й и с о в с е м н е л ю б и т ж е н ц и н . . . » Старик рассмеялся.

В 17 лет, сын бедных родителей, Штробль приехал в Будапешт из провинции. С тех пор он учится и работает, работает и учится. Тридцать пять лет он учит молодёжь, воспитывая её в духе реалистического искусства. Он рассказывает о своей дружбе с Шоу, говорит Гуркову, что 52 его монументальные работы украшают площади и парки городов различных континентов.

У Штробля есть автомобиль, но он больше стоит в гараже: он предпочитает трамвай. У дома его растут каштаны. Старый скульптор прощается с гостем у ворот. Завидев высо-

кого старца с седыми волосами, в тёмном пиджаке и с палкой в руках, мужчины издалека снимают шляпы. «Здравствуйте, дядя Штробль!» — кричат ребяташки.

3 октября. Четверг. 30 сентября хоронили Яна Сибелиуса.

Недавно Тито принимал гостей: у него провели вечер красивая женщина Фурцева и её Чрезвычайный и Полномочный муж Николай Павлович Фирюбин. 1 октября газеты оповестили, что Фирюбин освобождается от обязанностей посла СССР в ФРГ в связи с назначением его заместителем Министра Иностранных Дел СССР. Муж красивой женщины делает карьеру.

Сегодня радио объявило, что город Молотов переименован в Пермь, а область — в Октябрьскую. По новому положению запрещается называть города и прочее именами живых людей.

8 октября. Вторник. Спутник, спутник, спутник! На Западе его называют «Величайшей сенсацией века». Спутник после баллистической ракеты устрашающе подействовал на воинственных политиков США. Тотчас по инициативе Даллеса состоялась встреча статс-секретаря с нашим Громыко, находящимся в США на сессии Генеральной Ассамблеи. Престиж России сразу возрос.

Американцы называют искусственный спутник «маленькой луной» — the baby moon, бэби-мун. У них тоже есть спутник — маленький алюминиевый шар величиной с баскетбольный мяч, но они запустят его не раньше весны 1958 года.

За последние годы — это пятое достижение советской науки: атомная электростанция, синхрофазотрон, самолёт «ТУ-104», межконтинентальная ракета и «the baby moon». Но последнее выходит из ряда вон.

Он запущен 4 октября 1957 года, в пятницу. Ракета-носитель сообщила ему необходимую орбитальную скорость около 8000 метро в секунду. Он отделился от ракеты, а она все ещё вращается, постепенно отставая от него и замедляя ход.

Время одного полного оборота спутника — 1 час 35 минут. Это шар диаметром 58 см и весом 83,6 кг. Два его радиопередатчика непрерывно излучают радиосигналы.

Что пишут и говорят об этом американцы?

[Идут вырезки из газет: фотографии из мировых газет о запуске спутника (откуда не указано); Хмурое меньшинство // Литературная газета. 1957. 8 октября; Нью-Йорк с утра до вечера // Комсомольская правда. 1957. 8 октября; выписки о запуске спутника и из мировых газет]

В центре Нью-Йорка на углу Сорок второй стрит и Бродвея стоит высокое серое здание редакции «Нью-Йорк Таймс». На высоте третьего этажа его опоясывает серебряная лента бегающих букв. Это коротко передаётся самая свежая информация. 4 октября вокруг этого дома до самого позднего вечера толпился народ. «Нью-Йорк Таймс» сообщала о запуске Советским Союзом первого искусственного спутника Земли.

Утренние газеты 5 октября вышли крупными аншлагами на первых страницах. «Daily News» дала аншлаг на пол полосы: «Луна диаметром в пол фута запущена». Сообщение

ТАСС она печатает под рубрикой: «Экстренно». Газета «New York Times» полностью перепечатала сообщение ТАСС и поместила схему полета спутника под таким аншлагом: «Советы запускают спутник Земли. Он кружит над Землёй со скоростью 18 тысяч миль в час. Получены первые сигналы». Комментатор газеты пишет: «Таким образом Советский Союз заявил о своей победе над США в соревновании по запуску первого спутника Земли».

4 октября американские учёные официально поздравили своих советских коллег с крупной победой. Председатель американского комитета по осуществлению программы Геофизического года Джозеф Каплан заявил, что вес искусственного спутника и его размеры просто фантастичны. Американцы поражены, они не ожидали, что спутник будет иметь такой большой вес и размеры.

Корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» пишет: «. . . Советский Союз сделал гигантский шаг в пространстве, шаг, превосходящий тот, который предполагали сделать учёные Соединённых штатов.

В скором времени вечерняя или утренняя звезда, видимая на небе Соединённых штатов, будет красной звездой, сделанной в Москве».

Да, это сенсация! Она заглушила всё: дискуссию в Генеральной Ассамблее, военные приготовления против Сирии, бои в Алжире, зверства южан в Литл-Роке, все забастовки, все тайфуны, эта новость о новой луне побила даже сообщения об извержении Этны и о находке *подлинного Лаокоона* во время раскопок на берегу Тирренского моря в Италии.

Спутник, спутник, спутник! Его видят в разных местах земли, его сигналы, записанные на плёнку, передают широкоэвещательные радиостанции. Лондонская «Дейли Геральд»: «Россия взяла верх над Америкой». (5 окт.)

Париж, «Фигаро»: «Первый искусственный спутник земли запущен вчера Советским союзом. Мы вступили в эру межпланетный путешествий». «Русские уже сделали то, чего ждали от американцев».

Заголовок в «Юманите»: «Первый день межпланетной эры». По словам римской газеты «Мессаджеро», сообщение о запуске «произвело сенсацию в Вашингтоне, где не предполагали, что научно-исследовательская работа русских в этой области даст так быстро положительные результаты».

«Dookoła świata», № 37. В «телеграммах» попался курьёз: «Американские учёные применили в камерах тюрьмы в Лос-Анжелос подушки с вмонтированными в них наушниками. Приятный голос из подушки услаждает заключённых. Узники обратились к администрации с просьбой о снотворных таблетках».

To nie plotki. Франц Карл, 80-летний торговый служащий в местности Фельдберг (Германская Демократическая Республика) является дедом жены шаха Ирана Сорайи. Франц Карл — член Социалистической Единой Партии Германии (SED)

Николас Эгон — английский живописец, -намеревается издать два альбома: «Портреты выдающихся личностей, включая Черчилля и Могэма» и «Акты» (т.е. изображения обна-

жённных и половых сцен). Некий американский издатель заказал «на корню» полмиллиона экземпляров к великой радости живописца, но затем отменил заказ, заявив, что ему показалось, что это будет одна вещь: «Акты выдающихся людей, включая Черчилля и Могэма».

-

Мелкие объявления из американских газет: «Молодой господин с хорошим звучанием голоса, который захотел бы ежедневно читать мне в течение часа книгу д-ра Кинсея о половой жизни, — тщательно разыскивается». («Chicago Sun»)

«Господин, который в 1940 году сделал мне предложение, может объявить о себе, я вновь свободна. Амелия Томпсон». («Journal Herald»).

«Уступаю уик-эндный домик с чудным видом на колонию нудистов. Продажа исключительно в результате ослабления зрения» («Leader»). [Нудисты — от французского nudité — нагота. Что это значит?—Прим. автора]

«Скандал в Голливуде»

Еженедельник «Confidential», выходящий в Лос Анжелесе, существует благодаря публикации скандалов из жизни кинозвёзд. С этой целью «Confidential» имеет целую армию частных детективов, оснащённых наиновейшими шпионскими средствами (укрытые микрофоны, магнитофоны), распознавая этим путём о всех интимных деталях и детальках из жизни звёзд. Конечно, всё это тотчас показывается в еженедельнике в так наз[ываемых]. репортажах сквозь замочную скважину, и тираж журнала на радость издателя Боба Гаррисона быстро идёт в гору. Там можно вычитать, что известный пианист Валенттин Либерэйс (Valentin Liberace) любит красивых юношей, там был описан «скок в бок» Гэйри Купера (Gary Cooper), выходки Ирси Китт (Earthy Kitt) и т.д.

Однажды детектив из «Confidential» вместе с известным песенником Фрэнком Синатра хотели проникнуть в спальню Мэрлин Монро, чтобы застать её *in flagranti*. По воле случая оба злополучных обличителя ошиблись дверью и вместо Мэрлин до смерти напугали невинную старую даму. Разразился скандал.

Многочисленные кинозвёзды и звезды обвинили Гаррисона, требуя многомиллионного возмещения за диффамацию и клевету. Гаррисон предстал в качестве обвиняемого, и теперь у Лос Анжелеса есть зрелище, что называется. Толпы публики осаждают залу, где происходит процесс.

Однако Гаррисон, имея в руках огромный фактический материал, защищается результативно. Процесс доказывает, что всё, напечатанное в репортажах «сквозь замочную скважину», в мельчайших деталях соответствует истине».

На фото красивый мужчина с журналом в руке: «Эррол Флинн, один из свидетелей обвинения, держа в руке «Confidential», с отвращением зажимает себе нос. — Этот журнал смердит, — говорит любовник американского кино».

Звезды виноваты, что в первом полугодии 1957 года продано более, чем на 8 млн. пар чулок меньше, чем в этот же период прошлого года.

Ибо в наше время Джина Лоллобриджида, Мэрлин Монро и другие звёзды подчёркивают свои прелести главным образом при помощи верхних частей туловища.

«Куда же девались те времена, когда ноги Марлен Дитрих потрясали мир?» — сетуют не без основания фабриканты чулок.

Чтобы спасти падающие доходы, промышленники готовят большую кампанию под лозунгом: «Женщина без чулок не одета».

Лоллобриджида имеет ребёнка, Мэрлин Монро хотела иметь, София Лорен заявила, что будет иметь десятерых. Одним словом, каждая уважающая себя звезда должна иметь ребенка. Такова мода.

Лючия Бозе тоже не может остаться позади. Знаменитая актриса итальянского кино, жена известного испанского тореадора Домингина, родила недавно милую дочурку, которую в честь мамы назвали Лючийей.

9 октября. Среда. «Dookoła świata», № 38.

Как явствует из данных одного американского ежегодника, лучше оплачивается должность «монарха» небольшой страны, чем президента США. Эйзенхауэр, по этим данным, получает в год 100 тысяч долларов плюс 50 тысяч на представительство. Зато английская королева «зарабатывает» 4,3 млн. долларов, бельгийский король Бодуэн 780 тысяч, шведский король 700 тысяч и 10 тысяч от продажи плодов королевских садов, голландская королева Юлиана 375.000 и 91.000 на содержание двора. Фридерик Датский 350 тысяч, Павел Греческий 250 тысяч, великая герцогиня Люксембургская 145.000.

Dzight David Eisenhower, президент США, вёл в течение нескольких минут двухмоторный самолёт, которым летел из Белого Дома в своё имение в Геттисберге. Американская пресса заявила, что Эйзенхауэр — первый в истории США президент, который в период своего правления вёл воздушный корабль.

Эрих Олленхауэр, глава западно-германской социалистической партии, применил интересный метод предвыборной пропаганды. Олленхауэр организовал несколько встреч с особенно красивыми киноактрисами — Доротеей Виск (Wiesck), Лис Ассис (Lys Assis) и др[уги]ми. Эти встречи с шампанским, икрой, коньяком и непринужденным разговором, передавало немецкое телевидение.

Абдул Рахман, новоизбранный малайский монарх, вскоре будет торжественно коронован. Деньги на корону дали все жители страны. Каждый малаец обложен специальной податью в 20 центов. Малайцев 6 миллионов, их подати образуют 1,2 млн. малайских долларов, предназначенных для покупки короны.

Не так давно в одной из тетрадей дневника я записывал, сколько заплатил Гиссен за развод с манекенщицей Ниной. В последнем имеющемся у меня номере «Dookoła świata» есть её фото в очень пикантном купальном костюме; рядом с ней — толстобрюхий купальщик в трусах, в очках, с усами, на хилых ножках.

«Как в романсе. Карьера лондонской манекенщицы Нины Дайер (Nina Dyer) могла послужить канвой для дрянных романсов госпожи Курт-Маийе (Courts-Mahier). После мно-

гих перипетий золушка, т.е. Нина, вышла замуж за короля, а именно за тяжело богатого молодого барона Тиссена. Однако, исходя из правила — ничто не длится вечно, после двух лет супружества Нина развелась. Впрочем, у неё уже был под рукой новый претендент. И это не кто-нибудь, а сын умершего недавно Ага Хана. Брак молодой пары совершился на этих днях.

На снимке мы видим Нину Дайер в начале её карьеры на пляже в Каннах в общество Никола Франко, брата испанского диктатора».

Чета молодых австралийцев сделала попытку побить рекорд в рок-энд-ролловом марафоне. Сто восемь часов без перерыва эти спортсмены танцевали, освежаясь на бегу апельсиновым соком и мороженым. Увы, один из танцоров в состоянии полного изнеможения был транспортирован в госпиталь.

В китайском ресторане в Лондоне подаётся «суп мира», приготовленный из советских крабов, английских цыплят и американской кукурузы.

10 октября. Четверг. В «Советской Башкирии» за 9 окт[ября]. появилась наконец моя зарисовка «Фельдшер Ольга Васильевна» о бишкаинской фельдшерице Савельевой. На видном месте, четыре колонки, довольно эффектно.

По данным Юнеско на земном шаре 700 миллионов неграмотных (больше всего в некоторых странах Ближнего Востока и Северной Африки — все те же наши друзья арабы, дикие и тёмные бедуины и туареги)

Население Нью-Йорка 7,8 млн. человек — на 100.000 меньше, чем в 1950 году.

13 октября. Воскресенье. Мне пришла в голову одна мысль. Обобщение предшествовавших наблюдений. Журнал «Огонёк» совершенно серьёзно писал, что получает письма от людей, желающих лететь на Марс (конец 1956 г. — начало 1957 г.). А когда вспыхнула драка в Египте, то у нас была масса добровольцев, желавших сразиться за Суэцкий канал. Витя Торопчик ходил в военкомат. Недавно я узнал, что эта мысль волновала многих других ребят. В нашем уфимском гарнизоне проводилась запись в добровольцы. Записалось очень много офицеров и солдат. Человек, от которого я это узнал, сказал редкое слово: «Всё равно делать нечего. Куда податься?» — Это знамение времени. Мы верим, в коммунистический «идеал, но разочарованы собственным социализмом».

15 октября. Вторник. Мама пишет, что зарисовку расценили в 175 рублей. Кроме польских журналов я привёз из Уфы 6 октября ещё и XV-й том «Histoire de France», Henri Martin. Сегодня, только что, я кончил письменный перевод большей части I-ой главы этого тома — о системе Лоу.

Дорогой сына!

Сегодня получила обе твои открытки. Дина пришла благополучно, без всякого штрафа по крайней мере мне она ничего об этом не сообщала.

Вырезку с твоей статьёй я спрятала. Заплатили за неё 175 руб. Я получу по доверенности и куплю тебе ботинки. Вторая твоя статья лежит пока у Глухова.

Вчера у нас было общее профсоюзное собрание, меня опять выбрали пред[седателем]. Мескома. Так что дела хватает. На бюро парторганизации редакции приняли в кандидаты, но впереди ещё собрания, райком.

Диночка все ловит спутника, очень перегружена, встает в 5 часов утра идет наблюдать спутника, потом в университет.

Дома у нас тепло — дали в печи газ. Когда ты приедешь за тёплыми вещами? Я беспокоюсь как бы ты не простудился. Приезжай за теплыми вещами, если можно то к 19 октября — у Диночки день рождения.

От тети Леры было вчера письмо. Они вернулись из Гурзура. Пишут, что Витя уже старший инженер. Зарплата 1100 рублей да ещё 150 руб премии почти каждый месяц.

Сегодня получила от них посылку с яблоками. Приедешь к 19-му постараемся их сохранить для тебя.

Получу 14-го гонорар подпишусь на две «Правды», «Литературку» «Огонёк» «Юность». Думаю, что хватит. Как по-твоему?

Что тебе ещё купить? Посылаю вырезку с твоей зарисовкой.

Пиши, сыночек

Целую мама.

Живу хорошо. Вчера вечером прочёл для учителей лекцию о Сергее Есенине. Двадцать моих коллег, не издав ни звука, ловили каждое слово моей часовой трепатни.

Мы с хозяйкой пополам купили колхозного барана. У колхоза нет кормов, он продаёт довольно много баранов. Заплатили 105 рублей, по 5 руб. за кг живого мяса. Овчину хозяйка продаст рублей за 15, выходит 90 руб. Десять килограмм вышло мяса, очень выгодно, дешевле рыночной цены. Мясо хорошее, но здесь «у т и л и з и р у е т с я» всё: сегодня мы ели варёные бараньи внутренности — кишки и «б р ю ш н и ц у».

16 октября. «Dookoła świata», № 37. Опера в Кливленде решила модернизировать «Тоску». За дело взялся специалист по переделкам и адаптациям оперных либретто — Джон Гутман. Действие «Тоски» в редакции Гутмана леденит кровь в жилах, т.к. оно происходит не в Риме 1800 года, а в одной из столиц стран народной демократии. Скарпио — шеф аппарата безопасности, а Марио Каварадоси — предводитель «революционеров». Флориа Тоска поёт на балах у сановников режима и любит храброго заговорщика. Скарпио — подлый тиран, стремящийся использовать любовь певицы к Марио в своих разведочно-эротических целях. Он падает, пронзённый стилетом, так как здесь уж у Гутмана нехватило фантазии для модернизации убийства. Дело могло бы уже кончиться «хэппи эндом», ибо влюблённых ожидает на аэродроме самолёт, но в последний момент врываются жандармы Скарпио и расстреливают их на месте.

В 38-м номере журнала напечатан очерк о Вене, написанный Евой Берберыуш. Есть интересные детали.

На площади Оперы в кафе «Моцарт», соединяющем старые и новые традиции, ничего не изменилось со времён Франца-Иосифа. В этом кафе, где сейчас сидят старички и пьют

несравненный венский кофе со сливками, несколько лет назад снимался фильм «Третий человек» (по сценарию Грэхэма Грина), триумфально обошедший почти все экраны мира.

Проезжая на трамвае, Ева Берберыуш видела ещё на стенах старые объявления: «Внимание, венгры!-требуются для работы. . . » — и т.д. В конце 1956 года и начале 1957 г. в Вене было полным-полно венгров. Бывшие «революционеры» Дудаша и Пала Малетера бродили по венским улицам, где горят по вечерам неоны «Cinzano», «Air France» и «Philips»: эти надписи можно встретить во многих городах мира. Но кроме того всюду в Вене видны надписи: «Julius Meinl» — и голова негра в красной феске. «Julius Meinl» — фирма, торгующая кофе и различными колониальными товарами. Всюду в Вене мелькает эта надпись, головка в красной феске и выложенный кафельками фронтон магазина. Почти в каждом ресторане, баре и кафе подаются салфетки с этой надписью и рисунком. На улицах Вены «Julius Meinl» борется с «Palmer's Strumfe» — изумрудно-зелёный фронтон, золотая надпись, а над ней золоченная корона: это чулочная фирма.

Ринг — кольцо, окружающее роскошный центральный район Вены. Вена знаменита собором Святого Стефана, прекрасной оперой, Бельведером. Город почти полностью выстроен в стиле барокко.

Ева Берберыуш поехала на Yringzing. Это окраинный квартал, центр увеселений. Старые кривые улицы, повсюду винные погребки. Здесь пьют Хойригер (Heuriger) — молодое вино, специальность Вены. Вечером сюда съезжается весь элегантный свет. Роскошные автомобили занимают узкие улочки и маленькие площади. Надписи над дверями старых погребков обещают Stimmugsmusic — музыку с настроением.

«Das Alte Haus» — низко повешенный жёлтый фонарь освещает виноградную лозу (szczer winnej latorośli). Музыка, пение, шум речей. . . На рожке жарятся цыплята. У столиков специальные круглые банки с вином: достаточно нажать рычажок, и вино струёй льётся в стаканы. Здесь все чувствуют себя старыми знакомыми. Среди посетителей прохаживаются музыканты с аккордеонами и льётся старинная мелодия: «Wien. Wien, nur du allein». . . Действие хойригера отличается от действия водки. Никто не напивается «в стельку». Но молодое венское вино разогревает кровь, и недаром поётся: «Пришла на Гринцинг девушкой, но не ушла с Гринцинга девушкой. . . »

Молодёжь в барах и других заведениях танцует рок-н'ролл в классической форме, без эротических искривлений.

В том же 38-м номере Войцех Гельжиньски публикует свой послефестивальный очерк «Московская смесь». Перевожу свободно.

Погас свет, наступила тьма. Сейчас понедельник 12 августа 1957 года. Полночь. Вдоль, по улице Горького, и поперёк, по Манежной, проходят запоздалые прохожие. Один, второй, десятый. Трудно поверить, что вчера, ещё вчера улицы в это время кипели десятками тысяч. Стрелки кремлёвских часов напрасно отмеряли часы ночи. На Охотном ряду отряды конной милиции едва удерживали порядок.

Полночь. Бьют часы. . . Ша! Москва спит. Москва отдыхает. Час назад закрылись рестораны. В этот момент закрываются вокзальные буфеты. Через час остановится метро. Ночь в Москве, если бы не зелёные, мерцающие огоньки такси, была бы полной неподвижностью.

За эти две недели фестиваля человек целиком отвык от сна под утро. Что же делать? Пресс-бар, где каждый вечер мы гасили жар идеологических дискуссий, сегодня закрыт в одиннадцать. Даже здесь, в оазисе чужеземщины, ночная жизнь угадала на следующий день после Фестиваля. Цербер у дверей не пускает: мы тоже люди, не машины, — раздражается он, — мы тоже должны отдохнуть. . . Совсем как в Варшаве. *Надежда только на Сашу. Я звоню: спасай, Саша! Не могу уснуть! Саша в миг приезжает на своём новом «Москвиче»; мы едем к нему. Из окна Сашы прекрасный вид: широкий прибрежный бульвар, лоснящаяся глубь Москвы-реки и целых три Дворца культуры, что ни Дворец, то больше похож на Дворец с Площади Дефилад. Поэтому на душе что-то такое своё.*

Саша-инженер, большой друг Польши и бывший артиллерист. Он был «под Жуковым» и «под Рокоссовским», палил из своих пушек в штурмовавшие повстанческую Варшаву отряды фон дем Баха. Больше ничего, говорит он, — нельзя было вам помочь, не вините в этом простых Иванов, высшая стратегия, растянутые коммуникации и т.д. Потом он шёл на Берлин, но не дошёл, застрял где-то в качестве «kamandira» (коменданта?-Р. Н.) в маленьком великопольском местечке и там-ech, Polska, cudiesnaja strana, — влюбился или что, если каждый раз возвращается к этим воспоминаниям, *kakaja tam zizn byla charosza, kakaja kultura. . .*

[Далее Войцех Гелжиньски осмеивает четырёхкомнатную квартиру своего московского друга, с вышитыми оленями на стенах, с абажуром-гигантом, «все эти плюши, канделябры, фарфоры. . .» балкон, кафельная ванная и много мебели, кабинет, спальня, кухня. . . Не все в Москве живут так. Он бы не повесил у себя в доме эти вышивки и фотографии в рамках.]

Мой коллега Сташек Любич с осуждением сообщал недели две назад на этих самых страницах, что мужчины в СССР упорствуют и далее в традиционализме, и не думая расстаться с брюками. Ширина которых равна длине башмака.

Да, этот так, по крайней мере, если речь идёт о старшем поколении. . .

. . . Множество русских восхищается своей кондитерской архитектурой, позолотой, мраморами, гипсовыми статуэтками спортсменов и греческих богов, словом, всем тем, что в нас возбуждает впечатление безвкусицы. И *vice versa*. На выставке современной западной живописи раздраженные толпы громко высказывались против этих «странных богомазов». *Chacun a son gout*, говорят французы, *a de gustibus non est disputandum. . .*

2.

Я столкнулся с мнением, что Москва это «самая большая деревня в мире [najbardziej wiekowiejska wieś świata]», т.к. в центре её видны там и сям халупки, как бы живьём перенесённые из глубокой провинции. По этой шкале Варшаву, у которой нет ни метро, ни десятой части московской моторизации, нужно бы назвать курятником. [Войцех Гелжиньский говорит, что это определение Москвы имеет некоторый смысл в одном отношении: если речь

идёт об образе жизни жителей.] В Москве, гигантском котле переплавляются многомиллионные волны провинциалов, приносящих в столицу свои привычки и вкусы, свою эстетику плюшевого дивана, свой обычай послеполуденного «гулянья» в парках и на улицах.

В какой же другой мировой столице нет ничего, что напоминало бы кафе? Где вы найдёте другую столицу, по центру которой шляется с «гармошкой» толпы молодёжи без очевидной цели, вот так, чтобы поиграть и походить? Есть ли другой большой город, в котором смотрят с осуждением на раскрашенную или обутую в лёгкие сандалии девушку, в котором даже в ресторанах или театральных фойе не увидишь женщину с папирсой? В котором никакие правила не предписывают «вечернего костюма»? В котором общественная жизнь замыкается в четырёх стенах квартир, за стопочкой, за шахматами или преферансом, т.к. даже бридж неизвестен? В котором почти не встречается. . . собак. . . . ?

По-маломестечковому складывается досуг москвичей, независимо от того, ездят ли они на работу на метро или в собственном автомобиле, который здесь не является, как у нас редкостью, доступной только для «элиты» и спекулянтов. Провинциальный обычай регулирует отношения между молодежью разных полов. Свидания, как правило, назначаются в парках или на углах улиц. Провинциальная, мне кажется, привычка, а не глубокая религиозность — заставляет даже многочисленных комсомольцев (чаще комсомолок) посещать в воскресенье церковь и кланяться попам.

3.

Фестиваль не дал достаточной возможности встречи с советской молодёжью: большинство студентов выехало из Москвы на уборочные работы, в туристические и спортивные лагеря или просто «на юг» и «на дачу», как каждый год.

. . . Признаюсь, что терпеливо искал карикатурных образцов «stielagi» в башмаках на чудовищной подошве, осмеиваемых в печати. Искал, но не нашёл. Быть может, они как раз выехали из Москвы на время фестиваля, быть может, их трудно было отыскать среди иностранцев. Зато я встретил группку «Wdechów», называющие друг друга «Джонни» и «Джек», одетых с изысканным изяществом лондонских «teddy-boys». Их снобистские манеры оправдывают беспокойства организаторов молодёжного движения. Поблажки к экстравагантности этих юнцов являются — как сплетничают в Москве — следствием особого положения одного из них, сына или внука выдающегося революционера. Потомки людей, особенно заслуженных перед советским обществом, заслуживают в глазах общества большего уважения.

Что однако самое удивительное: из разговоров с этой группкой я сделал вывод, что их «западные» манеры великолепно сочетаются с нерушимой верой в правдивость каждого канона, данного им на веру. . .

Зато те, которые выражали те или иные сомнения, не касавшиеся, впрочем, принципов социализма «оптически» не отличались обычно от типичных молодых людей. . .

17 октября. Четверг. Интересная новость: в Польше запрещено издание еженедельника «Po prostu», самого популярного журнала в Польше, разжигавшего ненависть к России

и под лозунгом борьбы со сталинизмом предлагавшего распустить «сталинскую» компартию Польши и вновь организовать её на новых началах.

В Сирию прибыли египетские войска.

В США из Канады прибыла королева Елизавета и герцог Эдинбургский.

Недавно в США в придорожной гостинице министру Ганы было отказано в двух стаканах апельсинового сока, «мы не обслуживаем цветных».

21 октября. Понедельник. До Уфы дошла эпидемия азиатского гриппа. Говорят, его занесли делегаты Фестиваля. Огромные размеры, как в Западной Европе, эпидемия приняла в Москве. В Уфе процент больных школьников так велик, что в с е ш к о л ы закрыты на десять дней. На 5 дней закрыта Толбазинская школа (крупнейшая школа Аургазинского района). Особенно страшны осложнения после гриппа. Есть смертные случаи. Умерла мать моей ученицы-десятиклассницы. «Ф е с т и в а л ь н ы й г р и п п».

Я был вечером 19-го и днём 20-го в Уфе. В субботу на последнем сеансе я смотрел польский цветной фильм «Дело пилота Мареша». Фильм мне понравился. Особенно хорош пилот Мареш (артист Глинский), играет немного похоже на Жана Маре, но не совсем.

[*Выписка:* 21 октября 1957 года на нью-йоркской фондовой бирже отмечено резкое падение курса акций, рекордное для многих лет. Срдный курс акций 60 компаний понизился на 5,1 доллара. За один день общая стоимость акций, зарегистрированных на нью-йоркской бирже, упала на 6,3 миллиарда долларов. К закрытию биржи исчисляемый конъюнктурной фирмой Доу-Джонса индекс курса промышленных акций был почти на 20

Финансовые обозреватели, которые объясняли падение курсов так называемыми «технически-биржевыми» факторами, сейчас признают, что на бирже сказываются общие мрачные перспективы американской экономики.]

Конференция английских врачей обсуждала актуальный вопрос: «Табак и болезни». В начале дебатов большинством голосов решили не курить в зале заседаний. Через несколько часов председательствующий сообщил, что дебаты затянутся надолго. Тогда с задних рядов раздался возглас: «Вношу предложение отменить запрет!» Ответом был гром аплодисментов. Дискуссия медиков на тему «Табак и болезни» продолжилась в облаках табачного дыма.

«Tagesspiegel», западногерманская буржуазная газета, описывая «бал балов» в Нью-Йорке, говорит: «Даже самые старые и самые солидные представители международного общества не могут вспомнить, видели ли они когда-либо такую концентрацию роскоши и драгоценностей в одном месте». В большом зале отеля «Вальдорф-Астория», собрались именитые гости, обвешанные драгоценностями дамы. Жена Ага-хана имела на себе ювелирные изделия стоимостью в миллион. За ней неотступно следовал специально приставленный детектив. Он шёл за ней по пятам. Даже во время танца.

Владельцы отеля «Фламинго» в Лас-Вегасе (США) наняли для своего бара шестнадцать девушек, окончивших Гарвардский и Колумбийский университеты и имевших степень док-

тора наук. Среди новых сбивательниц коктейлей имеются два доктора философии, доктор физических наук, доктор антропологии и т.д.

22 октября. Вторник. Я болен, сильно кашляю. Послезавтра маму принимают в партию, а она тоже нездорова.

Положение в Сирии очень тревожное. Турки накапливаются, даже оголяют советскую границу, чтобы побольше сил выставить против Сирии. Хрущёв в своей беседе с Рестоном сказал: «Они напрасно так делают» (Т.е. напрасно думают, что мы будем сидеть и смотреть в случае нападения на Сирию). Это многозначительное заявление Хрущёва прозвучало предостерегающе. Даллес выступил и ответил, что в случае нападения СССР на Турцию США атакуют Советский Союз. Это уже прямо-таки военный вызов. Даллес зашёл слишком далеко. Американцы в страхе: неужели война? А у нас народ газет не читает, да и газеты наши подали заявление Даллеса как забавную мелочь.

23 октября. Среда. Самочувствие улучшилось. Получил большое письмо от Юрки Поройкова. Он долго болел, сейчас по-прежнему ходит без работы, но у него есть надежда.

Из «Литературной газеты» я выписал стихотворение Светлова «Искусство». Оно будет напечатано в новом сборнике «День поэзии», который будет, видимо, вполне хорошим и благонамеренным.

Джозеф Олсон в статье, присланной из Парижа и напечатанной во многих газетах (в том числе в «Нью-Йорк таймс»), требует отставки Даллеса. Этот неуклюжий и воинственный фарисей, как его называет Олсон, становится всё более непопулярным.

На нью-йоркской бирже недавно опять произошло сильное падение курсов акций.

18 октября в Стамбуле умер реакционный турецкий журналист Ялчин. В тот же день сирийский вопрос был включён в повестку дня Генеральной Ассамблеи. А что там дальше было, не знаю. Газеты приходят с опозданием, а радио говорит, когда захочет.

Сложнейшая операция.

Американские доктора Джан Брюэлл и Джордж Абли сообщили о случае оперативного удаления всей правой половины мозга у 39-летнего больного. Больной подвергся обследованию как до, так и после операции. Какого-либо существенного снижения высших мозговых функций после операции установлено не было.

«Комсомольская правда», 20 октября 1957 года. Очень интересная и очень злая статья об очерке Войцеха Гелжиньского «Московская смесь» в одном из сентябрьских номеров журнала «Dookoła świata». Этот очерк я перевёл в извлечениях в предыдущей тетрадке дневника. В очерке Гелжиньского очень много несообразностей и даже лживых утверждений, но он написан в духе лукавого компромисса с могущественными и нелюбимыми друзьями — советскими людьми. Я сгоряча написал большое письмо в редакцию «Dookoła świata», но отправить не смог — уже запечатал и вспомнил, что вместо «Диего Ривера» машинально написал «Хосе Ривера». Проклятие!

24 октября. Четверг. Американское бюро переписи населения объявило, что за последний год сельскохозяйственное население США сократилось на 1.861.000 человек. На-днях

в Сиу-Фоллс состоялись традиционные соревнования по механизированной уборке кукурузы. Когда министр сельского хозяйства Бенсон поднялся на трибуну, чтобы произнести приветственную речь, из толпы фермеров в него полетели тухлые яйца. Полиция с помощью дубинок и наручников восстановили порядок. Арестованные фермеры объяснили своё поведение тем, что они безрезультатно обращались к Бенсону с письмами о своём бедственном положении.

25 октября. Я опять совсем болен. Чувствую себя плохо. Из Уфы я привёз брошюру Вольской «Ватто» и за 4 дня почти полностью переписал её, сделал очень подробный конспект.

Новость: маршал Рокоссовский назначен командующим Закавказским военным округом. На турецкой границе появился один из победителей Гитлера. Положение Даллеса шаткое. Генеральная Ассамблея чуть ли не сегодня приступает к обсуждению сирийского вопроса. Сирия отклонила посредничество короля Сауда для переговоров с Турцией. Западная пресса пишет, что обстановка в Леванте разрядилась, «палец снят с курка». Изъявления арабской солидарности; народное ополчение в Сирии под ружьём, там же египтяне и, вероятно, советские части. Хотя последних, вероятно, очень немного. Кажется, войны не будет, приготовления слишком внушительные.

Советская дипломатия берёт реванш за Венгрию. Сначала подал в отставку Идэн, теперь очередь Даллеса. Наше влияние растёт, престиж СССР увеличивается.

29 октября. Вторник. Спутник перестал подавать сигналы, т.к. питание иссякло. Теперь особое значение приобретает оптическое наблюдение и фотографирование. В американских газетах вместо слова «baby-moon» появилось новое слово: «the russian sputnik».

В Гватемале после убийства диктатора состоялись новые президентские выборы. Правящая партия пошла на явную фальсификацию выборов: целые округа не получили избирательных бюллетеней, зато рабочие государственных предприятий, имевшие по несколько бюллетеней каждый, толпами ездил из города в город на специально предназначенных для этого грузовиках и голосовали вновь и вновь.

Патриоты на могли в условиях диктатуры выставить своего кандидата, поэтому вся оппозиция поддерживала одного, который выдвинул лозунг «национального примирения»: амнистия жертвам переворота 1954 года и восстановление конституционных свобод.

По предварительным данным о результатах голосования впереди шёл кандидат оппозиции. Тем не менее, правительство объявило о победе своего кандидата. Однако оппозиция открыто выступила с неповиновением, отказалась признать нового президента; начались волнения. Выборы были объявлены недействительными: власть захватила военная хунта из трёх полковников. Новое pronunciamiento.

26 октября власть от военной хунты перешла к избранному Национальным Собранием временному президенту Авендано, одному из активных деятелей переворота 1954 года, когда был свергнут Арбекс. Народ недоволен, в столице произошли рабочие демонстра-

ции против Авендано. Полиция арестовала 50 человек. Новые выборы назначены, кажется, на январь.

30 октября. Среда. Чувствую себя хорошо, только кашель. В школу пришла «Смена», где напечатаны цветные репродукции картин, получивших золотые и серебряные медали на фестивальной выставке. В их числе — «Окраина» Бориса Домашникова, серебряная медаль. Я хорошо знаю Домашникова, мы с ним в Уфе даже здоровались: это низенький, щуплый, невзрачный человек, с отёкшими глазами и вздёрнутым носом. Он очень некрасив, сильно шепелявит и производит впечатление славного, симпатичного парня. Он молод, как и Шурик Пантелеев, с которым когда-то учился вместе в школе Витька Торопчин.

Я чувствую, что скучаю не только по дому, друзьям, библиотекам и редакциям, но и по этому миру художников, который только-только начал для меня открываться. Я пил пиво и говорил об искусстве с Алёшей Кузнецовым, начал сближаться с Пантелеевым, был в очень хороших отношениях с одной из вдохновительниц этого молодого круга — Эвелиной Павловной Фениной. Я скучаю по искусству, я изрыдался по Эрмитажу и музею имени Пушкина. Я хочу жить близко к миру художников, т.к. в Уфе нет поэтов и писателей: я имею в виду русских.

На русском языке пишет «п и с а т е л ь» Иван Владимирович Сотников — бездарность; мой любимый и милый Василий Васильевич Гредель — бездарность; «пара гнедых», Гаврила Орлов и Вася Трубицын — бездарности. . . Молодые? Способные только двое: Геннадий Молодцов и Юра Дерфель, но последний трепач и бездельник. Хороший, грамотный версификатор Марсель Гафуров (он сейчас на военной службе), мой добрый знакомый Саша Филиппов теряет остатки своего дарования, если оно у него было; Костя Папков (снова поступивший учиться, теперь уже в университет) после всех своих претензий и сомнений проявил подлинное лицо — мелкое самолюбие, чрезмерное тщеславие, способность к подражаниям, полное отсутствие вкуса, неумение сказать своё. У него нет ничего за душой, он - «канарейка с голосом чужого».

Нет, у наших художников гораздо интереснее, есть чему поучиться. С ними интересно, они взрослее, умнее, толковее.

Вчера вечером в тельавивском парламенте во время прений с галереи для публики была брошена граната в места, занимаемые членами правительства. Два израильских министра серьёзно ранены, премьер Бен-Гурион, министр иностр[анных] дел Голда Мейер и другие получили лёгкие повреждения. Покушавшийся, еврей по национальности, арестован; правительственное сообщение приписывает покушению личные мотивы и считает простым совпадением, что покушение произошло в годовщину нападения на Египет.

Едва лишь маршал Жуков вернулся из своих заграничных экскурсий, его освободили от обязанностей министра обороны СССР. Этот пост занял маршал Малиновский. Что всё это обозначает? Может быть, Жуков, хлебнув где-нибудь в Белграде или Тиране лишнюю чарку, трёкнул что-нибудь неподобающее?

Посмотрим, что будет дальше делать наш «грэнд-маршал».

«Литературная газета», видимо, в плане генерального наступления на братскую польскую литературу, напечатала большую статью против польских писателей, в основном против Марка Хласко. Marek Hlasko — талантливый парень, но пессимист. Его «Восьмой день недели» получил европейскую известность. В этой статье разъярённо атакуют современную польскую художественную критику с её лозунгом: «Realizm biez przymiotnika» — «Реализм без прилагательного». Т.е. не критический, не социалистический, а просто — реализм.

После королевы Елизаветы и Макмиллана в Нью-Йорк приехал ещё один английский гость — Эньюрин Бивен, казначей партии лейбористов, недавно посетивший СССР. Он рассказал американцам, что Россия произвела на него впечатление большого технического прогресса и огромного «промышленного динамизма», а из беседы с Хрущёвым он вынес мнение, что Советский Союз и его руководители искренне желают установления дружеских отношений с Соединёнными Штатами Америки.

По-моему, Эйзенхауэр охотно уволил бы Даллеса, но не смеет. Даллес ему не подчиняется. У Даллеса слишком глубокие и прочные связи в политическом и финансовом мире США. Даллес не зависит от Эйзенхауэра.

Впрочем, если даже Даллес уйдёт (это возможно), мало что изменится. Пока что в мире относительно спокойно, спокойнее, чем 7 лет назад, но всё же, мне кажется, году так в шестьдесят пятом — семидесятом будет the World Ware III. Никак её не миновать. Осталось до неё меньше десятка лет. До этого надо успеть сделать многое.

1 ноября. Пятница. Всё болею. На этой неделе я бросил курить.

«Огонёк» за 1916 год; кажется, майский. Два рисунка С. В. Животовского под заголовком ««Приваль комедиантовъ» — новый артистическо-художественный подвалъ въ Петрограде». Текст:

«Умерла «Бродячая собака». Да здравствует «Привал комедиантов»!

Сюда, в подвал углового дома на Михайловской площади, с «антрэ» на задворках, переселился дух почившей «Бродячей собаки». Дух монмартрских кабаре, в которых соби­рается парижская богема. Давят сверху низкие своды каменного дома. Подымите стоя неосторожно руку — и вы ушибётесь. И какими-то грешниками в аду кажутся рвущиеся на свободу футуристические уродливые фигуры, которые расписаны своды и потолки этого подземелья. Много дикого, резкого, бьющего по нервам. Но много и уютного, свежего, свободного. Под сводами за столиками, на табуретках, на ступеньках, а то и прямо на полу сидит публика — и старики, и молодые, и слушают бледного юношу, читающего монотонно едва слышным голосом бледные стихи. Но собравшиеся слушают его внимательно и сочувственно ему аплодируют. Надо ведь юношу поддержать... За юношей выходят ещё юноша и ещё юноша, тоже со стихами. Читают робко, но с уверенностью, что их поддержат здесь, в скромном приюте любящих искусство. Но вот на сцене-крошке появляется жизнерадостная Тэффи. Её встречают громкими аплодисментами и слушают с напряжённым вниманием. Те же встреча и аплодисменты сопутствуют выход М. Кузмина. А в соседнем подземелье-столовой белые «арапы» в челмах и халатиках печально

разводят руками перед сидящими за столиками голодными гостями и сообщают, что чай весь выпит, а бутерброды все съедены. Где-то в уголке у лестницы играет квартет».

2 ноября. Суббота. Ещё деталь петроградской жизни того времени: простой народ перед праздниками стоял в длинных очередях за денатурированным спиртом и гнал из него ханжу. На 5-й выставке «Товарищества независимых» в Петрограде скульптор И. И. Сагд выставил сильную по экспрессии «Ханжистку» из пещеристой и комбинированной глиняной массы: это отвратительная голова старухи в платке. «Огонёк» 1916 года пишет: «На ближайших к Петрограду станциях проживает много специалистов по изготовлению ханжи. Их «фабрики» — настоящие кухни ведьм, на которых изготавливается отрава для фабричного населения Ланской, Удельной и Озерков. Не удивительно поэтому, что в этих районах по праздникам такая масса мертвецки пьяных кандидатов в сумасшедшие дома».

На выставках 1916 года появился «Жаждающий воин» Петрова-Водкина (художник из «Мира искусства»), картины Коровина, Юона, Васнецова; скульптор Судьбинин выставил две бронзовые статуэтки балерины Павловой; передвижники — профессор А. В. Маковский, академик Богданов-Бельский, академик Бодаревский (последний выставил портрет артистки Линковской). В Петрограде на выставке «современной русской живописи» (преимущественно «левые» художники) набралось более двухсот полотен Кончаловского, Ходасевича, Шагала, Натана Альтмана и др[уги]х. П. Кончаловский выставил там «Корабли», целую комнату заняли работы Ильи Машкова. Видное место в живописи эпохи занимало типичное салонное «ню», в котором главное — «интерес голизны», как выражался Маяковский. На весенней выставке в Петрограде академик П. Д. Шмаров, председатель жюри выставки, вывесил огромное полотно под названием «Сны белой ночи» — две разъярённых голых фигуры, какие-то фурии, среди бешенных кипящих волн, сшибаются в бурном движении. «Огонёк» писал об этих «снах»: «великолепный гобелэн во вкусе парижских «салонов»». На выставке «Товарищества художников» В. К. Штембер выставил шаблонное, мягкое, зализанное «ню» под названием «Нега»: лежащая на спине, с роскошными бёдрами и маленькой, недоразвитой грудью; пухлая, мягкая, жирноватая женщина.

3 ноября. Воскресенье. С утра передали информационное сообщение: маршал Жуков в конце октября единогласным решением пленума ЦК выведен из состава президиума и вообще ЦК как не оправдавший высокого доверия. Он насаждал в армии «культ своей личности», пытался изолировать армию от партийного руководства, противопоставил себя партии, чрезмерно преувеличивал свою роль в Великой Отечественной войне. И так далее. . . Партийные активы в Москве и Ленинграде уже единодушно одобрили это постановление. Только после этого новость передали печати и радио.

И сегодня же очередная советская сенсация — второй спутник! Запущен сегодня. Собака, живая собака, носится со страшной скоростью вокруг земли — около 8.000 м/сек. У неё запас пищи, установка для кондиционирования воздуха. Сама она в герметической кабине. Спутник № 2 представляет собой последнюю ступень ракеты-носителя. Подаёт сигналы.

Максимальная высота — 1.500 километров! И снова по полярной орбите запустили. Весит спутник свыше 500 килограмм.

Теперь мы так основательно переплюнули Америку, что ей нужно сто лет тренироваться в плевании — и то не доплонет!

А как скромно было обстряпано дело. Как спокойно! Американцы поднимают страшный шум, рекламируя свои спутники, а мы тихонько делаем дело и уже затем сообщаем. Против американской тактики рекламирования мы применяем тактику сюрпризов. Хороший сюрприз к сорокалетию!

О Жукове в постановлении ЦК сказано, что он был склонен к авантюризму, что он «политически несостоятельный» или в этом роде. Вероятно, он предлагал нашим использовать наш временный перевес в трансконтинентальных ракетах и раздавить Турцию, а то и «прихлопнуть» США.

16 ноября. Суббота. Праздники провёл в Уфе. Второй спутник был запущен в самый канун, 3 ноября, спустя 30 дней после первого. Во втором спутнике взлетел пассажир — собака Лайка. Сначала сообщалось, что состояние её удовлетворительное, а потом перестали говорить о ней. Наконец, сообщили, что собачка волею божиею издохла. Мир её праху!

Радио приносит новости: в Иордании чуть ли не гражданская война против короля Хусейна, антиимпериалистические демонстрации, с которыми на улицах иорданских городов расправляются вооружённые отряды бедуинов, питомцев Глабб-паши.

В Москве на сорокалетие собиралось нечто вроде Коминтерна. Старик Антонин Запотоцкий, чехословацкий президент, вернулся из Москвы больным и скончался после недолгой болезни.

Американцы начали продавать оружие Тунису. Франция пришла в ярость, и Феликс Гайяр уже ставил вопрос о доверии. Положение там напряжённое, французы грозят выйти из НАТО.

На Кубе дерутся всё яростнее — диктатор Батиста, поддерживаемый американцами, и патриоты, которыми руководит Фидель Кастро.

25 ноября. Понед[ельник]. В Мексико умер художник Диего Ривера, один из видных мексиканских коммунистов, председатель Мексиканско-советского института. Семьдесят лет.

На 1 декабря я собираюсь в Уфу. Хочу выписать из Москвы по межбиблиотечному абонементу книгу Гонкуров «Французское искусство XVIII века». Сейчас у меня новое увлечение — Антуан Ватто. Он мне чем-то глубоко симпатичен.

5 декабря. Четверг. Сегодня праздник, не работаем. Съездил в Уфу, получил рекомендацию в комитете ВЛКСМ университета. Здесь, в Бишкеине, мне предложили вступить в партию. Мне дают рекомендации Валериан Георгиевич Прокшин и Алина Мухаметзяновна Ахмерова, мать Карика Ахмерова.

Я встретился с Аликом Глезером и Витькой Торопчиным (он же Ивановский). Несмотря на витькину женитьбу, мы с ним не прерывали связи. Есть ещё у нас там славные хлоп-

цы: Борис Сорока, Раиль Билялов, Коля Костин, Гога Иванов. Это мои друзья с улицы Октябрьской революции.

Сделал заказ в МБА на книгу Гонкуров. В зимние каникулы я 10 дней хочу потратить на эту книгу. К ней должна быть приложена биография Ватто, написанная графом Кэйлюсом, эту биографию я спишу полностью на французском языке.

В понедельник, в 11.20 вечера (по уфимскому) я сел, как всегда, на поезд Уфа — Тюльган (69-й поезд). В нём я обычно езжу до своего Белого Озера. В одном вагоне со мной были демобилизованные солдаты, возвращавшиеся в родные башкирские сёла: татары и русские. Они служили в Восточном Казахстане. Один молодой русский был шофёром в Усть-Каменогорске. Он видел там Георгия Маленкова, работавшего директором «ИртышГЭССтроя».

Маленков — низенький толстый человек. Ездил в новом длинном автомобиле со своим личным шофёром. Его очень хорошо встретили в Усть-Каменогорске. На собрании он прямо заявил, что его сняли неправильно, что он ещё своего добьётся, что он ещё вернётся туда, где был, и т.д. в этом роде.

Маленков привёз с собой из Москвы своих поваров (видимо, любитель хорошо покушать). Кроме того, с ним прибыло одиннадцать контейнеров разного добра. Видел молодой шофёр и дочку Маленкова: «сильная дочка», интересная. А жена Маленкова — «профессор медицинских наук», как выразился молодой шофёр. Но самое интересное, что Маленков — уже не директор «ИртышГЭССтроя». О н у ж е с н о в а у е х а л в М о с к в у. Перевёлся в Москву. На какое-то новое место.

Усть-Каменогорск — крупный центр индустрии. Там очень много заводов, о которых не принято писать в газетах. Есть цеха с д в у х ч а с о в ы м р а б о ч и м д н ё м, где рабочие работают в «намордниках». Зато после двух лет работы «ч е л о в е к а т р о ф и р у е т с я», становится негодным, импотентом. Так рассказывал молодой шофёр. И воздух в Усть-Каменогорске так отравлен ядовитыми отходами современной тайной промышленности, что у многих людей быстро выпадают волосы: проведёшь гребнем — они так и сыплются. Это значит, что Сибирь становится нашей основной военно-индустриальной базой. Не для освещения тайги строятся гигантский электростанции.

Куйбышевская ГЭС пущена в ход. Через 2–3 года начнут поступать могучие потенциалы Сибири.

Кинопродюсер Дариил Занук (США), создатель фильма «Железный занавес», закончил съёмки фильма по роману Хемингуэя «Фиеста». В фильме снимались известные американские и французские актёры Мел Феррер, Ава Гарднер, Тайрон Пауэр, Жюльетт Греко, Даник Патиссон. Съёмки производились в Париже, Биаррице, Мексике и Испании.

Только что радио сообщило, что город Чкалов снова переименован в Оренбург, а Чкаловская область — в Оренбургскую. Это уже совершенно непонятно.

Во Франции избрано этой осенью новое руководство Национального Комитета Писателей. Генеральная ассамблея НКП собирается ежегодно. На 1957–1958 годы ассамблея избрала правление, председателем которого стал теперь Луи Арагон (недавно ему стукну-

ло 60 лет). Бывший председатель Франсис Журдан стал почётным председателем. (Этого Журдана я читал одну только статью «Утрилло, или красота незаметного». Статья написана в 1955 г., видимо, по поводу смерти художника). Вице-председателями правления избраны Рене Жугле и Пьер де Лескюр. В состав правления входят Жорж Садуль, Жан-Поль Сартр и другие.

Сартр, вождь экзистенциалистов, недолго был другом России. В тогдашнем известном интервью газете «Либерасьон» он наивно заявлял, что занят мыслью синтезировать марксизм и экзистенциализм. Вскоре на книжных прилавках России появилось дешёвенькое издание пьесы «Только правда» («Некрасов»). Она расходилась плохо. Пока советские граждане раздумывали, покупать ли им пьесу Сартра, сам автор перестроился и стал врагом России в связи с событиями в Венгрии. — Кстати, ещё о Венгрии. Начали уже возвращаться со службы наши ребята, побывавшие в Венгрии. Рассказывают, как они услышали о восстании в Будапеште, как машинисты отказывались вести на Будапешт составы с советскими солдатами, как сами солдаты вели эшелоны. В Будапеште рыскали банды, разыскивая семьи советских военнослужащих или просто советских граждан. Убивали на месте. Всё советское — женщины, дети, гражданские работники — перешли в Чехословакию, которая открыла им границу. Когда хлынула новая волна — беглых мятежников, Чехословакия не пропустила ни одного. Они уходили в Австрию.

В Будапеште нашим солдатам сначала запрещали открывать огонь. Наши терпели. Затем было дано разрешение стрелять. После этого, если с чердака какого-нибудь дома раздавался хоть один выстрел, наши отвечали из всех видов оружия и стирали весь дом с лица земли. Расправлялись жестоко.

Как сообщает (осенью) швейцарская газета «Naziional Zeitung», Чарли Чаплин, отметивший недавно своё 68-летие, работает в настоящее время над сценарием нового худ[ожественного] фильма, который пока условно называется «Смех».

Недавно Чарльз Чаплин дал интервью корреспондентам в Лозанне. На вопрос о характере его фильма «Король в Нью-Йорке», который «очень волнует американцев», Чаплин ответил, по сообщению газеты «Юманите», что он, разумеется, нападает на маккартизм, но не на американцев. «Я убеждён, — добавил он, — что большинство американцев одобряет мой подход к сюжету фильма».

6 декабря. Пятница. Лучшие американские пьесы сезона 1955–1956 гг.: «Дневник Анны Франк» (Ф. Гудрич и А. Хэкетт), «Вид с моста» (пьеса Артура Миллера, обличающая доносчика-отщепенца), пьеса двадцатилетней давности, написанная Жаном Жироду — «Троянской войны не будет» (на Бродвее пьеса идёт под названием «Тигр у ворот»). Это пародия на древнегреческую мифологию: троянец Гектор находит союзника в лице Улисса, и они вместе пытаются предотвратить войну. В число лучших пьес минувшего сезона критика включила историческую драму «Жаворонок» (автор Жан Ануйль, обработка Лириан Хеллман). В центре драмы — образ Жанны д'Арк. Гуманистические мотивы сближают драму со «Святой Иоанной» Бернарда Шоу. В число десяти лучших Луис Кроненберг включил ко-

медии Торнтон Уайлдера и англичанки Энид Бэгнолд, а также весёлая пропагандистская пьеса Айры Левина «Не время для сержантов» (улыбающийся новобранец Вилли Стокдейл в этой пьесе как будто сошёл с плаката «Вступай в армию Соединённых Штатов»). В первую десятку Кроненберг включил музыкальную комедию «Моя прекрасная леди», которая является свободной переработкой «Пигмалиона» Шоу, разбавленной опереточными куплетами.

Постановщики серьёзных пьес испытывают затруднения. Среди «финансовых неудач» театрального сезона 1955–1956 гг. — «Тамерлан Великий» Кристофера Марло, «Красные розы для меня» Шона О'Кэйси и даже одна из «лучших пьес» «Вид с моста» Артура Миллера.

Вчера в Ленинграде спустили на воду первый в мире атомный ледокол.

8 декабря. Воскресенье. Новый провал американцев. Долгожданный «Авангард» взорвался на земле: американского спутника хватило лишь на 2 секунды.

На прошедшей неделе в Индонезии бросили бомбу в президента Сукарно (на школьном вечере, куда он пришёл со своими детьми). Есть убитые и раненые, Сукарно не пострадал. Индонезию охватила буря возмущения. Рабочие принялись экспроприировать предприятия, принадлежащие голландцам. Требуют возвращения Западного Ириана.

В нашей прессе сообщают о симптомах депрессии в США и новых выступлениях против Даллеса. Американцы отчаянно ругают его и требуют его отставки. Это целая компания. Видимо, где-то за кулисами идёт борьба за и против Даллеса. Кстати, говорят, что провал испытаний «Авангарда» вызвал новое падение курсов на бирже.

Восстание в Испанском Марокко. Создаётся впечатление, что вся Северная Африка поднимается к новой жизни. Если добавить к этому тайные процессы, происходящие в недрах чёрного материка, то создастся внушительная картина.

Наше радио и пресса прекратили шум о Сирии. Значит, Сирия действительно в безопасности. Этот кризис миновал.

В Гватемале для участия в новых выборах зарегистрирована «революционная партия», которая в прошлый раз не голосовала.

Скоро соберётся Совет НАТО. Американцы хотели встретить её со своим спутником, но не получилось.

Кстати, наши спутники работают на кислородном горючем.

11 декабря. Среда. Белый Дом объявил, что на предстоящую сессию Совета НАТО (16 декабря, в Париже) выедет президент Эйзенхауэр. Это заявление было сделано после того, как Эйзенхауэра осмотрела большая группа врачей.

Два дня жизнь города Нью-Йорка серьёзно дезорганизована. На 20-минутную поездку из одного квартала в другой ныне тратят по три часа. Учреждения работают в сильно ослабленном и неполном составе. Магазины великого города, которые обычно перед рождеством усиливают торговлю, сейчас почти пусты. Дело в том, что рано утром 9 декабря началась большая забастовка ньюйоркского метро (subway).

Рабочие подземки давно требовали прибавки жалованья. Ничего не добившись, они предупредили, что объявят забастовку. Суд арестовал четырёх руководителей профсоюза вагоновожатых. При первом известии об этом ньюйоркское метро остановилось.

Власти объявили: всякий, кто не вернётся немедленно к работе, увольняется; тот, кто приступит к работе, получает 25-процентную надбавку к жалованью. Но забастовка не уменьшилась: наоборот, к подземщикам присоединились рабочие некоторых автобусных компаний. Бастующие требуют прибавки зарплатам и освобождения арестованных руководителей профсоюза.

Знаменитый трубач Луис Армстронг выступил по поводу событий в Литл-Роке и других городах Юга. Он сказал, что если правительство не защищает негров и их детей, то «такое правительство может проваливаться к чорту». «Доходит до того, что у цветного вообще нет родины». Это выступление американского «джазового короля» приобрело неожиданно громкий резонанс. Армстронг очень популярен в Европе. Откровенное и простое заявление негритянского трубача прозвучало на весь мир. Армстронг сам был ошеломлён произведённым им эффектом, но не отказался от этой позиции и даже подтвердил свои слова. Нельзя отказать ему в мужестве.

Армстронг — простой чёрный музыкант, совершенно аполитичный, в отличие от Поля Робсона.

Кстати, в «Огоньке» пишут, что Сергей Эйзенштейн замыслил поставить фильм по роману Виноградова «Чёрный консул» (о Туссен-Лувертьере) и главную роль хотел поручить Полю Робсону.

Этот Виноградов написал великолепную биографию Стендаля, «Осуждение Паганини» (беллетризованная биография) и «Чёрный консул». «Три цвета времени» — слабая книга. В детстве мне очень понравился роман «Завтра ты победишь» (про анатома Андрея Везалия), но я не помню автора.

Вообще, это жанр высоко развитый (роман-биография). Он уже соперничает с прежним жанром исторического романа. Я, может быть, сделаю такую книжицу о Ватто. Но не в духе Фейхтвангера, а поживее.

Перед этим нужно всерьёз изучить французскую литературу 17 века: Перро, Лафонтен, Мольер, ранний Лесаж. Его «Жиль Блаз» передаёт дух эпохи не хуже комедий Мольера. Обязательно проштудировать мемуары Сен-Симона и Дюкло (то, что касается первого двадцатилетия 18 века). Прочсть о Ватто у Гонкуров. Одним словом, нужна подготовка. Отчасти я уже подготовился, но ещё недостаточно. У Вольтера тоже есть кое-что по истории этого периода. Весьма полезны были бы Мариво, Реньяр и Данкур, чьи пьесы смотрел Ватто.

Я представляю себе замкнутого и меланхоличного художника в мансарде, прерывающего работу из-за приступов жестокого кашля; или вот он в партере Итальянской комедии, поглощённый великолепным зрелищем игры в любовь, и на его худых щеках проступают багровые пятна чахоточного румянца. Во всех картинах Ватто чувствуется огромный запас

неизлитой нежности. Бледной тенью маячит он в углу шикарного салона Кроза, и лишь глаза его, непрерывно следуя за кокетливыми движениями прекрасных дам, сверкают как угли. Сколько бесплодных мечтаний, голодной страсти и неосуществимых надежд вложил он в свои картины. Это не был здоровый и нормальный человек, но в смысле благородства, правдивости и ума Ватто неизмеримо выше условного и пошлого Буше и даже остроумного циника Фрагонара. Ватто поклонялся Рубенсу и учился у него, кроме того — заметно влияние венецианцев и (в ранний период) нидерландских жанристов.

Ватто — непризнанный классик стиля рококо. Его живопись неповторима. Искусство малофигурных композиций на фоне лирического пейзажа никогда больше не достигало такой высоты. По техническому совершенству, тонкости письма и глубине содержания с Ватто со французском 18-ом веке может сравниться только Шарден. Но в Шардене нет никакого смятения, он гармоничен, спокоен и — скажем прямо — сыт. А Ватто — это голодный художник, это средневековый серв, умирающий от любви к королеве. Ватто — последний великий живописец дворянской эпохи. Он любит эту уходящую великую эпоху со всей силой безответной страсти. Любит со всеми её недостатками и смешными чёрточками (ибо он уже видит их). Ватто своей живописью дегероизирует мир дворянства.

12 декабря. Четверг. Забастовка ньюйоркского метро продолжает парализовать движение в городе и препятствует нормальной работе предприятий, учреждений и учебных заведений. Несмотря на угрозы арестов и увольнений, несмотря на премию, обещанную штрейк-брехерам, забастовка продолжается.

Не так давно было объявлено, что население Японии — 100 миллионов человек. Теперь опубликована новая цифра: в ноябре 1957 г. в Токио было 8.566.103 человек населения. Эпоха по-прежнему обнаруживает тенденцию к скоплению населения в гигантских городах: Нью-Йорк, Москва.

Япония давно интересует меня. От неё можно ожидать многого. Через 20–30 лет Япония созреет для революции, которая будет, может быть, самой бурной и решительной после 1917 года.

Удивительная вещь: вопреки двум поражениям в двух мировых войнах Германия обнаруживает потрясающую жизнеспособность. Сейчас Германия и Япония вновь начинают теснить англичан и французов на мировом рынке. Да ещё французы ссорятся с Америкой из-за Туниса. Придётся всё же Франции вернуться к традиционному русскому союзу.

История показывает, что судьба Европы решает в конечном итоге Россия. Вот, например, пока Наполеон балансировал на грани войны с Россией, он одерживал победы и преодолевал частичные затруднения. Аустерлиц не был русской войной. Долго маленький капрал копил свой удар, и русская война 1812 года была для него катастрофой. Казаки вступили в Париж, и русский царь стал такой колоссальной фигурой, что для восстановления равновесия понадобился англо-французский союз и взятие Севастополя.

После этого Россия надолго заняла выжидательную позицию, воюя лишь с турками и бухарцами. Обезопасив себя со стороны России, Бисмарк раздавил Вторую империю.

Тогда-то Франция и начала сблизаться с царём. Русско-японская война развеяла военный авторитет царизма, но не уменьшила потенциального могущества России. В первой мировой войне Россия играла роль бочки Данаид, поглощая бросаемые в неё дивизии кайзера. Это пассивное участие в войне помогло Антанте устоять до вмешательства «третьей силы» — американцев.

Политика Советского Союза сохранила традиционные черты прежней русской политики. Германия заключила с Россией Рапалльский договор и, сдружившись с нами, росла и вооружалась, пока не сумела раздавить Францию. После этого Гитлер отбросил бисмарковский Ветхий Завет и устремился на Россию. И ещё раз Россия доказала свою неуязвимость.

Кто ссорился с Россией, всегда проигрывал.

Третья мировая война может не состояться: США не будут воевать в одиночку. Ни Япония, ни Германия воевать против нас не будут.

Сейчас по радио передают послание Булганина федеральному канцлеру Аденауэру.

16 декабря. Понед[ельник]. Голосовал я в Уфе. Привёз 10 номеров «Dookoła świata». Теперь буду до нового года переводить из них всякие хохмы.

В Уфе услышал шутку: «Не имей сто рублей, не имей сто друзей, а женись, как Аджубей». Аджубей женат на дочери Хрущёва. Сейчас он редактор «Комсомольской правды». В Москве его называют «о к о л о р а д с к и й ж у к», т.к. его жену зовут Рада.

Из Уфы в 69-м поезде я ехал с любопытным попутчиком — двадцатилетним парнем, который был осуждён на 3 года по 74-й статье (драка в пьяном виде), провёл 4,5 месяца в заключении (уфимская тюрьма и лесозаготовки в Караиделе) и был освобождён по последней амнистии. Я убедился, что это неплохая амнистия: парень скромный, тихий и вина его, кажется мне, невелика. Он рассказывал о Караидельском лагере. Раньше в лагерях били и издевались над заключёнными, теперь ничего этого нет, отношение хорошее. Лагерь — 300 человек, никого со сроком более 3-х лет; по амнистии вышли 200 человек. Пища, конечно, грубая, плохая, к и р з ú х а (солдатская каша), раз в 10 дней баня, кино редко, зато радио, газеты, книжки, шашки, шахматы, домино (в тайне от начальства карты). К услугам заключённых были балалайки, гитары, несколько гармошек. Издавались стенгазеты. Драки и пьянство были редки; все нарушения наказывались заключением в изолятор.

Изолятор — холодная одиночка, питание раз в день, в уборную водят два раза в сутки. По словам парня, из него через несколько дней человек выходит «т о н к и й, з в о н к и й и п р о з р а ч н ы й», и у него «у ш и т о п о р и к о м». Сразу пахнуло каторжным юмором.

Из номера 40 (197) «Dookoła świata», 6 октября 1957 г.

Британский премьер Макмиллан запретил своим министрам уделять какую-нибудь информацию Рандольфу Черчиллю, сыну известного экс-министра. До сих пор Рандольф Черчилль считался лучше всех английских журналистов информированным в делах правительственной политики.

Рио-де-Жанейро. Во время прений в парламенте штата Алагоас возникли крупные разногласия во мнениях между правящей партией и оппозицией. В результате этих

разногласий в зале разразилась стрельба, в результате стрельбы руководитель правительственной фракции Гумберто Меудаз (Humberto Meudaz) лишился жизни, а пятерых других депутатов в тяжелом состоянии перевезли в госпиталь.

Жакелина Франсуа, певица из кабаре, была поражена, когда во время её выступления в одном из кабаре Бродвея десять мужчин поднялись и стали по стойке «смирно». Оказалось, что спетая Жакелиной «Samba fantastique» была государственным гимном Бразилии, а десять мужчин — посланник Бразилии и работники посольства.

[«Dookoła świata»] № 41 (198), 13 октября. Пабло Пикассо написал портрет английского композитора Фрэнсиса Пулена (Francis Poulenc), с которым дружит уже 41 год. Теперь Пулен всюду показывается с искривлённым лицом. «Я стараюсь походить на мой портрет», — отвечал композитор на многочисленные вопросы знакомых. Несмотря на это Пикассо не хочет переработать своё произведение.

[«Dookoła świata»] № 200 (от 27 октября). Грация, принцесса Монако, недавно ещё популярная американская кинозвезда Грэйс Келли, намеревается с супругом основать для поддержки финансов княжества фирму «Monaco Film Company».

[«Dookoła świata»] № 201 (3 ноября). Уинстон Черчилль, проводящий осенний отдых в Монте Карло, посетил игорный дом и выиграл значительную сумму.

[«Dookoła świata»] № 200. Ханс Шпейдель принял участие в приёме, устроенном в его честь западногерманским посольством в Лондоне. Шпейдель очень весело развлекался с первым лордом Адмиралтейства Маунтбеттеном, с маршалами Гарольдом Александром и сэром Джирардом Темплером. Когда все эти генералы чокались бокалами, оркестр заиграл солдатскую песню «Старые товарищи по оружию»...

[«Dookoła świata»] № 201. Мэр города Равенны издал распоряжение, запрещающее целовать мраморную статую прекрасного рыцаря Гвидарелло Гвидарелли, который погиб якобы защищая честь девушки. Женщины так горячо покрывали поцелуями лицо рыцаря, что оставляли на нём толстые слои помады «Ежедневное обмывание статуи спиртом разрушает мрамор», — заявил мэр.

Вашингтон. Городские власти в городе Августа, располагающим в зимний период единственной в США площадкой для игры в гольф, дал понять, что визит Эйзенхауэра в Августу был бы нежелательным. Отцы города стоят за расовую сегрегацию, и энергичная позиция Эйзенхауэра относительно «школьной войны» в Литль-Роке возмутила их о глубины души.

Рим. Министр сельского хозяйства Коломбо был задержан полицейским патрулем на одной из главных улиц столицы, т.к. ехал со скоростью около 100 км в час. Полиция отобрала у министра право вождения автомобиля, причём ни к чему не привело объяснение, что Коломбо спешил на заседание кабинета.

15 декабря, с самой полуночи шёл дождь. Он застал меня на Белом Озере в валенках.

17 декабря. Вторник. Читаю «Dookoła świata». № 202 (от 10 ноября с.г.). В Буэнос-Айресе выставлены на аукцион роскошные автомобили бывшего диктатора Хуана Перона.

Уже в первый день торги принесли 150.000 долларов. Высшую цену — 30 тысяч долларов — заплатил автомобилист Роберто Меирес за красный «Альфа Ромео».

Через 3 дня после появления в пространстве советского искусственного спутника перед зданием парижского союза авторов и композиторов появилась очередь. Тридцать пять человек хотели запатентовать название песенки «Bebe-lune» («младенец-луна», как прозвали во Франции спутник). Независимо друг от друга возникли вальс и песенка с одним и тем же названием.

В этом же номере Марек Конопка пишет из США.

«Осенние настроения.

Сентябрь, октябрь и ноябрь — это без сомнения, прекраснейшее время года на американском континенте.

Но люди обращают очень мало внимания на окружающее. В этот момент в США больше всего говорят и ни о чём ином не пишут, как только о российском спутнике, или об «искусственной луне» — о «sputnik». «Sputnik» не сходит с уст американского общества, он отодвинул в тень беспокоящие арабские и турецкие дела, о которых до недавнего времени говорили очень громко; забыли также о мнимой коррупции в профсоюзе возчиков, об антинегритянских движениях на Юге и о школе в Литл Роке, о смене моделей автомобилей в Детройте и о резком падении цен на ньюйоркской бирже, об азиатском гриппе и об Элвисе Присли. Теперь ни о чём ином пресса не вспоминает, как только о спутнике. О спутнике говорится по радио и в телевидении, о спутнике дискутируют студенты и рабочие, дамы из общества и их служанки. Теперь выдвигаются тысячи проблем, связанных с этим делом, и задаются тысячи вопросов вроде: «Русские имеют свою луну, которая летает два раза в день над нашей территорией — не могли бы и мы выслать что-нибудь над Советским Союзом? Нельзя ли выслать что-нибудь значительно ниже и как низко?» Однако важнейший вопрос, который все задают с мало скрываемым гневом и беспокойством, гласит: «Почему русские на этом поприще побили нас?» Разыскиваются также ответы и временами доходят до фантастически смешных предложений. Причину того, что США остались в тылу в этом межпланетном соревновании, лучше всего определил Дрю Пирсон, известный американский журналист. Он заявил, что причина нашего отставания — не что иное, как «охота на ведьм» и «красное гонение» в период маккартизма на целый ряд учёных. Различные комиссии конгресса, а также некоторые правительственные агентства специализировались в этих напаках, обвиняя учёных в нелояльности, коммунистических «симпатиях» и даже в шпионстве.

Однако средний американец подходит к вопросу о спутнике скорее юмористически и, несмотря на злоешие высказывания, никакой угрозы для себя в этом не видит. . . Радиокوميки сегодня ни о чём, кроме спутника, не говорят. Певцы расппевают песенки о спутнике — обычно таким образом, что английское слово «moon» (луна) заменяется русским выражением «sputnik». Это звучит очень оригинально и комично, когда кто-нибудь начнёт петь: «Shine on, shine on harvest sputnik» или также «By the light of silvery sputnik».

Оригинальных песенок о спутнике ещё нет, главным образом по причине невозможности срифмовать слово «спутник» с каким-нибудь английским выражением. Зато салоны моды уже выставили новое творение; это новая дамская причёска: волосы, скрученные в шарообразный узел надо лбом, и, конечно, это называется «спутник». Магазины, специализирующиеся в новых сортах мороженого, создали уже новый сорт — спутниковое мороженое. И в нескольких барах и кабаках появился новый коктейль, основанный, само собой разумеется, на водочной базе. До сих пор водочный коктейль был ограничен — с апельсиновым соком, т. наз. [пропуск] («*grubokr e t*») и с помидорным — «*bloody Mary*» («кровавая Мария»). «Спутник» более оригинален, по выпитии двух порций смелчак, который отважился на эту новинку, начинает икать, как радиосигнал искусственной луны. Магазины игрушек уже объявили, что вскоре появятся «спутниковые» игрушки, и даже традиционный Санта Клаус (св. Николай — т.е. Дед Мороз) в этом году должен будет отречься от езды освящённой запряжкой из восьми оленей и, вероятно, будет оббезднать свет (или, по крайней мере, его англо-саксонскую часть) в вигильную ночь на советском спутнике.

Кроме спутника — безработица. Экономический кризис нарастает постоянно, хотя очень постепенно. Цены большинства акций на ньюйоркской бирже резко упали, и повышательных тенденций вообще не видно. С середины августа по стране проходит своеобразный тихий экономический кризис. Правда, занятость очень высока: около 66 млн. работающих, но и безработных много — свыше двух с половиной миллионов. Наибольшая безработица царит в автомобильной промышленности в Детройте — автоматизация всё больше даёт себя знать. Сентябрь, традиционно приносящий рост занятости после летнего застоя, в этом году принёс впервые за многие годы дальнейший рост безработицы, и это не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

Свирепствует азиатский грипп. . . В некоторых штатах, например, Иллинойс, Мичиган, Нью-Йорк, целый ряд школ не работает. Просто грипп свалил с ног больше половины студентов. В Канаде по этой причине школы закрыты на неделю. Одна группа людей радуется, а именно держатели акций фармацевтических предприятий. Вопреки общему понижению на бирже акции таких фирм, как «Лилли, Парк энд Дэвис» или «Энджон» пошли вверх. Причина — азиатский грипп.

Осень — это также новый сезон в американском телевидении. Возвращаются из Европы знаменитые актёры, писатели, директора, составляются новые программы, реализуются старые замыслы. Но в этом году в телевидении больше пустоты и ничего оригинального. Сняты старые и, по-моему, хорошие программы крупных комиков, как Jackie Gleason и Sid Cesaer, а заменены они детективными программами из цикла так наз. *private eye* или «частный детектив», которые якобы побеждают преступников с согласия или против воли «глупой» полиции. Программ таких — а все они полны убийств, мордобития и пыток — имеется несколько. . .

Осень — это традиционный период охот в Америке. Этот период начинается 1 октября, когда можно начать отстрел диких уток, бекасов и перепелов, и длится до святок (do świąt), когда можно охотиться на бобров и зайцев. Теперь в разгаре птичий сезон. Охотники, одетые в красные куртки и кафтаны, целыми днями бродят по полям и лугам, охотясь на фазанов (ba ząptu) и куропаток, прячутся в зарослях и тростниках различных озёр и рек и охотятся на уток и гусей (разумеется, диких). Такие охотники, устраивающие засады на уток, не только очень терпеливые стрелки, но и художники с разносторонними интересами. Обычно это скульпторы, которые собственноручно в долгие зимние вечера выстругивали из дерева модели диких уток, раскрашивали их в цвет оперения дикой утки и поразбросали вокруг своего становища. Летя высоко, дикие утки снижаются, иногда даже садятся на воду к своим деревянным подругам — тогда охотник сбивает, сколько дадутся. Становище, конечно, умело замаскировано. . . От этого будет зависеть позднейший успех. Многие стрелки используют специальный свисток — манок, умелый охотник может до иллюзии воспроизводить кряканье диких уток.

В лесах северного Мичигана, в Мэне и Миннесоте сейчас сезон охоты с луком на серн, оленей, медведей, койотов и волков. Леса полны современных подражателей Робин Гуда, но хотя много призванных, да мало избранных: многие участвуют в охоте, но мало кто убивает серну из лука. Настоящий охотничий сезон, с огнестрельным оружием на серн и оленей начнётся 15-го ноября и будет длиться около двух недель. Вероятно, приключенный будет масса, о всём божьем свете человек забудет, даже спутник, минующий нас несколько раз в день, не покажется таким уж чрезвычайным событием. Охота — это и в правду славная вещь, — и потому, пожалуй, осень является самым прекрасным временем года в Америке».

[«Dookoła świata»] № 203, 17 ноября.

В Гватемале забастовал целый военный гарнизон, т.к. солдаты домогались повышения жалованья. Вместо этого им раздали медаль за заслуги. Забастовка была ликвидирована.

Ага Хан IV. В столице Танганьики г. Дар эс Салам внук Ага-хана III князь Карим был коронован как его преемник. Около 20.000 членов секты измаилитов прибыло со всей Африки и даже из Пакистана. Во время трёхдневного торжества 19-летний Карим получил «insygnia» (знаки) своей власти. Миллионы мусульман простились с долголетним правлением Аги-хана III, началась новая эра сорок девятого наместника пророка — Карима Ага-хана IV.

Фульгенцио Батиста, диктатор Кубы, дал интервью американскому журналисту Мартину Агронскому (Martin Agronsky). Надлежит отметить, что Агронски известен своей отвагой и хладнокровием. Во время беседы отдалась вооружённая до зубов личная охрана Батисты, на что Агронски: «После стольких покушений, господин президент, вы очень храбры». Вместо ответа Батиста вытащил из кармана револьвер и трижды выстрелил в направлении журналиста, как оказалось, однако, холостыми зарядами. Агронски сохранил спокойствие, однако резко побледнел, Батиста же разразился хохотом.

[«Dookoła świata»] № 204 (24 ноября). Бонн. Известный учёный профессор Фауст заявил, что, по его мнению, «первенство в области искусственных спутников не принадлежит СССР». Он утверждает, что во Вселенной существуют «спутники», сконструированные существами, населяющими другие планеты. — Одна кондитерская в Штутгарте предлагает клиентам «оригинальные русские спутники» в шоколадном креме.

Мария Шелл, известная киноактриса, на вопрос парижского журналиста, что её больше всего удивило в США, ответила: «Американцы — удивительный народ. Сначала они показывают человеку свои холодильники, электрические кухоньки и машины для мешения теста, а затем приглашают на обед в ресторан».

[«Dookoła świata»] № 205. 1 декабря. Стокгольм. Организаторы легкоатлетического первенства Европы на 1958 год застраховались на сумму 2,5 миллиона крон от третьей мировой войны, азиатского гриппа, всеобщей забастовки и спутника II, который мог бы падая повредить олимпийский стадион.

Один 74-летний коммерсант из Себринга (Флорида), который в ноябре развёлся со своей 44-летней женой, теперь подал прошение о разрешении удочерить её.

В Токио руководительница американских женских формаций заставляет самых худых из своих подчинённых носить искусственный бюст.

Мэрлин Монро дождалась наконец своего подобия в натуральную величину в кабинете восковых фигур знаменитых людей мадам Тиссо в Лондоне.

Луис Армстронг, король джаза, купил в африканском государстве Гана виллу, где с этих пор будет проводить отдых, т.к., по его заявлению, «он тоскует по континенту своих предков».

[«Dookoła świata»] № 206, от 8 декабря. Французский исследовательский институт семейной жизни сообщает, что 263 француза считают себя потомками Наполеона по прямой линии, а 46 выводят своё происхождение от Орлеанской Девы.

Объединение нудистов США в согласии с родственными европейскими организациями приняло на себя инициативу в деле создания на острове Корсика международной колонии нудистов — «Internu».

Али-хан, сын покойного Ага-хана, продал из своей великолепной скаковой конюшни 200 коней для покрытия налога по наследству (podatku spadkowego). У него осталось ещё 200 коней.

Рита Хэйуорт (Rita Hayworth), известная голливудская звезда, намеревается вступить в брак с 41-летним писателем и продюсером кино Джемсом Хиллом. Звезде сейчас 39 лет, и она была замужем 4 раза (в том числе за Али-ханом). Зато Хилл впервые знакомится с браком.

Ги Молле, бывший французский премьер, заявил, что, по его мнению, вскоре будет легче полететь на луну, чем создать устойчивое французское правительство.

Жюльетта Греко, известная французская певица, исполнительница песенок и актриса, подралась в парижском ночном ресторане с голливудской дивой Беллой Дэрви. Причиной

скандала был один из королей Голливуда — Darryl F. Zanuck, создатель «Железного занавеса» и недавно экранизировавший хемингуэевскую «Фиесту». Обе соперницы претендуют на его исключительное внимание.

Нью-Йорк. По опубликованному ныне «списку миллионеров», самым богатым гражданином США является 64-летний нефтепромышленник Пол Джетти (Paul Getty). Его состояние — около 1 миллиарда долларов. Мистер Джетти только после опубликования списка узнал, что является богатейшим американцем.

Во всей Южной Америке знают и говорят о Гильермо Патрисио Келли, бывшем аргентинском руководителе сторонников свергнутого диктатора Хуана Перона. Келли, переодетый женщиной, бежал из необычайно сильно охраняемой тюрьмы в Сант-Яго де Чили, откуда на следующий день его должны были выдать аргентинским властям. Келли не новичок в этих делах. Перед этим он бежал из аргентинской тюрьмы в Чили, где был вновь арестован. Чилийское правительство, престиж которого сильно страдал от этого второго побега, организовало величайшую облаву, какую помнит Южная Америка. Акция, в которой также участвовали агенты «Интерпола» (международного полицейского союза), проводилась также в Перу, Боливии, Эквадоре и Колумбии, однако все усилия полиции оказались напрасными. Келли пропал, как камень в воде. Министр правосудия Чили и чилийский посланник в Аргентине были вынуждены подать в отставку. Многие высшие должностные лица чилийской полиции были вынуждены подать в отставку.

(Снимок изображает Келли в изящной тюремной камере с Сант-Яго за несколько дней до его сенсационного побега. Приятный мужчина в элегантном костюме поднимает бокал вина; на стене распятие).

Со вчерашнего дня в Париже, во дворце Шайо, заседает совет НАТО.

18 декабря. Итак, во дворце Шайо идёт сессия Совета НАТО, открывшаяся в понедельник. Заседания мало освещаются в печати. Зато ещё до открытия сессии было известно, сколько агентов тайной полиции Франции будут охранять Совет, сколько из США прибыло «ф л и к о в» (агентов ФБР), сколько костюмов привёз Макмиллан. Писали, что Эйзенхауэр будет спать в кровати стиля Людовика XVI, а Даллес — в стиле Людовика XV. Этой сессии Совета НАТО придают большое значение. Она проходит под знаком возрастающих успехов и новых мирных предложений Советского Союза. Послания Булганина к «атлантическим» премьерам взбудоражили весь мир.

У нас испытан новый реактивный истребитель, побивший рекорд скорости, поставленный недавно американским истребителем-бомбардировщиком. Наш новый рекорд — 2.000 километров в час.

Рассказ одного врача. Хирургам часто приходится вставать ночью, хватать всегда готовый чемодан и по телефонному вызову спешить на срочную операцию. Если ждать присылки машины, а расстояние сравнительно небольшое, то возможен проигрыш времени. NN в таких случаях отправлялся пешком. Однажды его остановили бандиты. «Я хирург, — сказал он им, — вызван на срочную операцию, иду спасать человеческую жизнь. Денег у ме-

ня нет». Его не тронули. Такие случаи повторялись, и он стал ходить по ночным улицам совершенно безбоязненно.

«Dookoła świata», № 30 (187), 28 июля 1957 года.

ДЛИННЫЕ РУКИ ПРЕЗИДЕНТА ТРУХИЛЬО.

(Вольный перевод статьи).

Jesus de Galindez, доцент международного права в Columbia University, в последний раз был виден 12 марта 1956 года, когда садился в метро на вокзале Columbus Circle в Нью-Йорке. С этих пор о нём ничего не было известно. Только через пять дней обеспокоенные друзья уведомили полицию. Когда агенты ньюйоркской уголовной полиции, выломав двери, вторглись в квартиру Галиндеса на 5-й Авеню, они нашли среди записей одну карточку. На этой карточке под датой 4 октября 1952 года были написаны характерным почерком Галиндеса следующие слова:

«Если бы со мной случилось что-нибудь другое, я имею достаточно оснований допустить, что нападающими были агенты Трухильо».

... Trujillo — президент Доминиканской республики, в которой он ввёл режим самой жесткой диктатуры из всех стран Южной Америки.

Прежде чем занять кафедру Колумбийского университета, Галиндес был одним из руководителей баскского сепаратистского движения во время гражданской войны в Испании. После победы генерала Франко он эмигрировал в Доминиканскую республику, где вскоре снискал дружбу и доверие президента Трухильо. Однако этим чувствам предстояло превратиться во взаимную ненависть. Ибо скоро Галиндес обнаружил, что методы правления его друга, как две капли воды, похожи на те, от которых он бежал из франкистской Испании.

Не долго думая Галиндес покинул Трухильо и поселился в Соединённых Штатах. Президент-диктатор был сильно раздражён этим шагом. Раздражение превратилось в гнев, когда он узнал, что Галиндес готовит разоблачительную книгу, описывающую тайну правления Трухильо. А Галиндес знал много. В своей книге он обвинял диктатора в систематическом терроре и подавлении народного духа.

«Трухильо, — писал Галиндес, — содержит за границей сеть агентов, которая служит исключительно для борьбы против эмигрантов, бежавших от террора диктатуры. Многие люди погибли при таинственных обстоятельствах. Диктатор имеет на своей совести около 140 убийств».

По ознакомлении с рукописью книги не трудно было ньюйоркской полиции выдвинуть предположение, что исчезновение Галиндеса надлежит связывать с опасением Трухильо перед опубликованием столь интересной книги. Однако остались невыясненными обстоятельства исчезновения Галиндеса. Только через 8 месяцев, в декабре прошлого года новые факты пролили свет на всё дело. На арену выступил пилот Мэрфи (Murphy).

Однажды к демократу-конгрессмену Чарльзу О. Портеру, тому самому, который через некоторое время обратился в нью-йоркскую полицию за разрешением носить колт,

т.к. он не уверен в своей жизни, пришли двое старых людей. Это была супружеская чета Мэрфи. Они рассказали конгрессмену историю своего сына, молодого Джеральда Лестера Мэрфи. . .

Много лет из-за близорукости молодой Мэрфи не мог осуществить свою мечту — сесть за штурвал большого «клипера». Внезапно в марте 1956 года он был ангажирован аэрокомпанией *Compania Dominicana de Aviacion (CDA)*. Велика была радость Мэрфи и его родителей. Но длилась она очень недолго. 13 декабря 1956 года супруги Мэрфи получили письмо из государственного департамента, уведомляющее о гибели молодого лётчика. По донесению доминиканской полиции 4 декабря прошлого года был найден на пляже автомобиль Мэрфи марки Форд, брошенный одиноко вблизи залива, кишевшего акулами.

Конгрессмена поразило совпадение дат исчезновения Галиндеса и ангажирования Мэрфи. Дальнейшие поиски открыли разоблачительные подробности. В первых днях марта, т.е. за несколько дней до смерти Галиндеса, Мэрфи хвастался в кругу друзей, что получил от одного «бонзы» Доминиканской республики специальное задание. Оказалось также, что 5 марта он одолжил самолёт № 68.100. Этот самолёт приземлился вечером 12 марта — в день исчезновения Галиндеса — на аэродроме *Amityville*, расположенном в восточной части Нью-Йорка, в нескольких минутах езды автомобилем от станции *Columbus Circle*, на которой исчез Галиндес. Более того: ночной охранник аэродрома по фамилии Кэбелл (*Cabell*) признал, что к самолёту Мэрфи подехала санитарная машина, из которой два человека вытащили какой-то тук и погрузили в самолёт. Вскоре после этого самолёт отлетел на юг в Доминиканскую республику. Почему этот охранник лично не явился в полицию? Просто потому, что умер вскоре после памятной мартовской ночи. Может быть, он знал слишком много?

Вскоре после того, как ньюйоркская полиция вновь начала следствие по делу Галиндеса, в американское посольство в столице Доминиканской Республики Сьюдад-Трухильо обратился капитан доминиканской армии *Octavio de la Maza* с просьбой о визе на въезд в Соединённые Штаты для себя и своей семьи. Ла Маза, как установила полиция, был коллегой молодого Мэрфи и часто летал вместе с ним. Именно он был человеком, который 13 марта 1956 г. принял похищенного Галиндеса с самолёта Мэрфи на доминиканском аэродроме Монтекристи. Ла Маза считался одним из самых доверенных людей Трухильо.

Далее события последовали в молниеносном темпе. Прежде чем посольство США согласилось дать визу, 17 декабря прошлого года (т.е. через 10 дней после появления в посольстве) Ла Маза был арестован доминиканской полицией по обвинению в убийстве Мэрфи. Через неполные три недели, 17 января с.г. доминиканские власти уведомили американское правительство, что Ла Маза повесился в своей камере. Доминиканские власти представили при этом письмо Ла Мазы, в котором он признавался в убийстве Мэрфи во время драки, завязавшейся в результате противоестественного предложения, какое сделал ему Мэрфи. Труп он бросил в Залив Акул. . .

Но американское правительство не удовлетворилось этим объяснением доминиканских властей. Американский посол Стефенс, посетив камеру Ла Мазы, заявил, что узник не мог сам совершить самоубийство. В ноте к доминиканскому правительству государственный секретарь заявил, что проведённые исследования выяснили, что представленное доминиканскими властями письмо, в котором Ла Маза признаётся в преступлении, не было написано его рукой. . .

Пока министерство иностранных дел США и Доминиканской республики обменивались всё более острыми нотами, конгрессмен Портер тоже не зевал. Со своей стороны он приложил усилия для выяснения дела Галиндес — Мэрфи — Ла Маза и открыто заявил, что, убирая Мэрфи и Ла Мазу, президент Трухильо избавляется от свидетелей похищения Галиндеса. Наконец, делом занялся федеральный суд в Вашингтоне, а одновременно представитель Уругвая объявил, что предпримет в ООН действия с целью создания специальной комиссии для выяснения загадки.

Каковы будут в дальнейшем судьбы дела, покажет ближайшее будущее. Надлежит добавить, что уже ряд недель редакции западноевропейских газет посещает представитель Доминиканской республики, выдающий себя за господина Адамса. Он силится убедить журналистов, что Галиндес был «в глубине души коммунистом и советским агентом»; что он не был похищен агентами Трухиоль, но переброшен агентами «из-за железного занавеса» в Венгрию. Доказательством этого должна была служить якобы находящаяся в руках венгерских профессоров-эмигрантов в Вене магнитофонная лента с речью Галиндеса, произнесённой в духе «советского функционера» в Будапеште. Конечно, розыски в Вене показали, что это доказательство — творение бурной фантазии Трухильо и его эмиссара. . .

19 декабря. Четверг. «Dookoła świata», № 41 (198) от 13 окт. 1957 г.

«Возвращение из царства теней».

Осенью 1952 года был убит в Чикаго Чарльз Дженкинс, владелец автомобильных гаражей. Уже в итоге предварительного следствия подозрение пало на сотрудника гаража — Гарри Брауна, который непосредственно перед случившимся имел острое столкновение с Дженкинсом. К тому же через несколько дней после убийства Браун переехал в Нью-Йорк.

Браун, схваченный полицией и подвергнутый допросам, упорно твердил, что к убийству совершенно не причастен и что, покинув бюро Дженкинса, уже будучи на улице, услышал несколько выстрелов. Боясь ложных подозрений, он решил исчезнуть с горизонта.

Хотя Браун повторял свои утверждения и во время процесса, суд присяжных признал вину обвиняемого доказанной, осуждая его на смертную казнь посредством электрического стула. Д-р Кларк, защитник Брауна, убеждённый в невинности своего клиента, пытался добиться замены смертного приговора тюрьмой, но суд отклонил предложение, а губернатор утвердил приговор.

Тогда д-р Кларк решился спасти Брауна способом, никогда доселе не применявшимся. При посредничестве друга-медика, которого д-р Кларк посвятил в свои планы, он завязал контакт с группой учёных, работающих над проблемами безопасности труда на электростанциях. Эта группа учёных, объединявшихся вокруг университета в Чикаго, давно вела исследования возможности оживления людей, смертельно поражённых электрическим током высокого напряжения. Опираясь на открытия профессора Чарльза Балли из института Ганемана в Филадельфии, эти учёные сконструировали аппаратуру, могущую заменить работу сердца и лёгких. При помощи этого аппарата возникла возможность в случаях сильного шока, вызванного электрическим поражением, заменить работу сердца и лёгких до момента восстановления нормальных функций этих органов.

Никто однако до тех пор не задавался мыслью о применении «искусственного сердца» к жертвам электрического стула.

Основная трудность при использовании метода искусственного движения сердца и лёгких заключается в том, что физиологическая деятельность этих органов после их парализования током может быть возвращена только в течение 8–10 минут после поражения. Ибо позднее начинается отмирание клеток спинного мозга (*rdzenie kr e dowe*), вызывающее неотвратимую биологическую смерть.

Итак, желая вернуть Брауну жизнь по исполнению приговора на электрическом стуле, надлежало приступить к операции в течение этого короткого времени. Это было не просто, т.к. тюремный врач должен сначала констатировать смерть осуждённого, после чего труп транспортируется в мертвецкую. Тела осуждённых обычно погребают на тюремном кладбище, и в принципе нет возможности их выдачи семье.

Д-р Кларк, благодаря своим широко разветвлённым знакомствам, сумел однако преодолеть и эту трудность. Поблизости от тюрьмы Синг-Синг была устроена временная операционная зала, где несчастный Браун должен был начать свою вторую жизнь.

Так как Гарри Браун — единственный человек, который пережил исполнение приговора на электрическом стуле, стоит выслушать его сообщение.

Когда в начале столетия в Штатах вместо виселицы ввели электрический стул, считалось, что это самый гуманный, исключаяющий всякие страдания осуждённого способ смертной казни.

Но уже во время первой экзекуции — казни убийцы Вильяма Кеммлера, умерщвлённого семью ударами тока, оказалось, что действие электрического тока зависит от индивидуальной конституции осуждённого, и в зависимости от физиологических особенностей его может пройти больше или меньше времени, пока наступит смерть. Во время экзекуции над женщиной-убийцей Джадд (*Judd*) пришлось прервать исполнение приговора и вновь приступить к нему через час. Тогда-то ряд штатов ввёл газовую камеру вместо электрического стула.

«Обо всём этом, — рассказывал позже Гарри Браун, — я думал во время приготовления к казни, когда мне выбрили затылок и тщательно удалили волосы с правой руки

и левой ноги — мест, где должны были быть приложены электроды. . . Помощники палача привязали меня ремнями к ручкам стула. На голову мне надели металлический колпак и накрыли капюшоном.

Мои нервы напряжены до крайности, каждое волоконец ожидает смертельного удара. . . И наконец он наступает. Мышцы напрягаются, огненные струи выжигают внутренности, хочу кричать, но не могу издать звука. Эти страдания невозможно описать словами.

Затем тишина. . . и снова удар — ещё сильнее предыдущего. Он месит мои лёгкие, не могу дышать. Странные маяки показываются перед глазами. . . Я в море, я тоню. Не могу удержаться на поверхности. Осьминог выпивает кровь капля по капле. . . Темнота. Я проваливаюсь в бездонную пучину”.

О том, что было потом, Гарри Браун, конечно, уже не мог знать. Тюремный врач констатировал смерть. Тело положили в длинную корзину и вынесли в коридор. Там уже ожидали мнимые сотрудники похоронного бюро — ассистенты доктора Альдерта. Погребальным автомобилем перевезли труп в импровизированную клинику. Тут всё уже было готово. Консервированная кровь была уже подогрета до соответствующей температуры. Несколькими взмахами скальпеля хирург открывает грудную клетку, обнажает сердце и аорту. В аорту вводится зонд, соединённый с аппаратурой «искусственного сердца». Второй хирург отворяет шейную артерию и вводит внутрь её второй провод аппарата. «Искусственное сердце» начинает работу. Откачивающе-нагнетательный насос высасывает тёмную, уже загустевшую кровь и нагнетает свежую, богатую кислородом. Доктор Альдерт массирует ладонями обнажённое сердце.

Проходят бесконечные секунды, минуты. . . Врачи и адвокат не сводят глаз с экрана электрокардиографа. Проходят семь минут, восемь. . . девять.

. . . На десятой минуте появляются первые, ещё слабые сигналы работы сердца. Д-р Альдерт повышает давление.

Еще несколько минут — и сердце Гарри Брауна ударяет размеренно и регулярно: семьдесят ударов в минуту.

Пришелец из царства теней открывает глаза. Рядом с ним сидит доктор Кларк. Гарри Браун с трудом поднимает руку и делает первое движение — сжимает руку своего защитника.

После недолгого периода восстановления сил Браун под чуждой фамилией покидает Штаты и переезжает в Мексику. Через три года доктор Кларк присылает ему радостную весть: оправдательные действия начались.

Во время полицейской облавы в Чикаго схвачен некий торговец наркотиками, который признался в убийстве Дженкинса. Когда Браун был посмертно реабилитирован, оказалось, что он жив и пользуется наилучшим здоровьем. . . »

Во время конгресса кардиологов в Нью-Йорке доктор Джеймс Альдергт осведомил американских учёных об успешно проведённом эксперименте, какого не знала история медицины. Человек, казнённый на электрическом стуле, был возвращён к жизни.

22 декабря. Воскресенье.

К и н о а р т и с т ы.

Итальянский актёр Россано Брацци, пока был молодым, красивым брюнетом, пользовался успехом только у себя на родине. В последнее время, когда он поседел и стал «удивительно благородным», из заинтересовались английские и американские студии. Он играл в известном фильме «Три монеты в фонтане ди Треви», затем в «Босоногой графине», наконец в картине «Отдых в Венеции». Когда он был ещё молодым брюнетом, он снялся в фильме «Тоска», начатом Жаном Ренуаром, а законченном Карлом Кохом во время войны. Жан Ренуар, сын знаменитого живописца и сам знаменитый режиссёр, эмигрировал после оккупации Франции за океан.

Ошеломляющая голливудская карьера Россано Брацци началась так же неудачно, как и у Джинны Лоллобриджиды, которая тоже в Голливуде год ждала роли, имея ангажемент и получая жалованье.

Известный продюсер David O. Selznick привёз Брацци в Голливуд вскоре после войны; кризис итальянского кино заставил актёра согласиться на очень небольшой контракт. В Голливуде Сельцник не знал, что ему делать с Брацци, наконец, дал ему в одном фильме короткую роль стареющего профессора. Публика высмеяла актёра, в газетах писали: «Так, как импортированный из Италии Брацци играет американского профессора, Мэрлин Монро сыграла бы королеву Викторию». (Как известно, Виктория была суровой дамой исключительного безобразия).

Брацци поскорее вернулся в Италию, где после большой эпизодической роли в фильме Негулеско (один из самых выдающихся режиссёров Голливуда) этот режиссёр дал ему заглавную роль в «Босоногой графине». Это была исключительно трудная и неблагоприятная роль последнего потомка старой итальянской семьи, который тяжело ранен на войне и вынужден отказаться от надежды иметь потомство, но полюбил известную кинозвезду Мари Варгас. Роль кинозвезды играла «наилучше сложенная женщина Голливуда» — А в а Г а р д н е р.

Роль графа Фавзини, требующая большого такта, самообладания, навязывающая актёру несколько исключительно неприятных для исполнения сцен, завоевали актёру признание публики.

После триумфа в «Отдыхе в Венеции» Rossano Brazzi сыграл с Джюн Эллисон в фильме «Интерлюдium», а затем с Софи Лорен в «Легенде о загубленном».

В 1957 г. осенью Брацци впервые прибыл в Голливуд надолго (на шесть фильмов) и поселился вместе со своей женой Лидией в великолепной вилле Риты Хэйуорт. После недолгого пребывания в кинематографической столице мира вся труппа выехала на острова Тихого океана для съёмок фильма «Южный Пацифик» по известному произведению Джемса

Мишнера (*James Michener*). Партнёрша Брацци в этом фильме — известная в Америке актриса *Mitzi Gaynor*. Ставит фильм знаменитый режиссёр Джошуа Логан. По окончании этих съёмок Брацци отправится в Париж, где разыгрывается действие фильма «Смутная улыбка» по второй книге Франсуазы Саган.

Известнейшая из младших звёзд мирового кино — Софи Лорен. О ней пишет Вацлав Сврадовский в № 206 (8 дек. 1957 г.) «*Dookoła świata*»:

«Несколько недель назад 25-летняя итальянская кинозвезда София Лорен старалась инкогнито преодолеть трассу от лондонского аэродрома до студии, в которой должна была сниматься в своём первом английском фильме «The key» («Ключ»). С равным успехом принцесса Маргарита могла бы попытаться «инкогнито» пообедать в ресторане на Пикадилли. . .

Софию тотчас атаковали репортеры, забросав её лавиной не всегда умных вопросов. Первый, конечно, гласил: каковы её намерения в личной жизни, коль скоро папа официально отменил её супружество с кинопродюсером Карло Понти. (Карло Понти развёлся со своей женой в Мексике, в городке Хуарес, в котором закон допускает разводы любого рода). Однако этот развод не был признан церковными и светскими властями в Италии. София и Карло не могут вернуться на родину, т.к. они отвечали перед судом за совершение бигамии.

*Итак, желая избежать этих осложнений, София купила за миллион долларов прекрасную резиденцию в Швейцарии, в Бургенштоке, рядом с виллой «супругов Феррер», т.е. известного актёра Мела Феррера и его прекрасной жены Одри Хепбёрн (*Audrey Hepburn*).*

Оттуда Карло Понти направляет карьеру своей жены, заключает от её имени контракты со всеми сторонами. . . лишь бы не со своей собственной родиной.

*Благодаря этому София теперь выплыла на широкие воды успеха и. . . рекламы. А ведь ещё 5 лет назад она была моделью и позировала для «комиксов», называемых в Италии «*Fumetti*». Её первый фильм «*Tratta del le Bianche*» не принёс успеха, и карьера не была удачной, пока упрямство Джинны Лоллобриджиды не открыло ей ворот в фильм «Хлеб, любовь и . . .» После успеха двух первых фильмов из этой серии Джинна пожелала более серьёзных ролей. . . Продюсер уже хотел отказаться от третьей серии, когда Карло Понти подсунул ему кандидатуру Софии Лорен.*

*Эта роль принесла Софии всемирную славу, закреплённую фильмом «Неаполитанская карусель» и дальнейшими фильмами, которые открыли дорогу в Голливуд. Первый голливудский фильм Софии назывался «Мальчик на дельфине». Её партнёром был известный «любовник» Алэн Лэдд; следующий фильм «Легенда погибшего» был снят в Ливии с участием Россано Грацци, третий — «Гордость и обожание» — с Гэри Грантом в Испании (*Gary Grant*). Два последних фильма — в Голливуде. Первый — «Желание под вязами», адаптация пьесы известного драматурга Юджина О'Нейла, второй — «Дом на лодке» — её первая голливудская комедия.*

В фильме «Ключ» партнёрами Софии являются, между прочим, Тревор Ховард или американский актёр Вильям Холден. Очень много сцен в этом фильме разыгрывается между двумя партнёрами актрисы без её участия. Только поэтому съёмки могли происходить по плану, хотя София ещё не было в Лондоне. В течение трёх недель, из опасения перед атакой прессы, София отдала день своего прибытия... но всё же была мгновенно атакована репортёрами.

24 декабря. Вторник. Газета «Правда» от 21 декабря отвела два подвала выдержкам из статей Вильяма Рандольфа Херста-младшего. Этот газетный король побывал в СССР в период празднования юбилея революции и имел беседу с Никитой Сергеевичем, которого Херст называет «интересным человеком».

В этих выдержках много интересного, хотя бы самый подбор фактов и их чисто американская трактовка. Херст был у нас в 1954 году. Теперь он сравнивает и делает выводы.

«За три года коммунистическая стратегия добилась исключительных успехов. Коммунисты определённо захватили инициативу во всемирной борьбе за человеческое воображение.

Спутники № 1 и № 2, какими бы поразительными и пугающими они ни казались, представляют собой лишь один из аспектов общего плана Кремля».

Херст называет американцам три иллюзии, от которых им следовало бы отказаться.

«Иллюзия № 1: Что сенсационный успех со спутником и другие советские успехи в области науки были достигнуты только благодаря тому, что руководство сосредоточило на них все ресурсы в ущерб таким народным проблемам, как жилище, одежда и продовольствие. Достаточно одного взгляда, чтобы отказаться от этого утешительного мифа.

За три года, прошедшие после нашей поездки, русские начали грандиозные стройки. Москву подвергли косметической операции больших масштабов.

Дорога от Внуковского аэропорта шла по открытой и скучной местности, на которой стояли маленькие деревянные домики, когда мы прибыли туда с нашим первым визитом. Сегодня на месте этих домиков строится ряд жилых массивов, которые дадут кров двум миллионам человек.

В этих новых жилых массивах уже поселено свыше 400 000 человек. На любом языке это «большие масштабы».

Три года назад мы смотрели со стороны Московского университета на Ленинских горах вниз на унылый район, расположенный на другом берегу реки. Он напоминал огромную свалку мусора.

Теперь этот район украшает не меньше шести спортивных сооружений, включая стадион имени Ленина на 103.000 мест и закрытый Дворец спорта, вмещающий 14.500 человек. Боб Консайдэн [Корреспондент, сопровождавший Херста] называет это величайшим спортивным комплексом, который ему когда-либо приходилось видеть, не исключая олимпийские стадионы в Мельбурне в прошлом году.

Люди одеты лучше, чем в 1955 году. Их костюмы нельзя назвать модными или элегантными. . . Они такие, как нужно.

Витрины магазинов предлагают всё более широкий и более разнообразный ассортимент продовольствия.

Иллюзия № 2: Что русская кампания в защиту мира — это только пропагандистский жест, предназначенный лишь для внешнего потребления и не имеющий никакого отношения к русскому народу.

Одно из главных наблюдений, которое мы сделали во время нашей поездки в Россию, говорит как раз обратное.

Война с Германией была таким тяжёлым испытанием, что память о ней всё ещё не изгладилась в умах русских. Атомная и водородная война будет намного тяжелее того, что им пришлось пережить в 1941–1945 годах.

Поэтому русские подходят к американцам на улицах и говорят им, как сильно они хотят мира. Они говорят, что война немыслима. И они говорят это с таким пылом, что вы видите, что это чувство родилось в них самих, а не подсказано им.

Иллюзия № 3: Что русские руководители плохо осведомлены о событиях в Америке и что им говорят лишь то, что по мнению их представителей за границей, они хотели бы услышать.

Во время нашей длинной беседы с Хрущёвым было ясно, что он знает от начала и до конца последние важнейшие сообщения из Соединённых Штатов. . . »

В другой статье Херст говорит о научных достижениях Советского Союза.

«... Это начинается или началось для нас, когда нас помчали из Праги в Москву на «ТУ-104» — пассажирском реактивном самолёте на 70 мест. Эти самолёты регулярно обслуживают советские авиалинии на протяжении года с лишним. Между тем наши аналогичные реактивные самолёты «Боинг-707» и «Дуглас ДС-5» станут обыденным явлением в нашем небе не раньше 1959 года.

Русские авиационные инженеры явно не нуждались в «краденых секретах» или в помощи «пленных» германских экспертов для того, чтобы создать «ТУ-104» или огромный турбореактивный самолёт «ТУ-114». Они строили всё с самого начала. Эти самолёты — такой же естественный атрибут русского культа инженера, каким борщ является для крестьянского меню.

Приезжий, выйдя из реактивного самолёта «Аэрофлота», летящего со скоростью около 600 миль в час, может сесть в новенькую, с иголки, ярко раскрашенную «Волгу», новый русский недорогой автомобиль, и с шиком поехать в Москву.

Когда-то русские нуждались в машинном оборудовании «Паккарда» и «Бьюика» для того, чтобы выпустить автомобиль, кстати сказать, они всё ещё пользуются этим оборудованием. Но теперь имеется «Волга», произведённая на прессах, сконструированных в России, на основе чертежей, разработанных в России членами новой королевской семьи

Советского Союза — инженером, промышленным конструктором, магом производства, мечтателем.

Первый шпиль, который бросается в глаза посетителю во время его поездки из аэропорта, это — не церковный шпиль, не административное здание и не телевизионная башня. Это — главное здание Московского университета, расположенное на Ленинских горах.

Довольно трудно описать Московский университет, не прибегая к выражениям путеводителя. Согласно русским подсчётам, он «в 15 раз больше Колумбийского университета в Нью-Йорке».

Центр этого внушительного сосредоточения «русской готики» имеет 32 этажа; наверху его возвышается стройная мачта, отдалённо напоминающая башню небоскрёба «Эмпайр стейт билдинг». На самом вершине этой стройной башни видна огромная красная звезда».

Далее Херст очень подробно описывает «поразительную русскую машину просвещения» и подчёркивает, что упор делается на точные науки и исследовательскую работу.

«Точная наука — это король, и чем более одарённым является учёный, тем больше он приближается к тому положению, которое в Америке занимал бы красавец-миллионер, являющийся одновременно спортивной знаменитостью и голливудской кинозвездой».

«Сибирь — название, которое звучит злоеце для любого человека с Запада, — превращается в огромный комплекс недавно построенных городов, заводов, программ исследовательской работы и развития. Даже главное шоссе, ведущее в тот край, который когда-то был краем рабства и соляных рудников, изменилось. Сейчас его называют «Шоссе энтузиастов»».

В начале третьей статьи Херст говорит, что «в годы второй мировой войны в США возникло в целом добродушное презрение к русским как к строителям».

Когда они создали атомную бомбу, а затем водородную бомбу, американцы были склонны говорить, что это было достигнуто главным образом благодаря захваченным германским учёным, а также людям, передавшим им секреты, часть которых содержалась в докладе Смита, опубликованном и распространённом после дня победы над Японией.

Русские послали в Корею прекрасный самолёт — истребитель — как может подтвердить любой лётчик, которому пришлось с ним сражаться, — «МИГ-15». Однако американцы имели тенденцию приписывать в данном случае заслугу германским конструкторам, которых красные захватили в конце второй мировой войны.

Многие из нас не желали признавать, что сами русские немало сделали для своей программы ракетостроения. Снова говорили, что, вероятно, это — дело «захваченных в плен германских учёных, создавших «Фау-2»».

Теперь появились спутники — мирные космические корабли, которые много дали науке вообще. Однако, как заметил нам с определённым упором Никита Хрущёв, спутники были выведены на орбиты межконтинентальными баллистическими ракетами.

Он сказал мимоходом, что единственная разница между межконтинентальной баллистической ракетой, которая забросила спутники, и той, которая может перебросить водородную бомбу на большой американский город на расстоянии нескольких тысяч миль от пусковых площадок в России, заключается в боевой головке. Спутник, сказал он, — это «мирная головка».

Его эксперты по спутника устроили редкую пресс-конференцию, пока были в Москве, и они точно так же были совершенно спокойны, когда один из них заявил, что будущие планы русских астрофизиков включают спутник Луны, снабжённый телевизионной камерой, а также приземление экспериментального снаряда на Луне. Этот человек говорил так, как будто всё это — дело завтрашнего дня.

Если есть какой-то очаг упорно сохраняемого убеждения, что русские учёные ничего не могут достигнуть самостоятельно, то этот очаг, вероятно, находится в сенатской комиссии по вопросам внутренней безопасности.

Одним из последних заявлений комиссии в связи с осуждённым шпионом Дэвидом Гринглассом было повторение выдвинутых на процессе Розенбергов туманных обвинений, что Юлиус Розенберг передал русским сведения о «космической платформе».

Херст далее отвергает этот намёк на использование Россией украденных планов для запуска спутников; «... советскую науку чрезвычайно недооценивали в нашей стране», — говорит Херст. «Важнейшие достижения последних лет, начавшиеся с испытания первой русской атомной бомбы всего через четыре года после Аламагордо и теперь завершившиеся вторым спутником, — это плоды исследований и мечтаний плюс медленный и прошедший в общем незаметно прогресс». И он принимается цитировать Циолковского.

Но межпланетные ракеты — это не всё.

«Россия заканчивает строительство величайшего в мире аппарата для разбивания атомного ядра, циклотрона гигантских размеров, предназначенного содействовать дальнейшему проникновению в тайны ядер и их излучений после расщепления.

Строится пять атомных электростанций, которые по завершении будут давать 2.500.000 киловатт-часов электроэнергии.

Первое советское судно с атомным двигателем, корпус которого только что спущен на воду, никак не может быть связано с войной. Это — ледокол «Ленин», который сможет расчищать замерзающие советские гавани, не пополняясь топливом в течение года. . . »

Советские физики работают над «обузданием водородной бомбы» — над использованием реакции ядерного синтеза для получения электричества, как атомные электростанции России и Америки уже используют реакцию расщепления.

Последняя статья Херста называется «Каким образом американцы могут выиграть «мир»». Он призывает США принять серьёзные меры, чтобы свести на нет превосходство России и в конечном счёте вернуть инициативу в «глобальной борьбе». Херст вносит три основных рекомендации: 1) президент Эйзенхауэр должен создать небольшой внутренний кабинет,

который был бы известен как «кабинет мира»; 2) в США должен быть создан постоянный планирующий орган для разработки общей стратегии одержания победы в борьбе за «существование на основе соревнования»; 3) «в-третьих, в один прекрасный день президент Эйзенхауэр с полного ведома и согласия наших союзников должен встретиться за столом совещания с Никитой Хрущёвым».

«Принятие президентом в настоящее время последнего предложения Булганина о проведении прямых переговоров было бы ошибкой. Это могло бы быть истолковано советскими руководителями как признак слабости.

Однако я полагаю, что подходящий момент для переговоров президента с Хрущёвым наступит, возможно, после того, как мы запустим в небо наш собственный «спутник»».

Херст, как и весь мир, отлично понимает, какие роли в нашем правительстве играют Хрущёв и Булганин.

Фильм «Три монеты в фонтане Треви», где играл Россано Брацци, нам не известен; но название произошло от итальянского обычая бросать мелкую монету «на счастье» в воду фонтана Треви.

[Далее выписки некрологов 1957 года]

24 декабря. Вторник. Год назад я ещё был студентиком и бегал по Уфе. Как раз в декабре под новый год я сидел в зале музея имени Нестерова, слушал дискуссию и делал в блокноте записи и фантастические рисунки. В новый год я танцевал в Авиаинституте с Людой Кульшевой, а потом у Нэли Соколовской мы с Гогой Ивановым пили спирт и за праздничным столом говорили о политике. А в январе 1957 года в «Ленинце» появилась моя статья о художественной дискуссии, за которую меня чуть не объявили «врагом народа». Эта статья была, вероятно, последним проблеском «вольномыслия» 1956 года, года, который какой-то подленький московский литератор назвал «позорным годом».

А теперь?

Сижу в Бишкаине, учу чувашскую молодёжь русскому языку, погибаю с тетрадами, иногда с ними просиживаю до часу ночи. Почти ничего не пишу. Прочёл взятую в клубе книжку «Гиблая слобода», перевод с французского (Jean-Pierre Chabrol, «Le bout-galeux»). Жан-Пьер Шаброль — рисовальщик и журналист из «Юмините», в 1955 году получил за эту книгу премию «Попюлист» (присуждается за произведения из народной жизни). Родился он в 1925 году. Был в Москве во время VI Фестиваля в 1957 году. Книжка мне довольно-таки понравилась. Простая, честная, французская книжка.

Ну, ещё перечёл «Русский лес» Леонова и утвердился в своём мнении, что эта книга не заслужила премии имени Ленина.

Читал польский журнал «Dookoła świata», следил за нашей прессой, подбирал также разный материал, чтобы сочинить новеллу об Антуане Ватто. Выписал через МБА из Ленинской библиотеки известную книгу Гонкуров. Надеюсь, что, приехав в Уфу, застану её на месте. Тогда уже я поработаю! А вернусь в Бишкаин — напишу эту новеллу.

Написал ещё в сентябре рассказ, показал матери, переделал — и он до сих пор лежит в редакции «Советская Башкирия».

И больше ничего не сделано — тетради, тетради, тетради! Я р а б о т а ю. Ставка 916 руб., на руки 743 рубля. Двадцать два часа в неделю. Литературный кружок. Без классного руководства. Литература и русский язык. В двух десятых классах и одном девятом. Я сельский учитель.

Новизна положению выбивает меня из обычной колеи, нет настроения писать, вернее, нет к р и с т а л л и з а ц и и — задумываю сюжет, нахожу мелочи, но не отливается в живую форму, нет зрительного ощущения, нет слова, за которое может уцепиться рассказ. Да это и неважно — времени не хватает. Мне нужно пять часов сплошного времени, чтобы крепко разработать заготовку.

25 декабря. Среда. В Египте открыт заговор с целью восстановления монархии. Англия и некоторые монархи арабских государств дали деньги для осуществления переворота. Предполагалось уничтожить президента Насера и других видных деятелей египетской революции.

Вот одно из моих бишкаинских стихотворений:

*В зелёной скуке воскресений
Мне грустно молодость терять:
Зевать и слушать звон осенний
Или конспекты повторять,
Смотреть плохие кинофильмы
И пить невкусное вино...
Жить полной жизнью — счастье сильных,
Мне это счастье не дано!
И я завидую упрямым,
Что вдалеке от суеты
Ведут учёт протуберанцам
И звёзды ловят за хвосты.*

25 октября.

Это «ория», безусловно, навеян воспоминаниями о пустой жизни городской интеллигентной молодёжи.

А вот еще:

*Зимние оркестры заиграли,
В белый плащ окутались леса,
И оделись в серый цвет печали
Чахлые больные небеса.
Снег штурмует бледное оконце,
Снег добраться хочет до меня.
Где-то за морями скрыло солнце*

*Все запасы своего огня.
Несмотря на все мои уловки,
Не рассеять скуку вечеров. . .
И рисует женские головки
От стихов отвыкшее перо.
10 декабря.*

Но уже на другой день настроение улучшилось, и я написал вирши повеселее под названием «Н А П Л Е В А Т Ъ!» — чем не Маяковский?

*«Наплевать!» — сказал самоубийца.
И в сортире утопил наган.
В такие дни нельзя убиться,
Невозможно уступить врагам,
И внезапно прибывают силы,
Человек справляется с бедой,
И больные, вянущие жилы
Закипают кровью молодой.*

*Тихий день, обычная погода —
Как нам эту дату отмечать?
Только вдруг приобрела природа
Непонятной радости печать.
Из снегов сегодня солнце всплыло,
Небывалым пламенем горя,
И зима в восторге затрубила
В золотые трубы декабря.
Нет ни тени грусти в небе чистом,
Мир сегодня заодно со мной.
Даже у заядлых пессимистов
Иногда бывает выходной.
11 дек., среда.*

26 декабря. Четверг. Вчера после предыдущей записи я сочинил стихотворение. Потушив лампу и лёжа в постели, я произвёл мысленную правку, а сегодня её зафиксировал и придумал пышное название: «Любовь земная и любовь небесная».

*Над равниной летит паровозный гудок,
Мчится поезд, гремучий и шаткий.
Я открыл эту дверь, как бывалый ездок,
И курю на вагонной площадке.
Полчаса не прошло, а как будто вчера,
И досада расходится быстро.*

*С папиросы срывается дыма спираль
И короткие красные искры.
Искры гаснут, и это в порядке вещей. . .
Всё ж любовь дожидла до вокзала.
Но скрипит возле уха какой-то кащей
Те слова, что она мне сказала:
«Слушай, милый, не злись. . . постарайся понять,
Как сама эту вещь поняла я:
Я успехов твоих не могу больше ждать
И копейки считать не желаю.
Ты талантлив, силен, не дурак, не холуй,
Но надежды не кормят, не греют.
Так давай, если хочешь, меня поцелуй -
И прощай, и езжай поскорее!»
«И прощай, и прощай, и прощай!» — как всегда,
Хор колёс, хохоча, повторяет.
А за мною бежит голубая звезда,
Словно руки вослед простирает.
Как она, та звезда, хороша и чиста!
Лик её печален и светел!
Провожает меня и не хочет отстать
Чьё-то сердце, что я не заметил.
25–26 дек.1957 г.*

Исследования

Исследования

Р. Г. Назиров — писатель-литературовед*

В. В. Борисова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

Мы сознательно использовали в названии данной статьи тире и дефис вместо союза «и», подчеркивая тем самым синкретическое единство двух ипостасей творческой индивидуальности Р. Г. Назирова. Первыми на присущие ему свойства литературоведа и литератора обратили внимание Б. В. Орехов и С. С. Шаулов,¹ хотя, на взгляд Б. В. Орехова, писательство для литературоведа — «качество не обязательное и даже по-своему противоестественное».² Правда, В. Б. Шкловский в своё время утверждал, что «каждый порядочный литературовед должен, в случае надобности, уметь написать роман»³.

Тем не менее, задача выявить «соотнесённость художественной стратегии Р. Г. Назирова и его литературоведческих изысканий» поставлена его учениками абсолютно обоснованно и действительно требует специального изучения⁴. Также заслуживает внимания и развития мысль о том, что «литературовед Назиров, даже превращаясь в писателя, не мог перестать рефлексировать над текстом».⁵

Соглашаясь во многом и основном с Б. В. Ореховым, мы, во-первых, полагаем, что феномен личности Назирова и его многогранного творческого наследия обусловлен именно сопряжением талантов журналиста, прозаика, поэта, историка и теоретика литературы, культуролога, философа, вузовского лектора. К тому же, как писатель-литературовед он вполне вписывается в традицию отечественного достоевсковедения. Можно, к примеру, вспомнить литературный опыт В. Б. Шкловского, Л. П. Гроссмана, успешно подхваченный современными учеными, работающими в историко-биографическом жанре.

Справедливости ради заметим, что в процессе изучения обширного назировского архива молодые исследователи корректируют собственные первоначальные суждения. В одной из последних своих статей они уже подчеркивают, что «теперь Ромэн Гафанович предстает

*Статья подготовлена в рамках научных проектов РГНФ № 15–14–02001 и № 16–04–02008.

¹Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова // Назировский сборник: исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. Уфа, 2011. С. 25–42; http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_2_139-145_journ.pdf Шаулов С. С. Журналистика как материал для культурологии. Размышления по поводу сборника газетных рецензий Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2013. № 2. С. 25–42.

²Назирова Ромэн. Уфимские рассказы. Предисловие Б. Орехова // Бельские просторы, 2011. № 4. С. 56.

³Цит. по: Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 35.

⁴Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова. С. 39.

⁵Там же. С. 40.

органически творческой личностью. Если раньше особенный стиль его печатных работ воспринимался изолированно, как нетипичная для ученого риторическая стратегия, теперь, на фоне его многочисленных художественных занятий, становится ясно, что Назиров никогда не переставал быть писателем».⁶

Во-вторых, сделаем еще одно принципиально важное замечание. В самом начале своей статьи Б. В. Орехов пишет: «Кропотливая работа автора <Р. Г. Назирова> над рукописями <...> вызывает в памяти образ пушкинского Сальери».⁷ Думается, что здесь можно добавить имя Ф. М. Достоевского, к изучению творчества которого уфимский ученый обратился в начале своего исследовательского пути. Как известно, автора «Братьев Карамазовых» отличала особая манера писательского письма: замысел произведения воплощался в нескольких вариантах, которые по ходу сопровождались разнообразными авторскими маргиналиями, обнажающими осознанный характер творческого процесса.

Уже в своем первом серьезном литературоведческом труде Р. Г. Назирова 1962 года «К вопросу об автобиографичности романа Ф. М. Достоевского «Игрок» заметна особенность его стиля – сочетание академизма и беллетризма. Например, точная с научной точки зрения характеристика личности Михаила Бакунина приобретает особую яркость и выразительность благодаря уместному использованию перифразы и метафоры: «Этот авантюрист от революции приближался тогда к зениту своей сомнительной славы».⁸

Показателен и другой пример: «Итак, первое заграничное путешествие Достоевского проходило в бодрой, жизнерадостной атмосфере».⁹ Переходя далее к характеристике Сусловой, Р. Г. Назиров пишет: «Несомненно, что в возрасте 21 – 22 лет Аполлинария Прокофьевна отнюдь не была ни «роковой женщиной», ни натурой трагической: она смотрела на жизнь оптимистически, верила в будущее, искала счастья в любви, и целомудрие, девичья свежесть, ясность составляли не менее существенную особенность её природы, чем ригоризм, гордость и чувственность».¹⁰

Определенные преимущества подобного стиля успешно реализовали в своих трудах такие современные писатели-литературоведы как И. Л. Волгин и Л. И. Сараскина. В биографической книге «Возлюбленная Достоевского», посвященной Аполлинарии Сусловой, Л. И. Сараскина называет ее инфернальницей, мучительницей, гордой барышней, жесткой музой художника, подчеркивая, что «для историка литературы и общественной мысли Аполлинария Сулова-заманчивы объект исследования, для писателя-благодатный сюжет, золотая жила».¹¹

⁶Орехов Б. В., Шаулов С. С. Наследие Р. Г. Назирова до и после публикации архива // Назировский архив. 2014. № 4. С. 143.

⁷Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова. С. 42.

⁸Назиров Р. Г. К вопросу об автобиографичности романа Ф. М. Достоевского «Игрок» // Назировский архив. 2013. № 1. С. 16.

⁹Там же. С. 17.

¹⁰Там же. С. 19.

¹¹Людмила Сараскина. Возлюбленная Достоевского. Аполлинария Сулова: биография в документах, письмах, материалах. М., 1994. С. 14.

Еще раньше возможности этого научно-художественного стиля блистательно продемонстрировали В. Б. Шкловский, Л. П. Гроссман, Ю. Н. Тынянов. Их мастерское владение словом неоднократно отмечал и сам Р. Г. Назиров. Несомненно его тоже можно отнести к когорте писателей-литературоведов. На наш взгляд, своеобразие его авторской манеры письма в одинаковой степени проявилось как в научных, литературоведческих, так и в художественно-публицистических и собственно литературных штудиях.

Показательны в этом плане отмеченные Б. В. Ореховым особенности творческого процесса Р. Г. Назирова: тщательная работа над всеми текстами, практически всегда выливавшаяся в создание их нескольких черновых вариантов, а также постоянная рефлексия над ними, выражавшаяся в попутных «внутренних» комментариях к ним.

И здесь, на наш взгляд, особенно очевидна принципиальная аналогия с Ф. М. Достоевским. Рукописное наследие автора великого «пятикнижия» ярко отражает как напряжение, так и рефлексивность творческого процесса — от первоначального накопления материала до его вдохновенного превращения в сюжеты, образы, идеи. В свое время Л. М. Розенблюм объяснила эту особенность художника тяготением к диалогу даже с самим собой.¹² Напряжённый внутренний диалогизм был присущ и Р. Г. Назирову. По мнению Б. В. Орехова, об этом «свидетельствует не только эмоциональность и бескомпромиссность» авторских маргиналий, но и их своеобразный жанр, сочетающий дидактизм напутствий с аутотренингом.¹³

Благодаря изданным и хорошо прокомментированным записным книжкам автора «пятикнижия» сегодня можно отчетливо представить, как он в ночной тиши, наедине с собой, лелеял и фиксировал планы своих произведений во всех подробностях, комментируя и меняя их на ходу, обозначая новые намерения и соображения. Эту наглядность и обнаженность творческой работы подтверждает и огромный архив Р. Г. Назирова, представляющий лабораторию его мысли.

Он как бы следует за любимым писателем, который, фиксируя ход собственного творческого процесса, сделал примечательную запись: «Чтобы написать роман, надо запастись прежде всего *одним* или *несколькими* сильными впечатлениями, пережитыми сердцем автора действительно <...>

Из этого впечатления развивается тема, план, стройное целое».¹⁴

Б. В. Орехов, опираясь на биографические свидетельства, делает вывод о том, что «личные наблюдения играли особую роль для построения сюжета и создания характеров героев» в художественных произведениях Р. Г. Назирова.¹⁵

Правда, следующее суждение исследователя представляется несколько спорным: «По всей видимости, такого рода личные впечатления были гораздо важнее книжной традиции».¹⁶

¹²Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского // Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради. 1860–1881 гг. Литературное наследство Т. 83. М., 1971. С. 12–13.

¹³Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова. С. 25.

¹⁴Цит. по: Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. Литературное наследство. Т. 77. М., 1965. С. 14.

¹⁵Орехов Б. В. Малая проза в дневниках Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2014. № 4. С. 121.

¹⁶Там же.

Известно, что литературно одаренный Р. Г. Назиров был исключительно начитан, и в этом плане его также можно сравнить с Ф. М. Достоевским, который, по меткому выражению А. Бема, был не только гениальным писателем, но и «гениальным читателем». Не случайно С. Г. Бочаров, определяя филолога-профессионала как «особым образом просвещенного, квалифицированного и по идее лучшего читателя текстов литературы», подчеркивает, что настоящий литературовед-это «потом исследователь, а прежде читатель»¹⁷.

Опубликованные дневниковые записи Р. Г. Назирова о малой прозе, подтверждая приоритет вынесенных из жизни наблюдений и впечатлений, свидетельствуют об их дальнейшем осмыслении в широком литературном контексте, с осознанием определенной художественной традиции. Так, молодой писатель сам отмечает влияние Э. Хемингуэя на себя, с удовлетворением записывает, что отшлифовал начальные главы будущего романа по нескольку раз и хотя до середины так и не дошёл, «зато сюжет и лица совершенно прояснились» (24 августа. 1957).

Можно предположить, что о творческих принципах Достоевского Р. Г. Назиров позднее писал, помня о своих литературно-художественных поисках. Во всяком случае, личностное преломление блестяще рассмотренной проблемы характеросложения в романе «Идиот» несомненно: «Бесконечные колебания в черновиках и литературные ассоциации, лишь частично входящие в окончательный текст, выражают стремление Достоевского ориентировать характер в литературной традиции и точно определить его место в фабуле».¹⁸

Как уже отмечено многими исследователями, «в процессе обдумывания будущего произведения Достоевский все свое внимание посвящает четырем главным задачам: 1) углубленной и детальной разработке идейной проблематики, 2) созданию основных характеров и всей системы образов персонажей, 3) сюжетной конструкции и 4) форме повествования».¹⁹

Естественно не проводя полной аналогии с великим писателем-классиком, отметим типологическое сходство Р. Г. Назирова с ним в плане организации творческого процесса: это касается «зачатия художественных мыслей», «выдумывания планов», их реализации в различных редакциях, отрефлексированного характера воплощения замысла, наличия достаточно развернутых автокомментариев, даже приемов творчества, в том числе и графики, выделения отдельных «слов и словечек», осознания важности работы над словом.

Чрезвычайный интерес в этом плане представляет сохранившаяся в архиве ученого записка, имеющая роль авторской преамбулы к раннему рассказу «История одного взыскания»: «При свободной фабрикации сюжета исходным пунктом являются два фактора: 1) желание показать читателю какую-либо сторону своего «я» и 2) какое-либо реальное чувство, отношение к реальному окружающему миру.

Допустим: 1) я желаю показать читателю свою горячность, гнев, непримиримость к злу; 2) конкретно-отрицательное отношение к людям, кичащимся мнимой дружбой.

¹⁷Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М., 2007. С.618.

¹⁸Назирова Р. Г. Творческие принципы Достоевского. Саратов, 1982. С. 86.

¹⁹Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи // Литературное наследство. Т. 77. М., 1965. С. 33.

Тема: дружба, не выдерживающая испытания делом. Фальшивое обвинение в комсомольской области. Один из друзей-секретарь комсомитета института, знающий суть дела, но считающий, что «вынужден» из принципа наказать своего друга. Выговор с занесением в личное дело. Потом приходит утешить друга, вынимает из кармана бутылку водки. Друг его прогоняет.

Через восприятие моего «я». Я живу в общежитии вместе со вторым другом. Финал благоприятен для первого (секретаря). Не делать комслидера абсолютным негодяем. Не делать его жертву абсолютным идеалом. Просто, реально.

Теперь остается изобрести, высосать из пальца второстепенный конфликт, завязывающий действие: вину второго друга.

Обычное дело-драка на вечере в институте.

Теперь нужно придумать название и имена. Фабула складывается сама под пером. L'appetit vient en mangeant.

История одного взыскания. «Наложить взыскание». Рассказ.²⁰

Несмотря на идейную простоту замысла, выдержанного в духе советской литературы, здесь, на наш взгляд, проявляются особенности творческой работы Р. Г. Назирова над художественными текстами, близкой к манере Достоевского: это вторичность сюжета или фабулы по отношению к идее, которая и формулируется в первую очередь. Затем решающую роль в создании характеров, по словам самого Р. Г. Назирова, сказанным о Достоевском, начинает играть «выработка фабулы и внутрискруктурных отношений».²¹ Когда сюжет определен, подбираются реалии, штрихи действительности, выбираются повествовательная и оценочная точки зрения («через восприятие моего «я»), название произведения, имена героев. Налицо также стремление к предельно четкой организации творческой работы, совершенно очевидное и в писательской стратегии Достоевского.

Еще больший интерес представляет опыт художественного творчества Р. Г. Назирова, связанный с беллетристическим изображением ключевых фигур русской классической литературы-К. Д. Батюшкова, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского. Будучи студенткой БашГУ в 1970-е годы, я с увлечением читала короткие, но яркие и запоминающиеся назировские тексты, посвященные великим писателям. 11 ноября 1971 года в республиканской газете «Ленинец» был опубликован рассказ об одном из самых трагических событий в жизни Ф. М. Достоевского-«Семеновский плац».

В нем налицо сочетание глубокого историзма, подтверждающегося документально точными деталями и фактами, и мощного художественного начала, проявляющегося в способности к максимально тонкой психологической драматизации наряду со сдержанным стремлением к вымыслу. В современном достоевковедении признанным мастером подобного историко-документального биографического жанра является И. Л. Волгин. В своей книге

²⁰ АРГН. Дело № 147. Рукой Д. Г. Назировой написано: Назиров Р. Г. Статьи, рассказы, рецензии фильмов и спектаклей в газетах «Ленинец», «Советская Башкирия» и др.

²¹ Назиров Р. Г. Творческие принципы Достоевского. С. 87.

«Колебясь над бездной»²² он с исторической и художественной точностью также воспроизводит сцену казни петрашевцев, обогащая ее описание новыми архивными сведениями, раскрывающими политическую подоплеку «режиссерского» плана императора.

Однако наш доклад о Назирове-писателе-литературоведе²³ Игорь Леонидович воспринял весьма критически: назвав Ромэна Гафановича прекрасным, тонким исследователем, он, по сути, отказал ему как художнику, отметив неорганичность сочетания «подлинных цитат» и излишне «красивых» тропов (*солнце-красное, как свежееободранное сердце*) в рассказе «Семеновский плац».

Можно предположить, что такая реакция есть проявление кризисных отношений между литературоведением и литературой, которые попытался разрешить в своем творчестве Р. Г. Назиров, выдающийся литературовед и интересный, но еще до конца непрочитанный писатель.

СЕМЕНОВСКИЙ ПЛАЦ

На колокольне Петропавловского собора зазвенели куранты. Достоевский оторвал голову от подушки и стал считать. Половина седьмого. Он встал, набросил свой серый арестантский халат и подошел к окну. Ночью выпал глубокий снег, и сразу начало примораживать. Через два дня Рождество. Уже восемь месяцев прошло в одиночке, в 9-м номере Алексеевского рavelина, — восемь месяцев допросов, ночных кошмаров и бесконечных, безотвязных дум.

Было 22 декабря 1849 года.

Вдруг послышались голоса, затем шаги множества ног в коридоре, звон ключей и скрежет замков. Достоевский встрепенулся. Двери камер открывались одна за другой. Он услышал, как вставляют ключ в замок его двери. Вошел дежурный офицер, с ним тюремный служитель со связкой одежды через плечо. Достоевский тотчас узнал свою одежду, в которой он был взят на своей квартире той теплой апрельской ночью.

– Никодим Фомич, конечно наше дело?

– Одевайтесь побыстрее!-офицер был явно не расположен к разговорам.

– Куда нас повезут, Никодим Фомич?

Офицер хмуро отвернулся. Атмосфера общей спешки и суеты чувствовалась во всем рavelине и подстегивала Достоевского сильнее любых понуканий. Он оделся, застегнул пальто, завязал шарф, надел свою помятую пуховую шляпу. «Готовы?»-и его повели.

На крыльце рavelина чистый морозный воздух ворвался в легкие. Но ему не дали полюбоваться голубым утренним небом. Тотчас к крыльцу подкатила закрытая черная карета, ему предложили садиться, рядом с ним сел солдат, карета двинулась, колеса заскрипели по снегу. Достоевский посмотрел на солдата-простое мужицкое лицо, чуть рябоватое; немолод, ружье держит привычной рукой. Нет, с таким не разговорись.

²² Волгин И. Л. Колебясь над бездной. М., 1998. С. 151 – 157.

²³ Доклад был прочитан на VI Международном конгрессе «Русская словесность в мировом культурном контексте. Итоги года литературы» 15 декабря 2015 в С.-Петербурге.

Карета остановилась, снаружи были слышны голоса, скрип снега под множественством колес, потом раздалась кавалерийская команда: «Эскадро-он. . . рысью. . . марш!» Снова тронулись, и теперь Достоевский чувствовал, что едет сразу много экипажей и всадников. Но окна кареты были затянуты льдом. Он снова покосился на солдата и не выдержал:

– Куда мы едем, не знаешь?

– Не могу знать.

Достоевский отвернулся, подышал на стекло, поскреб ногтем, опять подышал. Наледь на стекле протаивала; солдат смотрел все так же невозмутимо и как бы с пониманием. Достоевский проделал во льду глазок и наклонился к нему. Карета ехала по Воскресенскому проспекту – как быстро переехали через Неву! Видны были люди, которые останавливались и глядели вслед карете. Достоевский увидел, что рядом скачет жандарм с саблей наголо.

Петербург недавно проснулся и растапливал печи, хозяйки и повара возвращались с рынков. Утро было ясное, небо все светлело. Уличному люду бросался в глаза поезд черных карет, взвод жандармов впереди, взвод позади и по одному жандарму по сторонам каждой кареты. По столице весть: «Коммунистов везут!».

Так называли в то время в Петербурге кружок утопических социалистов, собиравшихся в доме Петрашевского и сваченных весной после годового с лишним наблюдения подосланного к ним шпиона Антонелли. Ходили кошмарные слухи, что «коммунисты» имели филиации в губерниях и готовили бунт не то в Перми, не то в Саратове, что к Петрашевскому из Парижа приезжали два человека «от самого Прудона» и что «коммунисты» замыслили уничтожение городов и разделение имущества. Публика очень хвалила министра внутренних дел Перовского и его подчиненного полковника Липранди, открывших этот «злодейский заговор».

Черные кареты промчались по Воскресенскому проспекту, по Кировной и Знаменской, доехали до Лиговки и покатали вдоль грязного Обводного канала. Повернули направо. Достоевский прикидывал и вспоминал расположение улиц. Но вот карета остановилась, дверь открылась, ему приказали выходить. Он спрыгнул и оказался по щиколотку в снегу: так и есть – Семеновский плац. В официальных бумагах той поры он назвался: «Семеновское плац-парадное место».

В морозной дымке над Петербургом встало солнце-красное, как свежееободранное сердце. Часть карет уже стояла на плацу, другие подвезжали, высаживали седоков: Достоевский увидел знакомые лица Петрашевского, Спешнева, Дурова, Ястржембского – все бледные, исхудалые, обросшие, как, наверное, и он сам. Кругом стояли войска в каре, на валу уже собралась большая толпа народа.

Но что это?

Сердце его дико забилося. Посреди плаца высился обитый черным сукном эшафот, рядом с ним были врыты несколько серых столбов. Он не успел ничего сообразить: кто-то крепко обнял его. Это был поэт Алексей Плещеев. Дрожь от холода в своих летних паль-

то и тонких шинелях, петрашевыцы обнимались после восьмимесячной разлуки. Генерал-адъютант Сумароков, командир гвардейской пехоты, подъехал к ним на коне и крикнул:

– Теперь нечего прощаться! Становите их.

Чиновник с бумагой начал выкликать имена, узники строились по мере чтения. Их было двадцать три человека, а не сто, как говорили в Петербурге. Священник с крестом в руках стал во главе строя и сказал:

– Сегодня вы услышите справедливое решение вашего дела. Последуйте за мной.

Утопая в снегу, процессия двинулась по плацу. Их вели на эшафот, но не прямо, а вдоль строя войск. Обойдя по внутренней стороне все каре, петрашевыцы поднялись на эшафот. Пахло свежими досками. Их построили двумя шеренгами по длинным сторонам прямоугольника. В одной шеренге с Достоевским стояли хмурый Петрашевский с густой черной бородой, истощенный, с ввалившимися глазами Спешнев (куда девались его красота и сила!), Момбелли и Львов, Толь, Дуров. . . Рядом с Достоевским все время был Плещеев.

Раздалась команда:

– На карра-ул!

По всему плацу грянул слитный бряцающий звук ружей. Трехтысячная толпа умолкла.

– Шапки долой!

Началось чтение приговора. Чиновник на эшафоте, становясь поочередно перед каждым узником, читал изложение вины. Мороз жег уши Достоевскому, леденил голову. Настал и его черед.

– Военный суд находит подсудимого Достоевского виновным в том, что он, получив от дворянина Плещеева (подсудимого) копию с приступного письма литератора Белинского, читал это письмо в собраниях сначала у подсудимого Дурова, потом у подсудимого Петрашевского. . . был у подсудимого Спешнева во время чтения возмутительного сочинения поручика Григорьева под названием «Солдатская беседа». . . -чиновник читал торопливо и невнятно.-Лишить на основании Свода военных постановлений, часть пятая, книга первая, статьи. . .

Следовало девять номеров статей кряду.

– . . . чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертельной казни расстрелянием.

Чиновник перешел к следующему обвиняемому. Достоевский стоял неподвижно, потом у него вырвался короткий смешок. Они сошли с ума! Расстреляние? За чтение письма Белинского? За речи о рабстве, в котором коснеет великий народ? За восхваление Фурье в беседах с друзьями?

– Полевой уголовный суд, — чиновник повысил голос, — приговорил всех к смертной казни расстрелянием, и 19-го сего декабря государь император собственноручно написал: «Быть по сему».

Приговоренные стояли в изумлении. Чиновник сошел с эшафота, солдаты внесли на него белые балахоны с колпаками-одежду смертников. Узников начали одевать в балахоны по-верх их пальто и шинелей.

– Ну и маскарад! Каковы мы в этих саваннах!-сказал Дуров.

– Но ведь это безумие!-бледный Достоевский с нервным смехом поворачивался то к одному, то к другому. Глаза его неестественно блестели.

Все тот же священник с крестом в руках и евангелием под мышкой взошел на эшафот, за ним солдаты внесли аналой и поставили в дальнем от лестницы конце, между двумя шеренгами. На красном от мороза лице священника было написано торжественное уныние.

– Братья! Перед смертью надо покаяться. Кающемуся спаситель прощает грехи. Я призываю вас к исповеди.

Но никто не чувствовал раскаяния-гордость и отчаяние владели петрашевцами. Достоевский, как замороженный, смотрел на распятие в руках священника: «Они сошли с ума, мы ни в чем не виноваты. Нашею целью было царство божие на земле. Меня сейчас казнят. Меня распнут безвинно, как Христа». Восторг охватил его, он больше не чувствовал холода.

Священник повторил свой призыв. Тимковский вышел из шеренги, пошептался с батюшкой, поцеловал евангелие и, не глядя на товарищей, вернулся в строй. Остальные не шевелились. Тогда священник сам пошел вдоль шеренг, давая смертникам прикладываться к кресту. Достоевский несколько раз поцеловал крест. Священник остановился как бы в раздумье.

– Батюшка!-раздался голос генерала Сумарокова, сидевшего на коне возле эшафота.-Вы исполнили все, вам больше здесь нечего делать!

Священник медленно спустился по ступенькам эшафота.

Солдаты взяли за руки первую тройку осужденных-Петрашевского, Григорьева и Момбелли, свели их вниз и стали привязывать к столбам.

– Момбелли, подымите ноги выше, — сказал Петрашевский, — а то с насморком придется в царство небесное.

Момбелли послушно подобрал ноги. Остальные петрашевцы смотрели с эшафота на первую тройку. Достоевский лихорадочно рассказывал Плещееву сюжет задуманного им романа. Его очередь было близка-по строю ему выпадало идти во второй тройке. Петрашевцы держались большей частью спокойно. Достоевский подошел к Спешневу, перед которым приклонялся, и сказал ему по-французски:

– Мы будем с Христом.

Спешнев ухмыльнулся и ответил тоже по-французски:

– Мы будем горсточкой праха.

Достоевский с ужасом посмотрел на него.

– Колпаки на глаза!-прозвучала команда.

Солдаты надвинули колпаки на лица Петрашевского, Григорьева и Момбелли. Солнце отражалось в золотых куполах церквей. На лице Достоевского сияла восторженная улыбка, он крепко держал руку Плещеева, впавшего в полную апатию. Против каждого из трех смертников выстроились по пятнадцать солдат с ружьями, на расстоянии пятнадцати шагов от «мишени»-все это было точно предусмотрено самим императором. Раздалась команда:

– При-и-цель!

Ружья исполнительного взвода стройно поднялись и замерли, направленные в первую тройку обреченных. Далее по артикулу следовала команда «пли». Достоевский продолжал смотреть с той же застывшей улыбкой, но теперь она напоминала гримасу боли. И вдруг вместо «пли» прозвучала команда:

– Отставь!

Барабаны забили отбой, стволы ружей поднялись вверх, солдаты торопливо отвязали смертников и снова подняли их на эшафот. Сквозь оцепление на плац въехала карета, из нее вышел флигель-адъютант, подняв над головой бумагу. Она тотчас перешла в руки все того же чиновника, который прочел ее на эшафоте. Это было помилование. Император даровал осужденным жизнь. Каждому было назначено особое наказание. Отставной поручик Достоевский получил четыре года каторжных работ с последующей дисциплинарной службой рядовым.

Он уже не улыбался. Силы покинули его. Страшное разочарование обманутого душевного подвѣма давало себя знать. Все уже поняли, что церемония была разыграна по заранее составленному плану. Не понял один лишь Пальм. По прочтении помилования его одинокий голос раздался на правой стороне эшафота:

– Да здравствует император Николай!

Никто не поддержал его. Петрашевцы стояли, словно оглушенные. Смертная казнь была лишь хитроумным издевательством, фарсом для устрашения. Весь мир показался Достоевскому одной огромной дьявольской насмешкой. Ипполит Дебу сказал своему брату:

– Лучшие бы уже расстреляли!

В этот день, снова оказавшись в крепости, Достоевский написал в прощальном письме брату Михаилу: «Теперь, переменяя жизнь, перерождаюсь в новую форму».

Два дня спустя, закованный в кандалы, он уже ехал по дороге к Омску.

Р. Назиров.²⁴

²⁴Ленинец. 1971. 11 ноября С. 3.

Библиография

Библиография

Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова

Опубликованные труды о Р. Г. Назирове

1. Топорков А. Л. Рецензия на: Назиров Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти: Статьи и исследования разных лет / Ред. Р. Х. Якубова. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — 408 с.; Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. — Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2014. — 292 с. [Текст] // Традиционная культура. — 2016. — №2. — С. 162–167.
2. Шевчук Ю. В. Эстетические категории и литературное произведение: возможные пути анализа (по работам уфимского литературоведа Р. Г. Назирова) [Текст] // Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции: Материалы Международной научной конференции (Москва, 26–27 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. О. А. Клинга и А. А. Холикова. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. — С. 116–124.

Правила для авторов

Рукописи в машиночитаемом виде представляются в редакцию по электронной почте nevmenandr@gmail.com. Во избежание недоразумений авторам предварительно следует ознакомиться со статьёй о принципах и целях издания (2013 № 1) до того, как посылать текст на рассмотрение редакции. Непрофильные статьи приняты к публикации не будут.

Ссылки на литературу оформляются в виде постраничных сносок. Фамилия автора цитируемой работы выделяется курсивом. Между названием работы и местом издания, а также между годом издания и страницами тире не ставится.

Вместе с представляемым в редакцию текстом следует прислать и сведения об авторе, включающие фамилию, имя, отчество, аффилиацию.

Вопрос о публикации в журнале будет рассмотрен после внутриредакционного рецензирования.

Публикация в журнале бесплатная.

Мотыга!

НАЗИРОВСКИЙ
АРХИВ

Цена: 14 руб. 50 коп.